

Научный журнал "Известия Восточного института" является преемником одноимённого периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г. Издание возобновлено в 1994 г. До 2011 г. журнал выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета". Периодичность издания – четыре раза в год. ISSN 2542-1611. Индекс 42398.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет". Адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. Публикации "Известий Восточного института" фиксируются в международной базе данных CrossRef, поддерживаемой Агентством регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта (Digital Object Identifier – DOI). Префикс doi: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>.

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Научный журнал "Известия Восточного института" посвящён проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Приоритетными темами для журнала являются особенности развития азиатских и тихоокеанских стран (прежде всего, Восточной, Южной и Центральной Азии), история и настоящее Восточной Сибири и Дальнего Востока России.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей.

Выпуски журнала включают следующие основные рубрики:

"История"
"Литературоведение"
"Лингвистика"
"Политика"
"Архив"
"Рецензии"
"Научная жизнь"

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Известия Восточного института", соответствует следующим группам научных специальностей:

5.5. Политология,
5.6. Исторические науки,
5.9. Филология.

Журнал "Известия Восточного института" входит в список рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки (по состоянию на 20.03.2023 года):

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки),
5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки),
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки),
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки),
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Сайт журнала: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Журнал отпечатан в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета.

Адрес: 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

Тираж 100 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Дмитриева Марина Олеговна, канд. полит. наук,
доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционный совет

Араи Хирофуми, старший научный сотрудник Института экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), г. Ниигата, Япония.

Бакланов Петр Яковлевич академик РАН, доктор геогр. наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, профессор, г. Владивосток, Россия.

Ларин Виктор Лаврентьевич, академик РАН, доктор ист. наук, заведующий Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сунь Юйхуа, доктор пед. наук, советник ректора Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь, КНР.

Фомин-Нилов Денис Валерьевич, канд. ист. наук, и.о. ректора Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызстан

Фудзимото Вакио, доктор ист. наук, ректор Осацкого университета экономики и права, почётный профессор Осацкого государственного университета, почётный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Осака, Япония.

Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, профессор кафедры Китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Бутенина Евгения Михайловна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор ист. наук, заведующая отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Власов Евгений Евгеньевич, канд. полит. наук, проректор по международным отношениям ДВФУ, директор ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Вольтчук Андрей Борисович, доктор полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Демьяненко Александр Николаевич, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Дудин Павел Николаевич, доктор ист. наук, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, Россия.

Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, профессор кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета, г. Иркутск, г. Томск, Россия.

Завьялов Виктор Николаевич, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия.

Завьялова Ольга Исааковна, доктор филол. наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Россия.

Золотухин Иван Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Иванов Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Изотов Дмитрий Александрович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Инь Жуюй, канд. полит. наук, заместитель директора Исследовательского института по развитию и сотрудничеству Китая и России на Дальнем Востоке Ляонинского университета, г. Шэньян, Китай.

Караман Вадим Николаевич, канд. ист. наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия.

Кейдун Ирина Борисовна, доктор филос. наук, профессор кафедры Китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор), г. Владивосток, Россия.

Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Козлов Леонид Евгеньевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Колотов Владимир Николаевич, доктор ист. наук, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина, г. Санкт-Петербург, Россия.

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора), г. Владивосток, Россия.

Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Мошков Анатолий Владимирович, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Первушина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Песцов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин "Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва" Минобороны РФ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Притчин Станислав Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора Центральной Азии Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, г. Москва, Россия.

Пустовойт Евгений Валерьевич, канд. ист. наук, г. Владивосток, Россия.

Савченко Анатолий Евгеньевич, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сбоев Александр Николаевич, канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", г. Санкт-Петербург, Россия.

Соколовский Александр Якубович, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филол. наук, заведующий кафедрой китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Терехова Евгения Викторовна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой иностранных языков Национального научного центра морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Толстокулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Цветов Петр Юрьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ, г. Москва, Россия.

Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Щукина Дарья Алексеевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой русского языка и литературы Санкт-Петербургского горного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

The academic journal "Oriental Institute Journal" is the successor to the eponymously named periodical, the first issue of which was released in 1900. Publishing was resumed in 1994. Until 2011, the journal was published under the name "Izvestia of the Oriental Institute of the Far Eastern State University". The frequency of publication is four times per year. ISSN 2542-1611. Subscription index – 42398.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Registration certificate – PI № FS77–36364 dated May 20, 2009.

Founder and publisher: Federal state autonomous educational institution higher education "Far Eastern Federal University". Address: 690922, Russia, Primorsky Territory, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10.

Publications of the "Oriental Institute Journal" are recorded in the international CrossRef database maintained by the Agency for Registration of Digital Object Identifiers (Digital Object Identifier – DOI). <https://doi.org/prefix>: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>. Articles and materials published in the journal are indexed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and are available through the site of the scientific electronic library "CyberLeninka".

"Oriental Institute Journal" is the academic journal dedicated to the problems of international relations, as well as to area and country studies of Asia Pacific. The priority topics for the journal are the features of the development of Asian and Pacific countries (primarily East, South and Central Asia), history and present of Eastern Siberia and the Russian Far East.

Articles and research materials provided by FEFU teachers and staff, and by investigators of other Russian and foreign-based educational and research organizations, as well as by all interested and competent researchers, are accepted for publication in the journal.

The journal issues include the following main subject headings:

"History"
"Literary Studies"
"Linguistics"
"Politics"
"Archive"
"Reviews,
"Scientific Life"

The subjects of articles accepted for publication in the journal "Oriental Institute Journal" correspond to the following groups of scientific specialties:

5.5. Political science,
5.6. Historical sciences,
5.9. Philology.

"Oriental Institute Journal" is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Sciences in the following scientific specialties and their respective branches of science (as of March 20, 2023):

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences),
5.5.4. International relations (political sciences),
5.6.1. Domestic history (historical sciences),
5.6.2. General history (historical sciences),
5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences),
5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences),
5.9.6. Languages of the peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages) (philological sciences),
5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Editorial address: 690922, Vladivostok, Russky Island, FEFU campus, building D (20), room D620.

Journal website: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

The journal was printed in the printing house of the Publishing House of the Far Eastern Federal University.

Address: 690091, Vladivostok, Pushkinskaya St., 10.

Circulation 100 copies. The price is free.

Editor in Chief

Marina O. Dmitrieva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Council

Hirofumi Arai, Senior Research Fellow, Economic Research Institute for Northeast Asia (Niigata, Japan).

Petr Ya. Baklanov Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Scientific Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Full Professor (Vladivostok, Russia).

Viktor L. Larin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Principal Research Fellow, Head of the Center of Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Yuhua Sun, Doctor of Education, Advisor to the President of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Denis V. Fomin-Nilov, Candidate of Historical Sciences, Acting Rector of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan

Vakio Fujimoto, Doctor of History, President of Osaka University of Economics and Law, Honorary Professor at Osaka University, Honorary Doctor at Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Osaka, Japan).

Anna A. Khamatova, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Evgenia M. Butenina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Evgeny E. Vlasov, Candidate of Political Sciences, Vice-Rector for International Relations, Far Eastern Federal University, Director of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Andrey B. Volynchuk, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department of International Relations and Regional Security, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Svetlana M. Dudaryonok, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Pavel N. Dudin, Doctor of Historical Sciences, Director of the Center for the Study of State and Law of East Asian Countries, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russia).

Viktor I. Dyatlov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University; Professor, Department of Anthropology and Ethnology, Tomsk State University (Irkutsk, Tomsk, Russia).

Viktor N. Zav'yalov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Publishing, Pacific State University (Khabarovsk, Russia).

Ol'ga I. Zav'yalova, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei A. Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of Chinese Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Dmitry A. Izotov, Candidate of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Yin Ruyi, Candidate of Political Sciences, Deputy Director of the Research Institute for Development and Cooperation between China and Russia in the Far East, Liaoning University (Shenyang, China).

Vadim N. Karaman, Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev (Vladivostok, Russia).

Irina B. Keidun, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia) (Executive Editor).

Vladimir V. Kozhevnikov, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Leonid E. Kozlov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Vladimir N. Kolotov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Far East, St. Petersburg State University, Director of the Ho Chi Minh Institute (St. Petersburg, Russia).

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Artyom L. Lukin, Candidate of Political Sciences, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Zoya F. Morgun, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anatoly V. Moshkov, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Olga V. Nikolaeva, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Pervushina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Popravko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, A.V. Khrulev Military Academy of Logistics of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia).

Stanislav A. Pritchkin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Central Asia Sector, Center for Post-Soviet Studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Evgeny V. Pustovoi, Candidate of Historical Sciences, (Vladivostok, Russia).

Anatoly E. Savchenko, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexander N. Sboev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei S. Sevastyanov, Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia).

Alexander Ya. Sokolovsky, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Alexander G. Storozhuk, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Foreign Languages, National Scientific Center for Marine Biology named after A.V. Zhirmunsky, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Igor A. Tolstokulakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Petr Yu. Tsvetov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Elena S. Sheremetyeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Dar'ya A. Shchukina, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Russian Language and Literature, St. Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russia).

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 4 (60) • 2023

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 1900 г.

Возобновлён в 1994 г.

До 2011 года выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета"

ISSN 2542-1611

Индекс 42398

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАКТИКИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

- От редактора рубрики 11
- Ващук А.С., Коваленко С.Г. Местное самоуправление на Дальнем Востоке в 1990-е гг. – 2020-е гг.: от демократизации Советов к муниципальному сегменту вертикали власти 13
- Чернолуцкая Е.Н. Условия и противоречия периода становления местного самоуправления на удаленных территориях в 1990-е – начале 2000-х гг. на примере Южно-Курильского муниципального образования 28
- Воронцов Н.С. Становление местного самоуправления во Владивостоке в начале 1990-х гг.: анализ предложений и попыток их воплощения 39

ИСТОРИЯ

- Михайлова А.А., Толстокулаков И.А. Исторический опыт становления и развития марикультуры в Корею 52
- Бушмакин В.А. Зарождение Торгового дома Сугиура во Владивостоке 60
- Цзинь Диуйцион. Революция 1917 года в России на страницах китайских газет 71
- Волкова Е.С. Хабаровское отделение Союза писателей России в период рыночных реформ 1990-х годов (по материалам ГАХК) 79

ЛИНГВИСТИКА

- Кукла М.П., Кузюра Ю.С. Развитие компьютерной лингвистики и технологий обработки естественного языка (NLP) в РК и КНДР: возможности для российского корееведения 91
- Петренко А.И. Лингвостилистические особенности романа Кавабата Ясунари "Снежная страна" 100

ПОЛИТИКА

- Денисенко В.А., Богданова Н.Д. АСЕАН: особенности современной социально-демографической неоднородности 110
- Сун Цивэнь, Золотухин И.Н. Позиция США и их тихоокеанских союзников по отношению к Тайваньскому вопросу 122
- Иброхимзода У.Х., Дмитриева М.О., Ризоён Ш.Ш. Саммит "Центральная Азия – Китай": региональные аспекты и геополитические последствия 131

**ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА**

РЕЦЕНЗИИ

Золотухин И.Н. Динамика развития
конфликтного потенциала и трансформация
среды безопасности в Азиатско-Тихоокеанском
регионе 140

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Соколовский А.Я. "Духовное наследие Хо Ши
Мина: 100 лет спустя": о международной
научной конференции 146

Подписку на журнал можно осуществить через электронный каталог агентства "Урал-Пресс"
(<https://www.ural-press.ru/catalog/>).

Подписной индекс журнала: 42398.

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/
или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Электронная почта: izvestyavi@yandex.ru

Почтовый адрес редакции: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
редакция журнала "Известия Восточного института"

Фактический адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 265-24-24 (доб. 2942).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

© Авторы, Дальневосточный федеральный университет, 2023

ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL

№ 4 (60) • 2023

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 2542-1611

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4>

CONTENTS

LOCAL SELF-GOVERNMENT PRACTICES IN THE FAR EAST OF RUSSIA

- From the editor of the section 11
- Vashchuk A.S., Kovalenko S.G. Local self-government in the Far East in the 1990s – 2020s: from the democratization of Councils to the municipal segment of the vertical of power 13
- Chernolutskaia E.N. Conditions and contradictions of formation of local self-government in remote territories in the 1990s – early 2000s on the example of the South Kuril municipality 28
- Vorontsov N.S. The formation of city self-government in Vladivostok in the early 1990s: analysis of reform projects and their implementation 39

HISTORY

- Mikhailova A.A., Tolstokulakov I.A. Historical experience of the formation and development of mariculture in Korea 52
- Bushmakin V.A. The birth of Sugiura Trading Company in Vladivostok 60
- Jin Diyuqiong. The 1917 Russian Revolution on the pages of Chinese newspapers 71
- Volkova E.S. Khabarovsk branch of the Union of Writers of Russia during the period of market reforms of the 1990s (based on materials of the State Archive of the Khabarovsk Territory) 79

LINGUISTICS

- Kukla M. P., Kuzyura Yu.S. The Development of Computational Linguistics and Natural Language Processing Technologies (NLP) in the Republic of Korea and the DPRK: Opportunities for Korean Studies in Russia 91
- Petrenko A.I. Characteristics of language and style in Kawabata Yasunari's novel "Snow country" 100

POLITICS

- Denisenko V.A., Bogdanova N.D. ASEAN: features of current socio-demographic asymmetry 110
- Song Qiwen, Zolotukhin I.N. Position of the United States and its Pacific allies on the Taiwan issue 122
- Ibrokhimzoda U.K., Dmitrieva M.O., Rizozen Sh.Sh. Central Asia-China Summit: Regional aspects and geopolitical implications 131

ORIENTAL
INSTITUTE
JOURNAL

REVIEWS

Zolotukhin I.N. The dynamics of the development of conflict potential and the transformation of the security environment in the Asia-Pacific 140

SCIENTIFIC LIFE

Sokolovsky A.Ya. "The Ideological heritage of Ho Chi Minh: 100 years later": about the international scientific conference 146

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of OIJ.

The journal's subscription index is 42398.

Web: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/Oriental_Institute_Journal/

E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Editorial office post address: 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia.

Editorial office location: room D620, building D, FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia.

Tel.: +7 423 265-24-24 (2942).

The viewpoints expressed in OIJ are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editorial board.

The quality of printed illustrations corresponds to the quality of graphic files sent by the authors.

© Authors, Far Eastern Federal University, 2023

**От редактора рубрики
From the editor of the section**

Внесение поправок в Конституцию РФ в 2020 г. ознаменовало начало нового этапа в построении системы политического взаимодействия на всех уровнях государственного управления. Часть поправок касаются сферы местного самоуправления. Одна из основных поправок – прямая констатация присутствия органов местного самоуправления в единой системе публичной власти. Надо отметить, что правовых основ для представления о полном суверенитете местного самоуправления никогда не существовало, скорее это результат вольной трактовки законов на местах. В положении Статьи 12 Конституции РФ отмечается гарантированность местного самоуправления в пределах своих полномочий, а одним из факторов данных гарантий называется отделенность органов местного самоуправления от системы органов государственной власти. Все ставит на свои места текст Статьи 130, согласно которому местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью, а само местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления. Затянувшийся спор о качестве локальной политической системы, о ее камерности, вызван искусственным переносом акцента с форм прямого волеизъявления, на исключительную деятельность органов местной власти. Возможно, именно это обстоятельство не позволяет до сих пор организовать эффективную систему управления на местном уровне государства. Отсутствие работающих механизмов прямого участия населения в решении вопросов местного значения не позволяет раскрыть весь потенциал, которым обладает местное самоуправление.

У экспертного сообщества сегодня нет сомнений, что реализация конституционных поправок изменит региональное законодательство в части местного самоуправления, но в кардинальном реформировании системы власти в целом нет никакой необходимости. Местное самоуправление сохранит свой статус одной из основ конституционного строя Российской Федерации. Вслед за конституционными изменениями, в сентябре 2021 г., на рассмотрение в Государственную Думу была представлена еще одна инициатива – проект закона "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации", который в декабре 2021 г., пройдя все стадии рассмотрения, был принят. Новый закон предусматривает унификацию органов местной власти во всех субъектах РФ, расширяет основания для увольнения глав муниципалитетов. Тенденция на повышение степени ответственности органов местного самоуправления получила свое продолжение в проекте законодательного акта "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти", представленного в декабре 2021 г. на рассмотрение депутатам Государственной Думы РФ.

В тематической рубрике представлен анализ процесса формирования институтов местного самоуправления на российском Дальнем Востоке в период с начала 1990-х гг. В исследовании доктора исторических наук, профессора А.С. Ващук и кандидата исторических наук С.Г. Коваленко сделаны выводы о пагубности искусственного удаления жителей от непосредственного участия в решении вопросов местного значения в системе местного самоуправления. Ими отмечено, что одной из основных проблем Дальнего Востока в 1990-е годы явилась углубляющаяся отстраненность большинства граждан от реального самоуправления. Возможно, что для региона это стало результатом внутренних проблем в функционировании местных Советов в 1991 – 1993 гг. Уходя с политической арены, занятые внутренними дрязгами, они не оставили в истории муниципального права должного сле-

да, который впоследствии позволил бы обеспечить массовое участие жителей в местном самоуправлении.

В статье доктора исторических наук Е.Н. Чернолуцкой раскрывается специфика становления местного самоуправления в 1990-е – начале 2000-х гг. на Южных Курилах. Основное внимание уделено анализу работы главы муниципалитета и факторам неэффективности взаимоотношений между разными уровнями в системе власти и населением.

Публикация кандидата исторических наук Н.С. Воронцова базируется на архивных материалах о деятельности Владивостокского городского Совета народных депутатов по распределению властных полномочий на местах с учетом действующих механизмов прямого участия граждан в форме территориального общественного самоуправления (ТОС). Прошлый опыт и практика сегодняшнего дня позволяют сделать выводы о возможности, перспективности и целесообразности массового вовлечения жителей в процесс местного самоуправления через предусмотренную федеральным законодательством форму ТОС.

Завершая обзор рубрики, хочется отметить сохранившуюся тенденцию в формировании основных правил локальных общественных отношений при решении вопросов местного значения. Местные представительные органы власти нерешительно действуют в этом направлении, постоянно находясь в состоянии ожидания некоего посыла с федерального уровня. Местное самоуправление – это всегда инициатива, имеющая поддержку и ресурсное обеспечение. Возможно, что понимание этого обусловило комфорт жилых микрорайонов в японских городах, где повсеместно и эффективно функционируют ассоциации соседей (аналог ТОС), имеющие возможность структурного объединения для расширения перечня решаемых местных вопросов. Считая школы важным объектом социальной инфраструктуры, близлежащие ассоциации выстраивают взаимодействие между собой, образуя школьный округ. Эта та схема, которую сегодня можно предложить нашим гражданам, осуществляющим местное самоуправление в форме ТОС, но эта схема требует внимания местных депутатов. Для полноценного запуска механизмов местного самоуправления нужен местный правовой регламент. Это позволит компенсировать переход на одноуровневую территориальную схему и сформировать мотивацию для массового участия жителей.

Е.В. Булах

Евгений Васильевич БУЛАХ, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: bulakh.ev@dvvfu.ru

Evgeny V. Bulakh, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, e-mail: bulakh.ev@dvvfu.ru

Научная статья
УДК 323.1(519.3)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/13-27>

Местное самоуправление на Дальнем Востоке в 1990-е гг. – 2020-е гг.: от демократизации Советов к муниципальному сегменту вертикали власти

Ангелина Сергеевна ВАЩУК

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, va_lina@mail.ru

Светлана Геннадьевна КОВАЛЕНКО

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, ostina@list.ru

Аннотация. На материалах Дальнего Востока решались конкретные аналитические задачи: выявлен реальный процесс развития местного самоуправления как основы низовой демократии в России, проанализирована кадровая политика в отношении муниципалитетов. Установлены внутренние проблемы функционирования Советов в регионе в 1991–1993 гг., до их ухода с исторической арены. Обосновывается вывод, что одной из проблем Дальнего Востока в 1990-е годы являлась всё углубляющаяся отстраненность большинства граждан от реального самоуправления. Показывается, что за фасадом реформирования системы органов самоуправления в России часто стояла задача практического решения политических задач Центра по отношению к регионам.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, советская модель местного самоуправления, гражданское общество, самоуправление, низовая демократия, делегированная демократия, Советы народных депутатов, закон, конституция

Для цитирования: Ващук А.С., Коваленко С.Г. Местное самоуправление на Дальнем Востоке в 1990-е гг. – 2020-е гг.: от демократизации Советов к муниципальному сегменту вертикали власти // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 13–27. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/13-27>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/13-27>

Local self-government in the Far East in the 1990s – 2020s: from the democratization of Councils to the municipal segment of the vertical of power

Angelina S. VASHCHUK

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, va_lina@mail.ru

Svetlana G. KOVALENKO

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, ostina@list.ru

Abstract. Based on the materials of the Far East, specific analytical tasks were solved: the real process of development of local self-government as the basis of grassroots democracy in Russia was revealed, the personnel policy in relation to municipalities was analyzed. The internal problems of the functioning of the Soviets in the region in 1991–1993, before their departure from the historical arena, were established. The conclusion is substantiated that one of the problems of the Far East in the 1990s was the deepening detachment of the majority of citizens from real self-government. It is shown that behind the facade of reforming the system of self-government bodies in Russia, there was often a task of practical solution of the political tasks of the Center in relation to the regions.

Keywords: Russia, Far East, Soviet model of local self-government, civil society, self-government, grassroots democracy, delegated democracy, councils of People's deputies, law, constitution

For citation: Vashchuk A.S., Kovalenko S.G. Local self-government in the Far East in the 1990s – 2020s: from the democratization of Councils to the municipal segment of the vertical of power // Oriental Institute Journal. 2023. № 4. P. 13–27. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/13-27>

Введение

Формирование системы местного самоуправления в России в последние тридцать пять лет связано с преобразованием государственного управления в регионах страны, о чем неоднократно писали исследователи [9; 38; 32]. Дискурс о роли местного самоуправления как института в СССР/России в социальных процессах и в прошлом, и в настоящем часто ведется в рамках идеи формирования

© Ващук А.С., Коваленко С.Г., 2023

гражданского общества. Формулировка этой цели неоднократно озвучивалась на всех уровнях власти и с самых высоких трибун. Обществоведы подчеркивают, что благодаря такому уровню организации людей появляется возможность взаимодействовать государству и обществу непосредственно в тех сферах, которые напрямую касаются жизни местных сообществ, с учетом их условий и традиций [1; 3]. В литературе можно встретить разные определения понятия "гражданское общество" [37], но всех гуманитариев объединяет основной критерий: гражданское общество необходимо трактовать как совокупность социальных отношений. Научным сообществом подчеркивается, что в современных условиях демократия (не только в России, но и в европейских странах) часто носит в лучшем случае делегированный характер [34].

Актуальность исследования истории местного самоуправления ещё более возрастает в России, так как в регионах имеются отличия от центральной части страны по социально-экономическим условиям жизни, а порой и по мировоззренческим установкам. Задачу осмысления первых результатов преобразований последней четверти XX в. невозможно решить вне регионального аспекта, ибо способность российской периферии к восприятию тех или иных новаций, предлагаемых центром, выступала и выступает критерием их жизнеспособности, с одной стороны, и показателем устойчивости самого центра – с другой. Признавая значение теории гражданского общества для понимания особенностей исторического процесса в 1990-е – 2000-е гг., важно использовать эвристические возможности инструментария исторической науки.

Данная статья выполнена на базе синтеза классических методов исторической науки и элементов социальной антропологии, в частности, использования приема исторической памяти и принципа социальной ориентированности, в нашем случае – деятельности депутатов разного уровня. В рамках такого методологического подхода предлагается проанализировать динамику отношений депутатского корпуса к реформам и его участия в её реализации. Именно социальная ориентированность депутатов в проведении радикально-либеральных реформ часто выступала в качестве основного критерия у гражданина для его участия не только в избирательном процессе и принятия решения поддержать того или иного депутата, но и активной позиции к институтам "низовой демократии". К тому же важно учитывать, что отношение к проблеме самоуправления, а также к депутатам разного уровня формируется у населения на пересечении исторической памяти и расширенной информации у граждан об избирательных технологиях, и в этот процесс значительный вклад вносят СМИ [15].

Анализ процесса трансформации местного самоуправления в 1990-е гг. – 2000-е гг. предполагает решение нескольких научных задач: 1) на материалах Дальнего Востока выявить развитие реального процесса местного самоуправления как основы низовой демократии в России сквозь призму исторической памяти; 2) проанализировать специфический период перехода к муниципальному сегменту власти через рассмотрение кадровой политики в отношении муниципалитетов; 3) установить картину доверия дальневосточников к Советам в период их реформирования; 4) выявить организационные проблемы муниципальной власти в дальневосточном регионе. В такой комбинации задачи в исторической литературе рассматриваются впервые.

Советская модель управления на местах и ее оценка сквозь призму исторической памяти бывших управленцев

За последние тридцать пять лет самоуправление в России прошло через кардинальные изменения. При этом каждый из этапов имел свои особенности. До 1991 г. за организацию управления на местах, то есть за низовую демократию во многом отвечали Советы народных депутатов. Такое положение дел в позднесоветский период было закреплено Конституцией СССР 1977 г. (и соответственно Конституции РСФСР 1978 г.). Именно местные Советы депутатов составляли нижнее звено единой властной вертикали, состоящей из Советов многих уровней – от сельсовета в самом низу до Верховного Совета СССР. Верховный Совет в соответствии со ст.

108 Конституции СССР являлся высшим органом государственной власти в стране. В этой же статье закреплялись основные направления деятельности местных Советов народных депутатов. Отмечалось, что местные Советы народных депутатов "руководят на своей территории государственным, хозяйственным и социаль-но-культурным строительством" [17; 16].

Это была советская практика реализации низовой демократии, которая представляла собой универсальный принцип организации общественной жизни (экономической, социальной, производственной, партийной), в основе её лежал метод коллективного принятия практических решений на самом низком территориальном уровне организации [30].

На XIX Всесоюзной конференции КПСС (1988 г.) был сформулирован основной принцип деятельности Советов на новом этапе развития страны: "...ни один государственный, хозяйственный или социальный вопрос не может решаться помимо Советов" [10].

Чтобы понять, как жившие в те времена и живущие ныне оценивают советский опыт в контексте современных реалий реформирования муниципального управления, сотрудники отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН в 2014–2018 гг., в рамках научной программы "Власть и общество на Дальнем Востоке России" провели глубинное интервью. Респондентам задавались вопросы о том, как они идентифицировали себя в различные моменты российской истории, также изучалось их отношение к системе Советов и муниципалитетов¹. По мнению респондента, который наиболее чётко выразил общие оценочные тенденции опрошенных: "решение бытовых проблем жители связывали с деятельностью Советов", "...конечно, критиковать советскую власть было нельзя, это понятно. ...И на крупных предприятиях вопросы Советы производственные не решали. ...Но фактически всю организацию жизни обеспечивали именно они и помогали всем. Профсоюзные организации им только способствовали, так как всегда ходили под дирекцией завода" (Личный архив С.Г. Коваленко. Интервью № 45).

Респонденты признавали в первую очередь значение низовой организации для населения: "...Советы, конечно же, не имели серьёзного политического влияния. Но они имели свой голос в решении вопросов, которые касались жизни людей. Просто так в местные Советы человек, незнакомый избирателям, избраться не мог. Даже если партия активно его продвигала. Он должен был всё равно нам как избирателям понравится. А в большинстве случаев выдвигали и избирали, конечно, людей лояльных, но так как они жили на своей избирательной территории, то и проблемы наши знали. Я вот несколько раз ходил по разным вопросам в наш Совет и всегда получал помощь. Мне судится как сейчас не нужно было" (Личный архив С.Г. Коваленко. Интервью № 42).

Большинство опрошенных подчеркивали, что, "...если до крайкома было далеко, то Советы всегда были близко. Вообще часто для решения вопросов никуда ходить было и не нужно. Не только перед выборами приходили и интересовались... Много было комиссий, детей в школу помогали собирать, если денег у родителей не было, и много чего ещё. Реальная помощь всегда была. Даже по домам депутаты ходили" (Личный архив С.Г. Коваленко Интервью № 24).

Изучение ответов респондентов показало также, в позднесоветское время население видело возможность решать путем обращения в советы разного уровня свои насущные проблемы "без излишней опеки партийных и хозяйственных органов". Именно поэтому первые демократические выборы в Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР в 1989 г. на Дальнем Востоке были встречены с определенным энтузиазмом и ожиданием улучшения условий жизни [4]. Советы народных депутатов, как показывают труды историков, имели реальные рычаги

¹ Проведено 80 гайд-интервью с управленцами разного уровня на Дальнем Востоке. Из них 59 чел. в разные годы занимали должности руководителей предприятий или заводов, один был мэром города, девятнадцать были депутатами и впоследствии избирались в законодательные органы власти в пореформенные годы.

власти в хозяйственной жизни и неформальные ресурсы руководить процессами управления.

Инкорпорация идей самоуправления в практику и отношение населения к работе Советов (1990-е годы)

Серьёзные изменения в системе низовой демократии начали происходить ещё в 1990–1991 гг. [35, с. 313]. Но тогда в стране сложилась специфическая политическая обстановка, которая влияла на отношение населения регионов к Советам разного уровня. Союзная власть была озабочена проблемами собственного политического выживания, и в СССР возникла ситуация противостояния двух властных центров: союзного и республиканского российского. Политические группировки, представлявшие эти властные центры, начали искать социальную опору в регионах. Под лозунгом развития демократии 9 апреля 1990 г. появился Закон "Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР" [24], в котором впервые в истории Советского государства в систему государственного управления вводилось понятие местного самоуправления. Оно определялось как часть социалистического самоуправления народа, призванное обеспечить реализацию прав и свобод граждан, их самостоятельность в решении вопросов социального и экономического развития территории. "Основным звеном в системе местного самоуправления являются местные Советы народных депутатов как представительные органы власти. На своей территории Советы координируют деятельность всей системы местного самоуправления", – говорилось в ст.3. [24]. Закон предполагал такие формы прямой демократии, как местные референдумы, собрания, сходы граждан, а также органы территориального общественного самоуправления. Законом определялось, что местные Советы самостоятельны и ответственны за решение вопросов местного значения.

Однако местные Советы народных депутатов по этому Закону оставались местными органами государственной власти. Разграничение органов местной власти от органов власти государственной в это время еще не произошло, но процесс был запущен. За фасадом идеи демократических преобразований просматривалась и чисто политическая задача: реформаторы рассматривали Советы как скрытые инструменты ликвидации ведущей роли КПСС. Чтобы убедиться в правоте данного тезиса, достаточно познакомиться с документами Конституционной комиссии [13].

Российский закон о местном самоуправлении появился только через год, после принятия союзного закона, 6 июля 1991 г. [22]. Закон РФ установил: местное самоуправление должно осуществляться в границах районов, городов, районов в городах, поселков, сельсоветов, сельских населенных пунктов не только для обсуждения, но и для решения вопросов местного значения. В нём нашли отражение ряд общемировых стандартов местного самоуправления. Либерально настроенные политики были убеждены: как и в центре так и на периферии России есть реальные условия, чтобы ввести собственную ответственность населения, берущего на себя право самостоятельного решения вопросов местного значения, согласно европейской политической культуре [12]. (Хотя некоторые ученые утверждали, что для дальневосточников особенно характерен государственный патернализм).

Закон РФ определил органом управления в районе, городе, районе в городе, поселке, сельсовете местную администрацию, которая осуществляет исполнительно-распорядительные функции", глава местной администрации избирается сроком на пять лет путем всеобщих прямых и равных выборов на территории соответствующего Совета при тайном голосовании. Появилась возможность принимать положение (устав) о местном самоуправлении на подведомственной территории. Подробно данные вопросы рассматривает Б. Хачатурян в своей монографии [36]. При этом Закон РФ расширил полномочия администраций по сравнению с исполнительными комитетами Советов.

Уже в конце 1991 г. Советы на Дальнем Востоке стали принимать правовые акты, которые устанавливали экономическую основу местного самоуправления. Её составляла муниципальная собственность, и четко определялись её объекты.

Среди первых, кто принял такое решение 22 ноября 1991 г., оказался Амурский областной Совет народных депутатов. (ГААО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 135. Л. 35).

Внимание депутатов к реализации экономической реформы было повсеместным, но дискутировались вопросы, которые были актуальны для конкретной местности. Так 8 мая 1991 г. на заседании исполкома Совета Чукотской советской автономной республики состоялось бурное обсуждение временного положения "О порядке передачи оленьих пастбищ под фермерские оленеводческие хозяйства на территории ЧСАР" [14, с. 52]. На VII сессии окружного Совета народных депутатов Чукотки была принята Программа приватизации предприятий государственной, окружной и муниципальной собственности Чукотского автономного округа на 1992 г. [14, с. 79].

Население воспринимало новые законы не по его юридической части, а по реальным делам Советов разного уровня и по личным качествам их составов. В апреле – июле 1992 г. дальневосточные социологи провели опросы населения г. Хабаровска и установили, что горожане в значительной степени воспринимали деятельность Советов по демократическим качествам руководителей. Во-первых, критика Советов проявлялась через претензии к их личностному составу. Так, 54% респондентов было убеждено, что в городском Совете мало политиков "настоящей демократической ориентации" и в нем преобладают "лица бывшей номенклатуры". Если деятельность краевого Совета народных депутатов положительно оценили лишь 10,9%, то городского еще меньше – 7,1%. Подвергли критике деятельность муниципальных органов практически представители всех социальных и профессиональных групп населения. (Архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Аналитическая записка по результатам трех опросов населения г. Хабаровска в апреле – июне 1992. Дальневосточный кадровый центр. Лаборатория социологических исследований Хабаровск, 1992. Л.7).

Мнение граждан разделило научное и экспертное сообщество. Среди ученых и политиков-реформаторов по отношению к органам местного управления – Советам – распространялась критическая точка зрения, что эти органы уже не вписываются в изменившуюся социально – политическую ситуацию страны. По существу, многие политики в центре стали считать, что Советы становятся тормозом в проведении намеченных реформ [28]. События лета и осени 1993 г. в Москве были в определенной степени тому свидетельством [39, с. 276–372].

События на Дальнем Востоке, хотя и проходили в русле общих российских реалий, тем не менее существовали некоторые особенности в реакциях местной политической элиты на роль Советов. Регионалы ставили перед Правительством РФ проблему управляемости дальневосточными территориями [6; 7; 29]. Центральная власть длительное время использовала институт местного самоуправления как способ давления на руководителей регионов, преднамеренно усиливая позиции глав муниципального самоуправления. Так сначала появился Совет по местному самоуправлению [23], в 1995–1997 гг. создали консультативный орган при Президенте Российской Федерации, осуществлявший предварительное рассмотрение вопросов местного самоуправления и подготовку по ним предложений для Президента Российской Федерации. В 1999 г. на базе Ассоциации российских городов было организовано общественно-политическое движение "Союз российских городов". Чуть позже в 2003 г. появился Конгресс муниципальных властей.

В такой исторической обстановке прослеживается влияние фактора центр-периферийных отношений на устойчивость государственного менталитета населения Дальнего Востока, это с одной стороны, а с другой – на отношение жителей региона к Президенту как главному проводнику реформ. В окружении Б.Н. Ельцина складывалось мнение о Дальнем Востоке как протестной территории. Центр сначала судил об этом по электоральной статистике, 12 июня 1991 г. население региона проголосовало за кандидатуру Ельцина неоднозначно. Самый низкий показатель был в Амурской области, всего 37,72% от числа явившихся на участки избирателей, в Магаданской области – 50,42%, на Чукотке – 44,9%, Сахалине – 54,9. Население этих территорий в меньшей степени доверяло Ельцину, чем в среднем

по России [8, с. 211]. Более высокие показатели поддержки оказались в Приморском и Хабаровском краях. Центр видел рост влияния регионалов и в другом – в создании Дальневосточной ассоциации Советов народных депутатов в 1990 г. 15 июля 1993 г. она переименована в Межрегиональную ассоциацию экономического взаимодействия субъектов Федерации Дальнего Востока и Забайкалья (ГАХК. Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 146. Л. 2- 8).

Б.Н. Ельцин, как и М.С. Горбачев, для укрепления своих позиций использовал многочисленные поездки, свои и членов правительства, в регионы, где он давал местным политикам и чиновникам щедрые обещания в ответ на лояльность. Но в целом разрушение советской системы власти в России проходило при незначительном сопротивлении на местах. Одним из таких регионов оказалась Амурская область.

В применяемой тактике давления на регионалов Б.Н. Ельцин чаще всего прибегал к указам. Несмотря, что в Амурской области было сильное влияние левых сил, пост главы администрации области занял сторонник Б.Н. Ельцина – А.А. Кривченко. Это стало началом целой цепи событий. Совет начал борьбу за смещение главы областной администрации. Поводом вмешательства Центра в амурские "дела" явилась несколько запоздавшая оценка августовских событий 1991 г. председателем исполкома областного Совета народных депутатов А.Н. Белоноговым.

22 августа 1991 г. Президент РСФСР издал Указ "О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР" [24]. В соответствии с ним исполнительно-распорядительные функции государственного управления в регионах передавались вновь создаваемым администрациям. Их главы назначались, по согласованию с соответствующим Советом народных депутатов, президентом России и были подотчетны ему. На следующий день, 23 августа, Б.Н. Ельцин, опираясь на Конституцию РСФСР, подписал Указ "Об отстранении от исполнения обязанностей председателей исполкомов областных Советов народных депутатов" [25]. За невыполнение Указов Президента РСФСР, направленных на пресечение государственного переворота, А.Н. Белоногов отстранялся от исполнения обязанностей председателя Амурского областного исполкома (ГААО. Ф. Р-114. Оп. 2. Д. 5518. Л. 71. ГААО. Ф. Р-114. Оп. 2. Д. 5526. Л. 242). А.Н. Белоногов, опираясь на значительную поддержку общественного мнения, не согласился с такой оценкой. Малый Совет областного Совета продолжал политику критики, а 28 декабря 1992 г. принял решение, в котором содержалась просьба к Президенту РФ освободить от должности главу администрации Амурской области А.А. Кривченко как назначенного с нарушением установленной процедуры согласования. Амурская область, единственная из территорий Дальнего Востока, вошла в число восьми субъектов Федерации, где в первой половине 1993 г. Б.Н. Ельцин разрешил выборы главы администрации. 10 февраля 1993 г. 14-я сессия областного Совета народных депутатов назначила выборы главы администрации на 11 апреля 1993 г. [33].

Существенной проблемой, мешавшей работе районных и городских властей в 1991–1992 гг., оказалась и путаница между функциями президиумами районных и городских Советов и соответствующими исполкомами, а порой и практика подмены полномочий, что отчетливо проявилось при обсуждении депутатами доклада С.С. Соловьёва, председателя Владивостокского городского Совета на сессии 24 сентября 1991 г. (ГАПК. Ф. Р-85. Оп. 9. Д. 132. Л. 132–134). Кроме того, в Приморском крае 23 Совета районно-городского звена наделили свои президиумы правами решать хозяйственные вопросы и работать параллельно исполкомам. В 32 Советах были упразднены исполкомы, а их функции переданы президиумам. Такие реорганизации прошли в сельских и поселковых Советах Пожарского, Михайловского и Хорольского районов. На уровне районного звена решениями названных Советов президиумы получили функции исполкомов, а исполкомы были упразднены (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1342. Л. 6–7). Один из депутатов Владивостокского городского совета 24 октября 1991 г. высказал самую жесткую критику: "Орган – президиум городского Совета...стал опасным органом". (ГАПК. Ф. Р-85. Оп. 9. Д. 132. Л. 145)

Назревание социально-экономического кризиса в регионе оказывало влияние на степень внимания населения к вопросам самоуправления. С одной стороны, наблюдались признаки формирования многопартийности в регионе, а с другой – проявления социальной усталости в обществе. В июне 1992 г. от 30 до 50% опрошенного населения Хабаровского края заявило о своем нежелании участвовать во Всероссийском референдуме, посвященном выяснению жизненно важных проблем: введение частной собственности на землю, определение полномочий президента России или принятие Конституции (Архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Аналитическая записка ... 1992. Л. 7).

Подготовка ликвидации Советов велась на фоне низкой оценки их деятельности в условиях назревающего социально-экономического кризиса. Внутренний кризис советов всех уровней в 1990–1993 гг. проявился и в поведении ряда депутатов. Обозначились новые черты народных избранников. Они стали выражать недовольство сложившейся системой управления и руководства, особенно в городах, давать неудовлетворительную оценку условиям для выполнения своей работы, демонстративно обсуждать вопрос о возможном сложении своих полномочий. В 1991 г. в Амурске депутат А.С. Ходжер отказался от мандата, объясняя это тем, что "будучи депутатом больше года, не смогла ничего сделать для своих избирателей". В Петропавловске-Камчатском в 1991 г. на пятой сессии горсовета два депутата сложили с себя полномочия, так как "посчитали работу Совета неэффективной и не видели возможности ее улучшить". В Южно-Сахалинске в сентябре 1991 г. были рассмотрены заявления депутатов Д. Слатова, В. Лобачева, Ча Тэ Хо, Ким Чун Ген о досрочном сложении полномочий. В 1992 г. депутат Хабаровского городского Совета Е.А. Кожушко в письменном заявлении попросил снять с него звание депутата, так как он "не видит смысла в функционировании такой властной структуры". [37, с. 19].

На Дальнем Востоке проявилась определенная тенденция к снижению посещаемости депутатами сессий местных Советов всех уровней. Например, в Приморском крае 1990 г. посещаемость составляла 82,2% от числа депутатов, в следующем она снизилась до 73,6%. В крае фиксировались случаи невозможности проведения сессии вследствие неявки депутатов. (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1429. Л. 7).

Со стороны депутатов, сторонников рыночных и демократических преобразований активизировалась критика своих коллег в том, что они не знают нового законодательства, неудовлетворительной считали работу управленческого аппарата. Например, С.С. Соловьев на заседании сессии Владивостокского городского Совета народных депутатов 30 января 1991 г. в своем докладе, посвященном вопросу эффективности работы городского Совета и его Президиума, подчеркнул: "Что такое Президиум? Это аппарат", – и, продолжая свой тезис, констатировал: "Если меня спросят, как я отношусь к работе в аппарате депутатов, то я скажу, что отрицательно... Аппарат должен быть не из депутатов" (ГАПК. Ф. Р-85. Оп. 9. Д. 17. Л. 33). Тогда же С.С. Соловьев поставил на обсуждение вопрос о необходимости ликвидации исполкомов, о сокращении комиссий и о переходе к муниципальной форме управления². (ГАПК. Ф. Р-85. Оп. 9. Д. 17. Л. 30).

Последним аккордом, который завершил обсуждение темы Советов, стал конфликт Президента в 1993 г. (21 сентября – 5 октября) с Верховным Советом. Ропуск по президентскому указу № 1400 Съезда народных депутатов и Верховного Совета России, в нарушение действующей на тот момент Конституции. После драматических событий 3-5 октября 1993 г. выстраивание системы низовой демократии как "муниципального движения" в условиях Дальнего Востока стало проводиться Центром, исходя из политических реалий в регионе. Особое внимание было уделено кадровой политике.

² То есть впервые так четко был обозначен вопрос о подготовке кадров органов самоуправления для муниципальной службы.

Кадровая политика в муниципалитетах России

Б.Н. Ельцин, в условиях "губернаторской "вольницы", пытался опереться на мэров крупных городов в 1990-е годы, надеясь на них как на определенную социальную опору реформаторского курса правительства. Федеральный центр начал использовать муниципальные сообщества как инструмент противопоставления курсу на восстановление государственных начал. "Парад суверенитетов", нестабильность отношений Центра и регионов отчасти компенсировались лояльностью городских администраций, которые в то время еще располагали основными политическими и экономическими ресурсами.

Организация кадрового ресурса для местного самоуправления была ускорена в период после вступления в силу Конституции РФ в 1993 г., когда в России было введено понятие муниципальной службы. Центр приступил к созданию новых форм подготовки, рассчитывая на появление муниципальных служащих, которые смогут работать в заданных условиях.

Многие управленцы, пришедшие в органы государственной власти и местного самоуправления на волне демократических преобразований в начале 90-х гг. XX в., были охвачены вполне понятным либеральным романтизмом. Отсюда попытки ускорить процессы социального переустройства на территориях. В период перехода от государственной системы управления на местах к самоуправлению началась практика внедрения альтернативных выборов, что стимулировало процесс выделения на территориях так называемой муниципальной элиты как части управленческого слоя. Также шла институционализация, то есть конституционное закрепление автономии местного самоуправления и детальное разграничение полномочий внутри муниципального уровня власти. Система подготовки кадров становилась и формой контроля федеральных властей за деятельностью муниципальной элиты как базы консолидации управленческого слоя.

Еще до принятия Конституции РФ в 1992 г. в регионе на базе филиала Всесоюзного института повышения квалификации руководящих работников Минводхоза по распоряжению Правительства РФ был организован Приморский институт переподготовки и повышения квалификации кадров для государственной службы (ПИГС). Он вошел в систему Управления кадрами Правительства Российской Федерации для осуществления образовательной деятельности по профессиональной переподготовке и повышению квалификации государственных и муниципальных служащих в краях и областях Дальнего Востока. Первым ректором стал Л.И. Болтянский, он отлично понимал проблему кадров для развития муниципальной службы и приложил весь свой организационный талант для формирования преподавательского коллектива и привлечения профессорского состава из вузов.

Первые группы слушателей по профессиональной переподготовке по направлению "Государственное и муниципальное управление" были сформированы еще в конце 1992 г. во Владивостоке и Артеме. В 1993 г. Ученый совет института утвердил проект программы и основные направления развития ПИГСа на ближайшие 5 лет, и в декабре этого же года 54 слушателя стали первыми его выпускниками (Личный архив А.С. Ващук. Справка по истории ПИГСа, подготовленная дирекцией к десятилетнему юбилею института.)

В своём новом качестве это учреждение стало базовым учебным и научно-методическим центром в системе государственного и муниципального управления Дальневосточного региона. Уже в 1995 г. Приморский институт переподготовки и повышения квалификации кадров для государственной службы вошёл в состав Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Последующие годы стали временем дальнейшего развития учебной и организационной работы. Открылись учебно-консультационные пункты в Петропавловске-Камчатском, а также на территории Приморского края: в городах Артем, Находка, Арсеньев, Большой Камень, Лесозаводск, Уссурийск, в поселке Черниговка (вскоре консультационные пункты были преобразованы в представительства).

Создавались новые направления профессиональной переподготовки, были расширены учебные структуры института. Так, за период с 1994 по 1997 гг. уда-

лось создать факультеты профессиональной переподготовки; повышения квалификации государственной службы, самоуправления и хозяйственной деятельности казачества (в дальнейшем "Центр подготовки военнослужащих, увольняемых в запас"); открыли направление профессиональной переподготовки "Социальная работа"; организовали пять новых кафедр, одна из которых – межвузовская (Личный архив А.С. Ващук. Справка по истории Института, подготовленная дирекцией к десятилетнему юбилею института).

Кроме того, в тех условиях руководство ПИГСа обратило внимание на гуманитарную подготовку слушателей. В 1996 г. уже организовали кафедру гуманитарных и правовых дисциплин, вошли в практику преподавания, в том числе и для слушателей из числа муниципальных служащих, три дисциплины "История Дальнего Востока", "История дальневосточного казачества" и "Актуальные проблемы социальной политики в России". Знакомство с историей края и района, города, где трудились, исполняли свои обязанности муниципальные служащие, причем не будучи коренными жителями, имело тогда в Программе ПИГСа особое значение, и это соответствовало общим настроениям слушателей, что подтверждали проведенные руководством в 1997 г. анкетирования среди слушателей. Некоторые слушатели выбирали в качестве тем выпускных квалификационных работ проблемы, связанные с историей края, по истории освоения, развития культуры, традиций малочисленных коренных народов региона. В это же время при кафедрах стали создаваться исследовательские и подготовительные центры.

При активности работы руководства ПИГСа и государственной финансовой поддержке наблюдалось стабильное увеличение общего набора слушателей. За 10 лет существования Приморского института переподготовки и повышения квалификации кадров для государственной службы в его стенах прошли переподготовку около 3 тыс. государственных и муниципальных служащих, а за 14 лет повысили свою квалификацию свыше 6 тыс. чел. Среди выпускников ПИГСа – и десятки муниципальных служащих.

К середине 1990-х гг. в регионе возник новый фактор, который стал влиять на кадровую политику в отношении глав муниципалитетов, среди которых была задача формирования новых элит, стремившиеся к обладанию властью и собственностью. Их экспансия на уровень муниципалитетов, главным образом городов, стала приводить к конфронтации с городскими управленцами. Наметился процесс подавления муниципальной автономии, лишения органов местного самоуправления материальной и финансовой базы, стремление к перегрузке их делегированными полномочиями. Вошла в практику ликвидация муниципалитетов и замена их территориальными структурами областных администраций. Для федерального Центра после 1996 г. приоритетом становится встраивание регионов и их элит в новую политическую систему. При этом местное самоуправление постепенно все больше оказывалось под властью административных региональных групп.

За основу наименования различных структур и элементов в системе местного самоуправления был воспринят из практики других государств (Франция, Бельгия) термин "муниципальный". Таким образом, новый вид службы приобрел свой определяющий термин – "муниципальный". Законодательное закрепление института муниципальной службы в современном понимании и статуса муниципального служащего было сделано Государственной Думой 17 декабря 1997 г. в Федеральном законе "Об основах муниципальной службы в Российской Федерации". Ясность в эту проблему и для исследователей внес Закон 1998 г. [25], согласно Ст. 2, под муниципальной службой понималась профессиональная деятельность на постоянной основе в органах самоуправления по исполнению их полномочий на муниципальной должности, не являющейся выборной.

В течение 1990-х годов на Дальнем Востоке шло становление системы подготовки муниципальных служащих, этот первоначальный опыт имел свои итоги. Например, в Приморском крае к началу 2000-х годов, хотя 94% глав муниципальных администраций имели высшее образование, 5,9 % среднее специальное, тем не

менее стаж в муниципальных органах у 30% от числа глав составлял менее пяти лет.

В целом формирование органов муниципального управления сопровождалось увеличением численности работников. Например, в Приморском крае в органах местного самоуправления в 1997 г. было занято 4877 чел, в 1998 г. – 4759, 1999 г. – 6966, в 2000 г. – 8250 чел. Если рассматривать по доле муниципальных служащих в общей структуре всех категорий работников, занятых в управлении на территории, то в 1999 г. они составляли 29,2 %, а в 2000 г. уже достигли почти 44% [2, с. 34]. В 2000-е годы в регионе активно работали вузы Дальнего Востока по подготовке специалистов для муниципальной службы.

Проблемы функционирования муниципальной власти на Дальнем Востоке в 2000-е годы

Новый этап развития муниципальной системы связан с принятием Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", предоставлявший достаточно широкие полномочия для муниципалитетов. Несмотря на то, что их количество сокращалось [11, с. 54].

Один из экспертов так оценивал значение принятого закона "...хоть закон ФЗ-131 и не работал в полной мере, но по крайней мере были возможности для манёвра" (Личный архив С.Г. Коваленко. № 18). В основном эксперты не раз критиковали его за то, что такие права на местном уровне сдерживались отсутствием финансирования [19]. В то же время нельзя сказать, что сам закон вообще "не работал, по мнению респондентов – "...там, где муниципалитеты использовали любые возможности для пополнения своего бюджета, население начинало ценить деятельность органов самоуправления". Например, в п.г.т. Кавалерово Приморского края решили ситуацию с "отвалами, которые образовались в результате деятельности Хрустальненского горно-обогатительного комбината". Их содержимое было продано китайцам "и заработали при этом денег, и во многом решили экологическую проблему" (Личный архив Коваленко С.Г. Интервью № 56).

В других муниципалитетах также можно найти подобные положительные примеры. "...в общем и целом, конечно, денег не хватает, но мы ищем средства. Предприятия кроме налога ещё в бюджет наш отчисляют, конечно, во многом это неформальная практика. Если что-либо нужно, то мы их просим, они нам помогают" (Личный архив С.Г. Коваленко. № 98).

Если говорить в целом по Дальневосточному региону то, по мнению С.Н. Леонова, на Дальнем Востоке положение с финансовой обеспеченностью местного самоуправления в 2000-х определялось не столько местными, сколько общероссийскими тенденциями. Однако, несмотря на это, часть бюджета формировалась самими муниципальными образованиями. В 2019 г. в муниципальных районах она составила 3,9 %, а в городских округах 10,9% [19. с. 170].

Противоречия между широкими законодательными полномочиями и диктатом выделенных средств сохранялись до муниципальной реформы, которая была заложена конституционными изменениями 2020-х. В декабре 2021 г. был принят Закон об общих принципах организации публичной власти в субъектах России. В 2022 г. Госдума приняла в первом чтении законопроект о реформе органов местного самоуправления. К 2028 г. число муниципалитетов в России должно сократится минимум в два раза, а губернаторы смогут снимать с должности мэров, которых окончательно встроит в региональную вертикаль власти. Сам электорат избирать глав местного самоуправления сможет лишь в том случае, если власти субъекта РФ разрешат.

Одной из формальных причин реформы стало то, что действующий с 2003 г. Закон о местном самоуправлении (МСУ), по словам главы думского Комитета по госстроительству и законодательству П.В. Крашенинникова ("ЕР"), менялся 186 раз и "превратился, по сути, в лоскутное одеяло" [27]. Это, с точки зрения сторонников реформирования, затрудняло работу всех уровней власти.

Фактически вместо восьми видов муниципальных образований (сельских и городских поселений, муниципальных районов, городских и муниципальных округов, городские округа с внутригородским делением, а также внутригородских территорий городов федерального значения) останется только три: городские округа, муниципальные округа, внутригородская территория городов федерального значения. Из этого следует, что на территории Дальнего Востока останется только два вида муниципалитетов.

В обсуждении закона участвовали сторонники реформы и её противники. Так, С.А. Кузьменко, заместитель председателя Законодательного собрания Приморского края подчеркнул: "Мы очень много говорили об этой реформе ещё на старте. Её суть заключается в объединении всех сельских поселений, существующих на территории муниципалитета. Это позволит в первую очередь сосредоточить все уровни местной власти в одних руках. Ведь по большому счёту людям неважно, кто именно отвечает за разбитый участок дороги, забившуюся канализацию или неубранный мусор. Для них главное, чтобы возникшая проблема была своевременно решена" [18].

Идея нового реформирования не вызвала восторга у населения на некоторых территориях Дальнего Востока. Например, в Приморье прошли митинги против её проведения. Протестующие требовали от губернатора О.Н. Кожемяко отказаться от планов объединить поселения в муниципальный округ, так как, по их мнению, это приведет к "удалению власти от народа и послужит отстранению жителей от принятия решений по улучшению качества жизни" [5]. Ряд политтехнологов планы руководства Приморья по объединению поселений в муниципальные округа объясняют желанием централизовать власть. По мнению известного российского аналитика Н. Зубаревич, "...суть этой реформы, как мы видим, не экономическая. Главная причина, по которой она проводится, – политическая. Внизу стали избирать не тех депутатов. Порой эти депутаты или даже избранные главы низовых поселений возглавляют протесты. ... Не боятся отстаивать интересы местного населения" [21].

Аналогичная ситуация складывалась и в других краях и областях Дальнего Востока. Так, в Еврейской автономной области на публичных слушаниях победили противники муниципальной реформы [31]. В Хабаровском крае, начиная с протестов по уголовному делу С.И. Фургала, проходили перманентные протесты против любой инициативы властей [20]. У части руководителей муниципалитетов часто вызывают раздражение и многомиллиардные мегапроекты. Хотя некоторые из муниципалитетов получили определённые бонусы от этих программ (Личный архив С.Г. Коваленко. Интервью № 8).

В Дальневосточном федеральном округе до начала реформы на 1 января 2020 г. насчитывалось 1961 муниципальных образований, из которых 1594 сельские, то есть абсолютное большинство муниципалитетов представляют интересы населения сельской местности, где традиционно ниже уровень жизни и решение большинства управленческих вопросов происходило в режиме с "колёс". В силу ряда причин на практике отсутствует возможность их решения через те механизмы, которые существуют в городской среде (например, через суд).

Заключение

Исторический анализ показал, что Советы народных депутатов ушли с исторической арены в результате целого комплекса факторов, в том числе и под воздействием внутренней политической обстановки в регионах.

Развитие правовых основ местного самоуправления в России формировалось часто ситуативно, под влиянием отношений "Центр-регион", но без учета мнения жителей населенных пунктов. Доминирование политических задач, манипулирование муниципальным движением для усиления контроля за губернаторами определялись отсутствием лояльности последних к первому Президенту РФ.

Дополненная законодателем статья 132 Конституции РФ новой частью 3 о том, что органы местного самоуправления и органы государственной власти стали входить в единую систему публичной власти России, привело к проблемной си-

туации: сохранение "низовой демократии". Большую роль в трансформационном процессе от этапа демократизации Советов к муниципальному сегменту вертикали власти сыграла кадровая политика реформаторов. На смену местным политикам в Советах, которые представляли интересы населения, пришли менеджеры, обладающие уже бюрократическим стилем работы и увлеченные федеральными интересами, к тому же поддерживаемые новыми экономическими элитами. На Дальнем Востоке к концу исследуемого периода ярко обозначились такие новые черты социальных отношений по линии власть и общество.

Литература

1. Багандов Р.М. Роль местного самоуправления как института гражданского общества // Молодой ученый. 2018. № 21 (207). С. 321–323.
2. Болтянский Л.И. Кадровый потенциал специалистов местного самоуправления / Л.И. Болтянский, Л.Н. Дроздова, Г.Н. Ярошенко // Проблемы национальной безопасности Российской Федерации в Дальневосточном и Азиатско-тихоокеанском регионе и Северо-Восточной Азии: материалы региональной научно-практической конференции. Владивосток, 2003. С. 32–35.
3. Булах Е.В. Община и государство: современные инструменты конкурентного развития / Е.В. Булах, И.В. Кисельников, В.И. Фокин // Известия Восточного института. 2021. Т. 52, № 4. С. 65–73.
4. Буянова Л.В. Избирательная кампания по выборам народных депутатов СССР 1989 года в Амурской области // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 2006. Вып. 7. С. 188–200.
5. В Приморье митингуют против муниципальной реформы 23 октября 2019. URL: <http://m.club-rf.ru/25/detail/3541> (дата обращения: 15.06.2020).
6. Ващук А.С. Актуальные проблемы истории Дальнего Востока России периода радикально-либеральных реформ / А.С. Ващук, Н.С. Воронцов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13. № 2. С. 49–68.
7. Ващук А.С. История ответа Чукотки на вызов суверенитета: к 30-летию приобретения статуса субъекта российской федерации / А.С. Ващук, С.Г. Коваленко // Россия и АТР. 2021. № 4 (114). С. 138–153.
8. Войшнис В.Э. Федеральные выборы на территории Дальнего Востока России (1991–2004 гг.) / В.Э. Войшнис; Хабар. гос. акад. экономики и права. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2007. 311 с.
9. Голощапов Р.В. История реформирования органов власти на Дальнем Востоке России: 1990–2000 гг.: дис ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2002. 233 с.
10. Горбачев М.С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. 28 июня 1988 года: материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 года. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/1osnovnoy_doclad.pdf (дата обращения: 01.04.2023 г.)
11. Дементьев А.Н. Территориальная организация местного самоуправления в РФ: тенденции, критерии, перспективы / А.Н. Дементьев, О.А. Дементьева, В.Н. Бондарь. М.: Норма, 2021. 358 с.
12. Европейская хартия ответственность за дела в муниципалитете возлагает на органы местного самоуправления (ст. 3) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 15. Ст. 1695. 6
13. Из истории создания Конституции Российской Федерации: конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) в 6 т. (10 кн.). Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М.: Волтерс Клувер, 2009. 1120 с.
14. Историческая хроника Магаданской области, 1991–2000: события и факты. Магадан: Охотник, 2015. 280 с.
15. Комсомолка выяснила, сколько просят за депутатский мандат в Думу Владивостока и ЗС ПК // Комсомольская правда Приморского края. 2012. 28 мая. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily> (дата обращения: 21.03.2023).
16. Конституция РСФСР 1978 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9613.htm. (дата обращения: 01.04.2023 г.)
17. Конституция СССР 1977 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9447.htm. (дата обращения: 01.04.2023 г.)
18. Кузьменко С.: "Для меня в приоритете – продвижение интересов муниципалитетов в крае" // Приморские зори. Информационно-аналитическая газета Ханкайского муниципального района. 8 октября 2020 года. URL: <https://primzori.ru/?list=2&p=19725> (дата обращения: 25.03.2022).
19. Леонов С.Н. Финансовые результаты реформы местного самоуправления. Опыт регионов Дальнего Востока // Общественные финансы. 2021. Т.14. № 6. С. 160–175.
20. Митингующие высказались резко негативно о Народном совете. 2020. 19 августа. URL: <https://www.dvnovosti.ru/furgal/2020/08/19/119026/> (дата обращения: 15.06.2021)
21. Названы последствия реформы местного самоуправления: добыют окончательно. Верти-

каль власти воткнется в землю // Московский комсомолец. 2022. 6 февраля. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/02/06/nazvany-posledstviya-reformy> (дата обращения: 15.06.2020).

22. О местном самоуправлении в РСФСР: закон РСФСР от 06.07.1991 № 1550-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.

23. О Совете по местному самоуправлению в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 1997 г. № 531. Указ Президента от 24 августа 1995 г. № 874 признан утратившим силу. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11001/print> (дата обращения: 23.02.2323)

24. Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 16, 18 апреля. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817750> (дата обращения: 01.04.2023 г.)

25. Об основах муниципальной службы в Российской Федерации. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 8-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/992631/?ysclid=lho69gl181681437555> (дата обращения: 1.05.2023).

26. Об отстранении от исполнения обязанностей председателей исполкомов областных Советов народных депутатов: указ Президента РСФСР // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. М., 1991. № 35. Ст. 1148.

27. Озерова М. В России затеяли "оптимизацию" муниципалитетов: выборов станет меньше. 2022. 25 января. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/01/25/v-rossii-zateyali-optimizaciyu-municipalitetov-vyborov-stanet-menshe.html> (дата обращения: 1.04.2023).

28. Островский А.В. Расстрел Белого дома. Москва: Нобель-пресс, 2012. 405 с.

29. Отношение российских регионов к распаду СССР и выстраиванию новой вертикали власти (1990–1993 гг.): сравнительный анализ на примере русского севера и Дальнего Востока / С. Г. Коваленко, Р.Ю. Болдырев, С. Ю. Болдырева, И.Д. Попов, Н.Е. Пуховская // Вопросы истории. 2021. № 7-1. С. 46–65.

30. Перспективы низовой демократии в России // Отечественные записки. 2005. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/6> (дата обращения: 01.04.2023 г.)

31. Протест против муниципальной реформы в ЕАО набрал обороты к завершению публичных слушаний. 27 марта 2019. URL: <https://primamedia.ru/news/798444/?ysclid=igd10c26gg457235482> (дата обращения: 15.06.2021)

32. Радомская И.Н. Местное самоуправление в южных дальневосточных субъектах Российской Федерации: 1990–2003 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск 2006. 227 с.

33. Савченко Е.А. Преодолеть границы: поиски новых форм внешнеэкономических связей для развития Дальнего Востока в 1985–1993 гг. // Россия и АТР. 2018. № 3. С. 45–67.

34. Ситников А. Россия живет при делегируемой демократии // Независимая газета. 2004. 3 авг. URL: https://www.ng.ru/ideas/2004-08-03/11_democracy.html?ysclid=le9ne8pwhp693315160 (дата обращения: 20.04.2023).

35. Хачатурян Б.Г. Реформирование местных органов власти на Дальнем Востоке (1990–1994 гг.): к истории вопроса // Гуманитарные науки: Вестник ИрГТУ. 2012. № 1. С. 312–319.

36. Хачатурян Б. Уставное нормотворчество муниципальных образований в Дальневосточном федеральном округе: история и проблемы. М.: Академия проблем безопасности обороны и правопорядка, 2006. 156 с.

37. Фастович Г.А., Вяткина Г.Я. Местное самоуправление и гражданское общество: вопросы взаимодействия // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4(220). С. 16–19.

38. Шелковникова Н.В. Формирование органов власти в городах Дальнего Востока в условиях становления современной российской государственности (1987–2003 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре. 2006. 229 с.

39. Эпоха Ельцина. М.: Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011. 815 с.

References

1. Bagandov R.M. The role of local self-government as a civil society institute // Young Scientist. 2018. № 21 (207). P. 321–323.
2. Boltjansky L.I. Personnel potential of local self-government specialists / L.I. Boltjansky, L.N. Drozdova, G.N. Yaroshenko // Problems of National Security of the Russian Federation in the Far East and Asia Pacific and North-East Asia: materials of the regional scientific-practical conference. Vladivostok, 2003. P. 32–35.
3. Bulakh E.V. Community and State: Modern Instruments of Competitive Development / E.V. Bulakh, I.V. Kiselnikov, V.I. Fokin // Proceedings of the Oriental Institute. 2021. Т. 52, № 4. P. 65–73.
4. Buyanova L.V. Election Campaign at the Election of People's Deputies of the USSR in 1989 in the Amur Region // Social and Political Life of Siberia. The twentieth century. Novosibirsk, 2006. Vol. 7. P. 188–200.
5. In Primorye they rally against the municipal reform on October 23, 2019. URL: <http://m.club-rf.ru/25/detail/3541> (accessed 15.06.2020). (In Russ.).
6. Vashchuk A.S. Actual problems of the history of the Russian Far East during the period of radical-liberal reforms / A.S. Vashchuk, N.S. Vorontsov // Historical and Socio-Educational Thought. 2021. Т. 13. № 2.

Р. 49–68.

7. Vashchuk A.S., Kovalenko S.G. History of Chukotka's response to the challenge of sovereignty: to the 30th anniversary of acquiring the status of a subject of the Russian Federation / A.S. Vashchuk, S.G. Kovalenko // *Russia and the APR*. 2021. № 4 (114). P. 138–153.

8. Voyshtnis V.E. Federal Elections in the Russian Far East (1991–2004) / V.E. Voyshtnis; Khabarovsk State Academy of Economics and Law. Khabarovsk: RIC KSAEP, 2007. 311 p.

9. Goloshchapov R.V. History of Reforming of Authorities in the Far East of Russia: 1990–2000: Ph. Candidate of Philosophy. Khabarovsk, 2002. 233 p.

10. Gorbachev M.S. On the implementation of decisions of the XXVII Congress of the CPSU and tasks to deepen perestroika. June 28, 1988: the materials of the XIX All-Union Conference of the Communist Party of the Soviet Union. June 28-July 1, 1988. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/1osnovnoy_doclad.pdf (accessed 01.04.2023). (In Russ.).

11. Dementiev A.N. Territorial organization of local self-government in the Russian Federation: trends, criteria, prospects / A.N. Dementiev, O.A. Dementieva O.A., Bondar V.N. M.: Norma, 2021. 358 p.

12. The European Charter places responsibility for municipal affairs on local self-government bodies (article 3) // *Sobranie zakonodatelstva Rossii Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1998. № 15. Art. 1695. 6.

13. From the history of the Constitution of the Russian Federation: constitutional commission: stenograms, materials, documents (1990–1993) in 6 vol. (10 vols.). T. 5: Alternative projects of the Constitution of the Russian Federation (1990–1993) / under the editorship of O.G. Rummyantsev. M.: Wolters Klover, 2009. 1120 p.

14. Historical chronicle of the Magadan Oblast, 1991–2000: events and facts. Magadan: Hunter, 2015. 280 c.

15. *Komsomolskaya Pravda of Primorsky Krai*. 2012. May 28. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily> (accessed 21.03.2023). (In Russ.).

16. Constitution of the RSFSR of 1978. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9613.htm. (accessed 01.04.2023).

17. USSR Constitution of 1977. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9447.htm. (accessed 01.04.2023). (In Russ.).

18. Kuzmenko S.: "For me, the priority is the promotion of the interests of municipalities in the region" // *Primorskies zori*. Informational and analytical newspaper of the Khanka municipal district. October 8, 2020. URL: <https://primzori.ru/?list=2&p=19725> (accessed 25.03.2022).

19. Leonov S.N. Financial Results of the Local Self-Government Reform. Experience of the regions of the Far East // *Public Finance*. 2021. T.14. № 6. P. 160–175.

20. The protesters spoke sharply negatively about the People's Council of 2020. 19 August. URL: <https://www.dvnovosti.ru/furgal/2020/08/19/119026/> (accessed 15.06.2021). (In Russ.).

21. Consequences of the local self-government reforms were named: they will finish them off. The vertical of power will stick into the ground // *Moskovsky Komsomolets*. 2022. February 6. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/02/06/nazvany-posledstviya-reformy> (accessed 01.04.2023). (In Russ.).

22. On local self-government in the RSFSR: the law of the RSFSR dd. 06.07.1991 № 1550-1 // *Vedomosti of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1991. № 29. Art. 1010.

23. About the Council for Local Self-Government in the Russian Federation: Presidential Decree of May 29, 1997 № 531. Presidential Decree No. 874 of August 24, 1995, has been declared null and void. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11001/print> (accessed 01.04.2021). (In Russ.).

24. On the General Principles of Local Self-Government and Local Economy in the USSR // *Bulletin of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR*. 1990. No. 16, April 18. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817750> (accessed 01.04.2023). (In Russ.).

25. On the Fundamentals of Municipal Service in the Russian Federation. Federal Law of January 8, 1998 № 8-FZ. URL: <https://base.garant.ru/992631/?ysclid=lho69gl181681437555> (accessed 01.05.2023). (In Russ.).

26. On removal from office of the Chairmen of the Executive Committees of Regional Councils of People's Deputies: Decree of the President of the RSFSR // *Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the RSFSR Supreme Soviet*. M., 1991. № 35. Art. 1148.

27. Ozerova M. In Russia they started "optimization" of municipalities: the number of elections will become less. 2022. 25 January. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/01/25/v-rossii-zateyali-optimizaciyu-municipalitetov-vyborov-stanet-menshe.html> (accessed 1.04.2023).

28. Ostrovsky A.V. Shooting of the White House. M.: Nobel-press, 2012. 405 p.

29. Attitude of Russian regions to the collapse of the USSR and the formation of a new vertical of power (1990–1993): a comparative analysis on the example of the Russian North and the Far East / S.G. Kovalenko, R.J. Boldyrev, S.J. Boldyreva, I.D. Popov, N.E. Puhovskaya // *Problems of History*. 2021. № 7-1. P. 46–65.

30. Prospects of grassroots democracy in Russia // *Otechestvennye zapiski*. 2005. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/6> (accessed 01.04.2023). (In Russ.).

31. Protest against the municipal reform in the EAO gained momentum towards the end of public hearings. March 27, 2019. URL: <https://primamedia.ru/news/798444/?ysclid=lgd10o26gg457235482> (accessed

15.06.2021). (In Russ.).

32. Radomskaya I.N. Local self-government in the southern Far Eastern subjects of the Russian Federation: 1990–2003: autoref. diss. Cand. in Philosophy. Khabarovsk 2006. 227 p.

33. Savchenko E.A. To overcome borders: the search for new forms of foreign economic relations for the development of the Far East in 1985–1993 // Russia and the APR. 2018. № 3. P. 45–67.

34. Sitnikov A. Russia lives under delegated democracy // Nezavisimaya Gazeta. 2004. 3 Aug. URL://https://www.ng.ru/ideas/2004-08-03/11_democracy.html?ysclid=le9ne8pwhp693315160 (accessed 20.04.2023). (In Russ.).

35. Khachatryan B.G. Reforming local authorities in the Far East (1990–1994): to the history of the issue // Humanities: Vestnik ISTU. 2012. № 1 . P. 312–319.

36. Khachatryan B. Statutory rulemaking of municipalities in the Far Eastern Federal District: history and problems. M.: Academy of Security Problems of Defense and Law Enforcement, 2006. 156 p.

37. Fastovich G.A., Vyatkina G.Ya. Local self-government and civil society: issues of interaction // law and the state: theory and practice. 2023. N. 4 (220). P. 16–19.

38. Shelkovnikova N.V. Formation of Authorities in the Cities of the Far East in the Conditions of Modern Russian Statehood Formation (1987–2003): abstract of Ph. Candidate of Historical Sciences. Komsomolsk-on-Amur. 2006. 229 p.

39. The Epoch of Yeltsin. M.: Yeltsin Presidential Center, 2011. 815 p.

Ангелина Сергеевна ВАЩУК, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: va_lina@mail.ru

Светлана Геннадьевна КОВАЛЕНКО, канд. ист. наук, научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: ostina@list.ru

Angelina S. VASHCHUK, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Department of Socio-Political Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: va_lina@mail.ru

Svetlana G. KOVALENKO, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Department of Socio-Political Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: ostina@list.ru

Поступила в редакцию
(Received) 01.07.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 18.11.2023

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2023

Научная статья
УДК 947.088:352.075.31(571.645) "199/200"
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/28-38>

Условия и противоречия периода становления местного самоуправления на удаленных территориях в 1990-е – начале 2000-х гг. на примере Южно-Курильского муниципального образования

Елена Николаевна ЧЕРНОЛУЦКАЯ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, chvalery@mail.ru

Аннотация. В статье на основе метода case-study раскрываются трудности становления местного самоуправления в 1990-е гг. на Южных Курилах как районе крайней российской периферии. Основное внимание уделено деятельности мэра и его взаимоотношениям со структурами власти. Выявлены недостаточность социально-экономических возможностей района в полноценном обеспечении функций самоуправления, невысокая готовность к этому местного сообщества, слабая проработанность нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: местное самоуправление, реформы, районный мэр, Южные Курилы, Россия

Для цитирования: Чернолуцкая Е.Н. Условия и противоречия периода становления местного самоуправления на удаленных территориях в 1990-е – начале 2000-х гг. на примере Южно-Курильского муниципального образования // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 28–38. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/28-38>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/28-38>

Conditions and contradictions of formation of local self-government in remote territories in the 1990s – early 2000s on the example of the South Kuril municipality

Elena N. CHERNOLUTSKAIA

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, chvalery@mail.ru

Abstract. The article, based on the case-study method, reveals the difficulties of the formation of local self-government in the 1990s in the Southern Kuril Islands as an area of the extreme Russian periphery. The main attention is paid to the activities of the mayor and his relationship with government structures. The insufficiency of socio-economic opportunities of the district in the full provision of self-government functions, low readiness of the local community for this, weak elaboration of the regulatory framework are revealed.

Keywords: local self-government, reforms, district mayor, Southern Kuriles, Russia

For citation: Chernolutskaia E.N. Conditions and contradictions of formation of local self-government in remote territories in the 1990s – early 2000s on the example of the South Kuril municipality // Oriental Institute Journal. 2023. № 4. P. 28–38. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/28-38>

В 1990-е гг. система местного самоуправления вместе с другими сферами российской жизнедеятельности переживала процесс реформирования. После краха советской системы в России шёл поиск эффективных механизмов сосуществования и взаимодействия власти и местных сообществ, которые позволяли бы урегулировать противоречия между ними, что необходимо для поддержания целостности политической системы [1, с. 70]. Первыми вехами в становлении новой модели организации местной власти стали положения Конституции Российской Федерации 1993 г. и Закон РФ от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ. В современной историографии накоплен пласт исследований, раскрывающих содержание этих правовых актов, их концептуальные основы, достоинства и ограничения [3; 12; 13; и др.]. Исследователи единодушны в том, что важнейшим принципом введённых начал стало отделение органов местного самоуправления от системы государственной власти. Закон (ст. 2) определял местное самоуправление как гарантированную Конституцией РФ «самостоятельную и под свою ответственность деятельность населения по решению вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций» [10].

Провозглашённая независимость муниципальных органов в пределах своих полномочий представляла собой действительное воплощение одной из форм непосредственного народовластия. Однако на пути ее реализации оказалось немало проблем, связанных с нечёткой проработкой самого закона, сложными условиями периода социально-экономических реформ в целом, незначительным опытом населения в демократическом управлении и др. Данный этап завершился принятием следующего Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9]. Таким образом, в течение пореформенного десятилетия в России шла «обкатка» первоначально сформулированных принципов представительской демократии на местах. При этом обширность территории страны, различия в развитии муниципальных образований создавали неравнозначность стартовых позиций сообществ в реализации права на местное самоуправление, что влияло и на его качество.

В данной статье, используя метод case-study и элементы просопографического подхода, мы нацелены показать трудности и противоречия этого процесса на примере одного из самых отдалённых и малонаселённых районов страны – Южно-Курильского. Основное внимание будет сконцентрировано на главе районной администрации как ключевой фигуре муниципального управления. Проблема роли и ответственности такого должностного лица привлекает внимание исследователей, но в основном правоведов и большей частью с позиции реформы 2003 г. [5; 19; и др.]. Наша задача – показать факторы вызревания этой реформы в рамках исторической конкретики, а именно: через анализ практических действий районного руководителя в 1990-е – начале 2000-х гг., процедурно-правовых сложностей при функциональном обеспечении самоуправления, степени самодостаточности населения на предмет формирования местного кадрового ресурса.

Основными источниками послужили официальные документы федерального и областного уровня, а также публикации областных газет «Советский Сахалин» и «Губернские ведомости». Последние информативно ценны тем, что в хронологической последовательности достаточно подробно раскрывают события, связанные с деятельностью южно-курильского главы и позволяют понять настроение курильчан.

На момент системного российского реформирования три муниципальных района Сахалинской области отличались крайнее периферийным положением на востоке страны и островной изолированностью. Северо-Курильский, Курильский и Южно-Курильский имели глубокую зависимость от внешнего снабжения и государственных дотаций. В 1990-е гг. в результате «шоковых» рыночных преобразований Курилы погрузились в острейший социально-экономический кризис. Наиболее драматичная ситуация складывалась в Южно-Курильском районе, где население в основном проживало на о-вах Кунашире (с районным центром п.г.т. Южно-Курильск) и Шикотане. Если два других района к началу 2000-х гг. начали подниматься на ноги, при этом Курильский стал районом-донором, а Северо-Курильский – самодостаточным, то Южно-Курильский оставался дотационным. Помимо перечисленных проблем огромный урон последнему в 1994 г. нанесла стихия – разрушительное землетрясение и цунами. Тогда сильно пострадали большинство зданий, поселковая и производственная и инфраструктура, в руинах находились крупнейшие в стране рыбокомбинаты «Островной» (о. Шикотан) и Южно-Курильский (о. Кунашир). Однако район, не получив от властей достаточной помощи, так и не был полностью восстановлен. Более 70% жилья даже в 2000-е гг. все еще были в аварийном состоянии, а аэропорт Менделеево на о. Кунашир закрыт на реконструкцию.

В 1990-е гг. дальнейшая судьба территорий стала предметом геополитических дискуссий. Российское руководство в стремлении подписать с Японией мирный договор, а заодно и получить от нее кредиты, признало наличие «территориального вопроса» и согласилось обсуждать будущую юрисдикцию Южных Курил. При этом под давлением дальневосточной политической и военной элиты, а также протестов населения региона Москва заняла противоречивую и неопределённую

позицию. На Курилах не исключали, что именно по этой причине государство не вкладывало средства в восстановление Кунашира и Шикотана. Южнокурильчане не могли понять, останутся ли они в составе России, отдадут ли их вместе с островами Японии или вообще выселят [15; 16; 17; 18].

Неопределенность сказалась на настроении местных жителей, многие стали выезжать на материк. С 1989 по 2000 гг. гражданское население на островах сократилось с 30,5 тыс. до 18,8 тыс. чел., в том числе в Северо-Курильском районе – с 5,6 до 4,1 тыс., Курильском – с 11,0 до 8,0 тыс., Южно-Курильском – с 14 до 6,7 тыс. чел. [6]. В те же годы российское правительство взяло на себя обязательство по демилитаризации Курил и организовано вывозило отсюда военный контингент, который в конце 1980-х гг. составлял около 12 тыс. чел. [2, с. 396].

Из плюсов этого периода можно назвать принятие Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов Сахалинской области на 1994–1995 годы и до 2000 года» (в 1998 г. продлена до 2005 г.), которая была нацелена на укрепление рыбопромышленного производства и островной инфраструктуры [18]. Другой формой государственной поддержки было предоставление курильским районам некоторых преференций. Так, по Указу Президента РФ от 8 декабря 1992 г. «О социально-экономическом развитии Курильских островов» администрация Сахалинской области могла наделять их полученными из центра лимитами на добычу рыбы и морепродуктов в Курильском промышленном районе. Кроме того, средства от продажи лицензий на такой промысел и штрафов за ущерб экологии должны были направляться в бюджеты курильских районов и использоваться местными администрациями на финансирование приоритетных объектов [8].

Эти меры, безусловно, были ценны для островной территории, но на практике во многом оказались нереальными. Финансирование федеральной целевой программы было настолько низким, что не позволило выполнить ее даже наполовину, а объявленные преференции часто «не работали». Положенные островам валютные средства стали поступать на Курилы лишь с 1995 г., но районные администрации в основном расходовали их не на развитие инфраструктуры, а на «латание дыр» в своем бюджете [17, с. 60–61].

В первой половине 1990-х гг. и до 1997 г. мэром Южно-Курильского района был Н. Покидин, на которого и обрушились все эти проблемы; особенно напряжённой была работа по восстановлению района после землетрясения. В этих условиях администрация района, какой бы она ни была, не могла обеспечить островитянам условий нормальной жизнедеятельности без поддержки государства, а она была совершенно недостаточной. Десятки раз мэр и его команда обращалась за помощью в областную администрацию, Правительство, к Президенту, но в большинстве случаев не получали ожидаемого отклика [14, 1993, 1 дек., с. 1].

На этом фоне в 1997 г. в Южно-Курильском районе прошли напряжённые выборы органов местного самоуправления. На должность мэра претендовало девять кандидатов, среди них директора предприятий, предприниматели, пограничник, главный врач районной больницы, начальник районной милиции и зам. главы районной администрации. А на три мандата депутатов районного собрания свои кандидатуры выставили 20 чел. Во время предвыборной кампании часть претендентов сделала ставку на критику прежнего руководства района и обвиняла его в мыслимых и немыслимых грехах [14, 1997, 26 фев., с. 1].

В результате новым главой администрации стал В. Зема, получивший 26,5% голосов. В его победе немалую роль сыграло то, что бывший военнослужащий-пограничник стал известен в районе как борец «за справедливость и демократию». В годы перестройки он пять лет был депутатом районного совета, однако не имел никаких навыков административного управления или хозяйственной деятельности [15, 1997, 20 марта, с. 1; 13 июня, с. 1–2].

Как и предыдущий глава, В. Зема получил в управление острокризисную территорию, а объективные условия, в которых действовала новая администрация, мало изменились. Южно-Курильский район продолжал оставаться дотационным,

с низкой собираемостью налогов, формирующих местный бюджет. Большинство предприятий здесь были убыточными, а главные потенциальные налогоплательщики – рыбокомбинаты «Островной», Южно-Курильский и рыболовецкий колхоз «Родина» – к концу 1990-х гг. стали банкротами. Их работники годами не получали зарплату, кто мог, зарабатывал на браконьерстве и контрабанде рыбы и морепродуктов. «Привилегированным» слоем здесь считали пенсионеров, получавших гарантированные «живые деньги». Району не хватало врачей, педагогов, работников культуры. Требовался ремонт аварийного жилья, электро- и теплотрасс, необходимо было строить школы, больницы, детские сады и т.д. [16, с. 172; 17, с. 59–60, 64].

Мэрии по-прежнему не удавалось решить одну из своих главных проблем – организовать бесперебойное энергоснабжение. С одной стороны, причиной были объективные обстоятельства – резкое повышение в 1990-е гг. цен на топливо и его транспортировку, а также реформирование принципов «северного завоза», приведшее по всей стране к нарушению сроков и объёма поставок, в составе которых одной из главных позиций было топливо для дизельных электростанций. Областная администрация частично участвовала в выделении средств на эти цели и организации доставки топлива, но в целом проблему не решала. С другой стороны, сами южно-курильские управленцы часто поступали нелогично, заключая договоры с ненадёжными поставщиками, расходуя целевые средства не по назначению, или вовсе бездействовали [4, 1999, 4 нояб., с. 1; 2000, 21 марта, с. 1].

Энергетические кризисы в районе возникали вновь и вновь. Особенно тяжёлая ситуация сложилась зимой 1999/2000 гг. Тогда наиболее пострадал о. Шикотан, куда не только не завезли нужного объёма нефтепродуктов для электростанций, но и ни тонны угля для котельных. В результате электричество подавалось два раза в сутки по 2 часа, а отопление весь холодный сезон (!) не было подключено вовсе [15, с. 361].

В целом ресурсы местного самоуправления на Южных Курилах были слишком малы, чтобы справиться с клубком острейших проблем. В этих условиях поддержка государственных структур была жизненно необходима. И это не противоречило Закону № №154-ФЗ, который в ст. 9 прописывал: «Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации создают необходимые правовые, организационные, материально-финансовые условия для становления и развития местного самоуправления и оказывают содействие населению в осуществлении права на местное самоуправление» [10]. Однако формулировка этой нормы была довольно расплывчатой и на практике давала неоднозначные результаты.

В. Зема решил напрямую добиваться государственной поддержки в Москве и подолгу находился там вместо непосредственного руководства делами района. Как выявили сахалинские журналисты, за первые три года своего правления на эти командировки он потратил в совокупности целый год времени и 221 тыс. руб. казённых денег [4, 1998, 30 окт., с. 1; 2000, 21 марта, с. 1]. Он также занимался там повышением своего образования, обучаясь в Академии государственной службы при президенте РФ. Средства на это выделялись из внебюджетного фонда района [14, 2000, 25 марта, с. 1].

Глава южно-курильской администрации использовал также прием прямой апелляции к высшему руководству страны и даже к иностранным правительствам (последнее стало широко распространенной практикой на Курилах в «лихие 90-е»). Так, в сентябре 1999 г. В. Зема обратился с письмом к Президенту Б. Ельцину с предложением придать Курильским островам статус федеральных территорий. Не совсем ясно, что вкладывалось им в это понятие, поскольку российское законодательство такового не предусматривает [4, 1998, 30 окт., с. 1].

В октябре того же года мэр попросил гуманитарной помощи для жителей Кунашира и Шикотана у правительства Японии. И уже через месяц японская делегация передала южнокурильчанам малогабаритные дизельные генераторы для школы и больницы, медикаменты, продовольствие [14, 1998, 7 окт., с.1; 31 окт., с. 1]. За-

метим, что Япония в 1990–2000-е гг. довольно охотно оказывала гуманитарную помощь Южным Курилам в стремлении создать позитивный образ своей страны в глазах местного населения с тем, чтобы оно поддержало передачу ей «спорных островов» [16, с. 170].

Новшеством для российской практики местного самоуправления стало постоянное представительство района в Москве (должность существовала до мая 2000 г.). Первым, кто замещал должность был вице-мэр М.Б. Пищулин, в его функциональные обязанности входило: «представлять интересы администрации ... по проработке и решению вопросов в Госкомрыболовстве по выделению лимитов на добычу рыбы и морепродуктов..., выделению средств под северный завоз..., по выделению кредитов предприятиям рыбо- и сельскохозяйственного комплексов, ... проведение переговоров о привлечении в экономику района инвестиций..., оперативное обеспечение нормативно-правовыми актами и другой литературой, ... доведение до депутатов Госдумы вопросов жизнедеятельности района по всем направлениям, ... представительские функции района в Москве, ... подготовка заключения соглашения с правительством Москвы о совместном экономическом сотрудничестве» [4, 2000, 11 апр., с. 2; 2001, 31 янв., с. 1].

Неоднозначность ситуации заключалась в том, что перечисленные направления работы вице-мэра действительно имели принципиальное значение для района, однако уровень представительства выходил из сложившейся иерархии бюрократических отношений, что давало низкую результативность. В высоких московских кабинетах запросы отдалённого района неизбежно переадресовывали на уровень руководства области. Однако отношения с сахалинским губернатором и его командой у В. Земы не сложились: он считал, что они неправильно распределяют среди районов квоты на рыбный промысел и расходуют средства, выделенные по Курильской федеральной программе [14, 2000, 6 мая, с. 1]. Постоянная конфронтация мэра с областной администрацией не способствовала повышению качества управления в районе.

Дестабилизировали обстановку и частые кадровые перестановки, увольнения и реорганизации, которые В. Зема затевал, появляясь в Южно-Курильске после длительных командировок и пытаясь наладить дела. Уволенные работники восстанавливались по суду. На возмещение связанного с этим ущерба за четыре года его руководства из бюджета района было выплачено более 1 млн руб. [14, 2001, 31 янв., с. 1; 4, 2000, 21 марта, с. 1; 1 апр., с. 2].

Несомненно, действия мэра во многом были обусловлены острой кризисной обстановкой в районе, бюджетным дефицитом, беспросветностью ситуации, что придавало его руководству нервический характер. Однако нельзя сбрасывать со счетов и деловые качества самого В. Земы. По мнению многих, на практике они оказались далеко не соответствующими занятой должности. Так, депутат Сахалинской областной Думы С. Пономарёв после посещения Южно-Курильского района в 1999 г. говорил: «Главе администрации не хватает грамотности, опыта работы. Бывший мичман, вроде честный человек. Но отсутствие высшего образования сказывается на работе. Армейский тип управления здесь не подходит» [4, 1999, 31 авг., с. 2]. Более жестко оценивал своего мэра житель Кунашира в письме сахалинскому губернатору: «Можете не сомневаться – большинство населения у нас не уважает мэра как руководящего работника... За низкую квалификацию, некомпетентность. У него и команда непрофессиональная. Мы на своей шкуре испытываем последствия такого администрирования» [4, 1999, 7 дек, с. 1]. Помимо плохого энергоснабжения жители были недовольны тем, что муниципальное хозяйство находится в ветхом состоянии, а Кунашир и Шикотан завалены мусором [4, 2000, 12 окт., с. 1].

Глава сахалинской администрации И.П. Фархутдинов, выступая в программе «Час губернатора» в апреле 1999 г. и выслушав отчаянное обращение от жителя Южно-Курильска по поводу хронического отсутствия света и тепла, отвечал: «...У нас на Курилах три района, и только из Южно-Курильского вызывают о помощи. Там мэры работают. Только на Южных Курилах нет результата. Но там и мэра нет,

я считаю. ... Его месяцами не отыщешь. И я, губернатор, даже не знаю, где его искать, потому что по закону о местном самоуправлении он не должен ставить меня в известность о своих отлучках. ...Я, конечно, занимаюсь проблемами Южных Курил, и топливо мы туда завезём, но поймите – я не должен за мэра работать» [4, 1999, 22 апр., с. 1]. В том же ключе характеризовал В. Зему и журналист областной газеты: «...Куда ни глянь, отовсюду проглядывает амбициозность, неумение принять единственно верное решение, найти верный тон с людьми. А обозлённость и затурканность людей бытовыми неурядицами выливается в уродливые формы протеста: распространение листовок с негативной информацией о деятельности глав администраций, обращение к Японии...» [4, 2000, 11 апр., с. 2].

В 1999 и 2000 гг. жители Южно-Курильского района на своих сходах требовали отставки мэра и роспуска районного собрания [14, 1999, 7 апр., с. 1; 4, 1999, 17 апр., с. 1]. а в пос. Крабозаводское собрали 205 подписей за досрочное освобождение В. Земы от должности (позже списки были похищены неизвестным злоумышленником) [4, 1999, 6 апр., с. 1; 14, 1999, 6 апр., с. 1]. На встречах с депутатами областной Думы и сахалинским губернатором жители Кунашира «умоляли каким-то образом убрать своего мэра», на что губернатор отвечал, что по закону не имеет таких полномочий [14, 2000, 27 окт., с. 2; 4, 2000, 12 окт., с. 1].

Весной 2000 г. против В. Земы было возбуждено два уголовных дела по факту финансовых нарушений, которых мэр не признавал и заявлял, что он не намерен оставлять свой пост, так как дела сфабрикованы, и за этим кроется политический контекст [14, 2000, 6 мая, с. 1; 30 июня, с. 1–2]. Мы не исключаем того, что областная администрация действительно «посодействовала» такому развитию событий, так как других рычагов снятия мэра не имелось. Эту гипотезу подтверждают и высказывания председателя районного собрания М. Лукьянова (а он отнюдь не был сторонником В. Земы) о том, что данное уголовное дело «притянута за уши» [4, 2000, 28 нояб., с. 2].

В ответ мэр выбрал стратегию самоустранения от должностной деятельности. В мае он объявил об уходе в длительный отпуск, но дела передавать было некому, поскольку еще в марте он уволил своего первого заместителя И. Балкашина. Депутаты районного собрания приняли на должность вице-мэра И. Санжарова, который фактически стал исполнять обязанности главы администрации района. Приняв дела мэрии, он сокрушался: «Вам трудно представить, каковы масштабы разрухи в районе. И виноваты в них не стихийные силы, а люди, взявшиеся управлять, но не имеющие компетентности это делать» [14, 2000, 30 июня, с. 1–2].

Из-за сложившейся обстановки районное собрание народных депутатов обратилось в областную Думу с законодательной инициативой о назначении досрочных выборов в органы местного самоуправления района, совмещенных с выборами депутатов областной Думы и губернатора области в октябре [4, 2000, 30 мая, с. 1].

Кризис социально-политический перерос в политический, что заставило областную администрацию вмешаться в дела района. В июне того же года в рабочей поездке по Южным Курилам побывал вице-губернатор И. Малахов. На встрече с депутатами районного собрания он предложил им внести в муниципальный устав изменения, согласно которым глава местной администрации должен назначаться, а не избираться. Депутаты полностью согласились с этим, утомившись от бесконечных передраг, и уже через месяц на внеочередной сессии внесли в устав положение о назначении мэра по контракту (трудовому соглашению) представительным органом местного самоуправления. Со своей стороны, областная администрация взяла на себя курирование района, назначив чиновников, отвечающих за каждую отрасль хозяйства Южных Курил, а полностью контроль за делами в районе был возложен на вице-губернатора И. Малахова [14, 2000, 23 июня, с. 1; 4, 2000, 5 июля, с. 1].

Ситуация на Южных Курилах высветила общую для страны проблему, связанную с процедурой отстранения главы муниципальной администрации от власти в случае ненадлежащего исполнения им своих обязанностей. Поскольку Закон

№154-ФЗ (1995) не прописывал эту норму, в субъектах РФ стали вводить свои правовые акты. Не стала исключением и Сахалинская область, где областная Дума приняла Закон № 167 от 16 марта 2000 г. «Об ответственности органов местного самоуправления и выборных должностных лиц местного самоуправления перед государством» (утратил силу 12 сентября 2000 г.), который давал губернатору, депутату областной Думы и прокурору области право обращаться в областную Думу с инициативой о возбуждении процедуры прекращения полномочий выборных должностных лиц местного самоуправления. Основанием для этого могли быть установленные судом нарушения ими Конституции РФ, Устава области, федеральных законов, законов области, устава муниципального образования [11].

Опираясь на эту норму, губернатор И.П. Фархутдинов направил в областную Думу письмо-заявление, в котором просил возбудить процедуру прекращения полномочий мэра Южно-Курильского района В. Земы [14, 2000, 12 июля, с. 1]. Вопрос был вынесен на сессию областной Думы. В июле депутаты обсуждали его дважды, но так и не приняли окончательного решения, ожидая завершения судебного разбирательства [4, 2000, 20 июля, с. 2; 22 июля, с. 1].

Однако оно растянулось на несколько месяцев. В июле обвиняемый, несмотря на подписку о невыезде, отправился в Южно-Сахалинск и не явился на заседание суда, после чего был арестован, но в тот же день освобождён из-под стражи по собственному ходатайству под залог [14, 2000, 11 авг., с. 1]. В сентябре в назначенный день суда он снова отсутствовал, так как лег на лечение в больницу [4, 2000, 22 сен., с. 1].

В этот период должностная чехарда в исполнительном органе местного самоуправления достигла своего накала. В начале сентября Южно-Курильский районный суд восстановил в должности уволенного в марте вице-мэра И. Балкашева, который тут же приступил к своим обязанностям, а И. Санжаров был вынужден написать заявление об уходе. В тот же день В. Зема досрочно вышел из отпуска на работу, что явилось неожиданностью для населения, включая руководителей предприятий и организаций. Они считали, что находящийся под следствием человек не может руководить районом. Но уже через неделю мэр ушел на больничный, избежав явки на суд. А в январе следующего года он уволил своего другого заместителя М. Пищулину (бывшую ранее представителем района в Москве) [4, 2000, 14 сен., с. 1; 14, 2000, 16 сен., с. 1; 27 окт., с. 2; 2001, 31 янв., с. 1]

В октябре судебный процесс, наконец, состоялся, и В. Зема был признан виновным по ст. 160, ч. 3 УК РФ (присвоение государственного имущества, вверенного должностному лицу) за то, что он обучался в Академии государственной службы при президенте РФ за счёт внебюджетного фонда района, формировавшегося из средств, полученных от приёма безвизовых японских делегаций. В это время казна района была пуста, и работники социальной сферы несколько месяцев не получали зарплаты. Мэр виновным себя не признал, сославшись на конституционное право учиться и повышать свою квалификацию и объяснив, что использовал средства с разрешения районного собрания. Тем не менее суд вынес ему наказание в виде пяти лет лишения свободы (условно) с запретом в течение двух лет занимать должности в органах местного самоуправления. Многие оценили этот акт как первый в области прецедент законного отстранения от власти главы местной администрации [4, 2000, 25 окт., с. 1].

Однако удовлетворённость оппонентов В. Земы оказалась преждевременной. Осуждённый обратился с жалобой в вышестоящую инстанцию, и в ноябре судебная коллегия по уголовным делам Сахалинского областного суда отменила решение своих южно-курильских коллег в связи с нарушением УПК, отправив дело на новое рассмотрение [14, 2000, 28 нояб., с. 2].

Должностные перетрубки не давали местной администрации в полную силу заниматься текущими делами. Осенью 2000 г. Южные Курилы вновь оказались не готовы к зиме. В ноябре депутаты районного собрания М. Лукьянов, С. Рябинин и Ю. Моисеев направили телеграмму представителю президента РФ по Дальнему Востоку К. Пуликовскому и просили срочно направить в район сотрудников пред-

ставительства для оказания помощи по выходу из кризисной ситуации. Они считали, что она возникла из-за грубого вмешательства администрации Сахалинской области в деятельность органов местного самоуправления Южно-Курильского района и бездействия районной прокуратуры, которая, по их словам, «зачастую бывает антиконституционна» [14, 2000, 24 нояб., с. 1].

Конфликт приобрел процессуальный характер. Оставшийся на своей должности В. Зема подписал новый устав района, но вскоре отправил в областное управление юстиции телеграмму, попросив данный устав не регистрировать. В ответ на это, как крик отчаяния, депутаты приняли обращение к И.П. Фархутдинову с просьбой ввести в Южно-Курильском районе прямое губернаторское правление, что было невозможно по закону [14, 23 дек., с. 1].

Единственное, что предпринял губернатор, это назначил на Южных Курилах своего представителя В. Никитина, ранее курировавшего топливно-энергетический комплекс, он прибыл на Кунашир в январе 2001 г. Его функцией определили контроль за деятельностью мэрии в той ее части, где речь идет об исполнении федеральных или областных денег. В остальном представитель губернатора не должен был вмешиваться в работу районной мэрии, но в случае каких-то нарушений обязан был известить о них губернатора [14, 2001, 12 янв., с. 1; 4, 2001, 20 янв., с. 1]. Большая часть местного населения положительно отреагировала на это назначение, ожидая от представителя губернатора наведения порядка в районе [14, 2001, 20 янв., с. 1]. Но, видимо, они были разочарованы, если судить по результатам выборов на должность районного мэра в 2001 г., где В. Никитин с большим отрывом проиграл победителю [4, 2001, 20 марта, с. 1].

Практика показала, что курирование района со стороны областной администрации не приносило существенных результатов, а лишь смягчало наиболее кризисные состояния. Топливный вопрос оставался одним из самых трудноразрешимых, будучи системной проблемой. Она состояла в том, что нефтепродуктов хронически не хватало не только для электростанций, но и для производственного сектора, что ограничивало работу местных предприятий, задерживало выход в море судов и не позволяло району нормально функционировать. Мэрия пыталась хоть как-то выделять производителям часть топлива, полученного по субсидиям на электроснабжение. Кроме того, мэрии приходилось отдавать «топливный долг» военным, которые не раз выручали район своими запасами горючего в периоды чрезвычайных ситуаций [15]. Чиновники, проверявшие работу местной администрации, не исключали и воровства топлива, что опять же провоцировалось его дефицитом [4, 2001, 27 фев., с. 2].

В начале 2001 г. Южные Курилы вновь остались без электроснабжения, а против В. Земы было возбуждено новое уголовное дело за нецелевое использование дизельного топлива. При этом областная администрация продолжала всю ответственность возлагать на мэра. Выступая на пресс-конференции, И.П. Фархутдинов выразил убежденность в том, что администрация Южно-Курильского района должна напрямую подчиняться областной администрации, так как район на 80% живет за счет дотационных поставок из области [14, 2001, 2 фев., с. 1].

К этому времени срок осуществления полномочий по замещению муниципальной должности главы Южно-Курильского района подошел к концу. В феврале 2001 г. началась новая избирательная кампания. На должность мэра выдвинули свои кандидатуры 11 чел., а на восемь мест в районном собрании претендовало 53 чел., что стало местным историческим рекордом. Достаточно активны были и избиратели, около 60% из них приняли участие в голосовании. Главой районной администрации был выбран Н. Овчинников, несколькими годами ранее работавший здесь вице-мэром, имеющий соответствующее образование и управленческий опыт, он набрал 34% голосов. Среди восьми новых депутатов районного собрания лишь двое прежних сохранили свои мандаты [14, 2001, 20 фев., с. 1; 20 марта, с. 1; 4, 2001, 27 фев., с. 2; 20 марта, с. 1].

Таким образом, скандальный мэр В. Зема, несмотря на все перипетии, отработал положенный срок, а население района на очередных выборах снова голосова-

ло «от противного», надеясь, что новый состав органов местного самоуправления окажется более эффективным, чем старый. Дальнейший ход развития событий падает на следующий этап реформы местного самоуправления, что требует специального анализа.

Выводы. Рассмотренные события показывают, насколько сложно и болезненно шло становление местного самоуправления в рамках первого этапа его реформы на далекой российской периферии – экономически слабой, малозаселенной, находившейся в тисках затяжного кризиса. Местное сообщество не имело необходимых бюджетных и хозяйственных ресурсов для обеспечения жизнеспособности района, а население оказалось недостаточно готовым к реализации непосредственного народовластия на территории проживания, что проявлялось и в скудости опытных управленческих кадров, и в электоральном поведении избирателей с преобладанием эмоционального голосования «только не за прежних», и в массовых жалобах в госструктуры на должностных лиц муниципалитета вместо форм демократического контроля.

Основополагающий принцип осуществления местного самоуправления – независимость муниципальных органов от системы органов государственной власти, в реальности для удаленных дотационных территорий стал причиной неразрешимого противоречия. Мэр воспринимал Закон РФ № 154-ФЗ как основание для проведения самостоятельной политики в Москве, стремясь действовать, не просто минуя взаимодействие с Сахалинской областной администрацией, а вступив с ней в перманентный конфликт. Будучи неискушённым управленцем, он часто предпринимал спонтанные шаги, не обеспеченные объективными возможностями, и лишь усугублял ситуацию в районе, чем вызывал острое недовольство как местного населения, так и областных руководителей. Однако попытки его досрочного отзыва с занимаемой должности наталкивались на неотработанную правовую норму.

Углубившийся кризис и геополитическое значение района привели мэра к идее прямого подчинения Южных Курил федеральному центру. Сахалинский же губернатор, вынужденный постоянно вмешиваться в дела района для разрешения наиболее острых ситуаций, выделяя на это средства из областного бюджета и посылая в район своих чиновников, видел все основания для введения здесь прямого губернаторского правления. Обе идеи далеко выходили за пределы принципов местного самоуправления, продвигавшихся реформой.

Таким образом, на данном этапе не получилось реализовать в полном объеме ни самостоятельность, ни ответственность местного периферийного сообщества по решению вопросов местного значения, как это было прописано в законе. Не был найден и необходимый баланс его взаимодействия с властью, что ставило задачу дальнейшей правовой и практической трансформации этой сферы.

Литература

1. Булах Е.В., Кисельников И.В., Фокин В.И. Община и государство: современные инструменты конкурентного развития // Известия Восточного института. 2021. № 4 (52). С. 65–73. <https://doi.org/https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-4/65-73>
2. Бондаренко О. Неизвестные Курилы: Серьезные размышления о статусе Курильских островов. М.: ВТИ-Дейта Пресс, 1992. 400 с.
3. Васильев А.В. Местное самоуправление: опыт, проблемы и перспективы. М.: Граница, 2002. 231 с.
4. Губернские ведомости (газ.). Южно-Сахалинск. 1990–2000-е гг.
5. Заболотских Е.М. Правовой механизм удаления главы муниципального образования в отставку в контексте реформы местного самоуправления в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 1. С. 98–106.
6. Ковалева Г.В. Население и трудовые ресурсы Курильских островов на рубеже XX–XXI веков // Интернет журнал СахГУ "Наука, образование, общество". 2005. № 1. URL: <http://journal.sakhgu.ru/archive/2005-01-1.doc> (дата обращения: 06.02.2019).
7. Митрохина Я.А. Проблемы реализации отзыва выборных лиц местного самоуправления на современном этапе // Вестник ЮУрГУ. Серия "Право". 2017. № 4. С. 96–101. <https://doi.org/10.14529/law170418>
8. О социально-экономическом развитии Курильских островов: Указ Президента РФ № 1549 от 8 де-

кабря 1992 г. URL: <https://www.lawmix.ru/pprf/40380> (дата обращения: 25.02.2019).

9. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/?ysclid=lhpsaeuipf123030608 (дата обращения: 16.05.2023).

10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон № 154-ФЗ от 28 августа 1995 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7642/?ysclid=lhpnf8nhk949027577 (дата обращения: 16.05.2023).

11. Об ответственности органов местного самоуправления и выборных должностных лиц местного самоуправления перед государством: Закон Сахалинской области № 167 от 16 марта 2000 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/973603529?ysclid=lhyaqf9gfe762788325> (дата обращения: 22.05.2023)

12. Растимешина Т.В., Антонов Ф.С. Становление органов местного самоуправления как проявление тенденции к институционализации демократии в политической жизни постсоветской России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 3 (19). С. 181–190. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-3-181-190>

13. Сергеев А.А. Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. М.: Проспект, 2006. 432 с.

14. Советский Сахалин (газ). Южно-Сахалинск, 1990–2000-е гг.

15. Чернолуцкая Е.Н. Кризис энергоснабжения на Курилах в условиях постсоветский преобразований системы хозяйствования (1991–2000 годы) // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. материалов Всеросс. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2021. С. 355–363.

16. Чернолуцкая Е.Н. Курилы в 1990-е гг.: рыночные реформы и "пограничный вопрос" // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. № 27. С. 162–178. <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10027>

17. Чернолуцкая Е.Н. Рыбная промышленность на Курилах в 1990-е гг.: зигзаги рыночной трансформации // Россия и АТР. 2022. № 4. С. 51–69. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2022-4-51-69>

18. Чернолуцкая Е.Н. Федеральная целевая Курильская программа: хроника, достижения и провалы первого этапа (1994–2005 гг.) // Реформы конца XX – начала XXI вв. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. С. 103–119.

19. Шугрина Е.С. Почему механизм удаления глав муниципальных образований в отставку приводит к существенным нарушениям прав на местное самоуправление // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 5. С. 7–14.

References

1. Bulakh E.V., Kiselnikov I.V., Fokin V.I. Community and state: modern tools of competitive development // News of the Oriental Institute. 2021. No. 4 (52). P. 65–73. (In Russ.) <https://doi.org/https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-4/65-73>

2. Bondarenko O. Unknown Kuriles: Serious reflections on the status of the Kuril Islands. M.: VTI-Data Press, 1992. 400 p. (In Russ.).

3. Vasiliev A.V. Local self-government: experience, problems and prospects. M.: Border, 2002. 231 p. (In Russ.).

4. Gubernskie vedomosti (newspaper). Yuzhno-Sakhalinsk. 1990s–2000s (In Russ.)

5. Zabolotskikh E.M. The legal mechanism for the removal of the head of a municipality in the context of the reform of local self-government in the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2010. No. 1. P. 98–106. (In Russ.).

6. Kovaleva G.V. Population and labor resources of the Kuril Islands at the turn of the XX–XXI centuries // SahSU online magazine "Science, Education, Society". 2005. No. 1. Available at: <http://journal.sahgu.ru/archive/2005-01-1.doc> (accessed 06.02.2019) (In Russ.).

7. Mitrokhina Ya.A. Problems of implementation of recall of elected officials of local self-government at the present stage // Bulletin of SUSU. The series "Law". 2017. No. 4. P. 96–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.14529/law170418>

8. On the socio-economic development of the Kuril Islands: Decree of the President of the Russian Federation No. 1549 of December 8, 1992 URL: <https://www.lawmix.ru/pprf/40380> (accessed 25.02.2019) (In Russ.).

9. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 [Electronic document] Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/?ysclid=lhpsaeuipf123030608 (accessed 05/16/2023) (In Russ.).

10. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: Federal Law No. 154-FZ of August 28, 1995 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7642/?ysclid=lhpnf8nhk949027577 (accessed 05/16/2023). (In Russ.)

11. On the responsibility of local self-government bodies and elected officials of local self-government to the State: Sakhalin Oblast Law No. 167 of March 16, 2000 URL: <https://docs.cntd.ru/document/973603529?ysclid=>

lhyaqf9gfe762788325 (accessed 05/22/2023). (In Russ.).

12. Rastimeshina T.V., Antonov F.S. The formation of local self-government bodies as a manifestation of the tendency to institutionalize democracy in the political life of post-Soviet Russia // Economic and socio-humanitarian studies. 2019. No. 3 (19). P. 181–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-3-181-190>

13. Sergeev A.A. Local self-government in the Russian Federation: problems of legal regulation. M.: Prospect, 2006. 432 p. (In Russ.).

14. Soviet Sakhalin (newspaper). Yuzhno-Sakhalinsk, 1990s–2000s. (In Russ.).

15. Chernolutskaia E.N. The crisis of energy supply in the Kuril Islands in the conditions of post-Soviet transformations of the economic system (1991–2000) // Russian economic reforms in the regional dimension: collection of materials of the conference. Novosibirsk: Parallel, 2021. P. 355–363. (In Russ.).

16. Chernolutskaia E.N. Kuriles in the 1990s: market reforms and the "border issue" // Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the FEB RAS. 2020. No. 27. P. 162–178. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10027>

17. Chernolutskaia E.N. The fishing industry in the Kuril Islands in the 1990s: zigzags of market transformation // Russia and the Asia-Pacific region. 2022. No. 4. P. 51–69. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2022-4-51-69>

18. Chernolutskaia E.N. Federal target Kuril program: chronicle, achievements and failures of the first stage (1994–2005) // Reforms of the late XX – early XXI centuries in the post-Soviet space: regional aspect: collection of scientific articles / ed. by A.S. Vashchuk. Vladivostok: IIAE FEB RAS, 2020. P. 103–119. (In Russ.).

19. Shugrina E.S. Why the mechanism of removing heads of municipalities to resign leads to significant violations of the rights to local self-government // State power and local self-government. 2011. No. 5. P. 7–14. (In Russ.).

Елена Николаевна ЧЕРНОЛУЦКАЯ, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: chvalery@mail.ru

Elena N. CHERNOLUTSKAIA, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: chvalery@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 14.11.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 07.12.2023

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2023

Научная статья
УДК 947:342.553(571.63)"199"
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/39-51>

Становление местного самоуправления во Владивостоке в начале 1990-х гг.: анализ предложений и попыток их воплощения

Николай Степанович ВОРОНЦОВ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, nsv91@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов проводится анализ предложений Владивостокского городского Совета народных депутатов по формированию институтов местного самоуправления, включая территориальное общественное самоуправление в период 1990–1991 гг. Исследованы проекты создания новых городских органов представительной и исполнительной власти, планы учреждения должности мэра Владивостока и организации общегородских выборов. Выявлены причины, по которым предлагаемая модель городского самоуправления осталась нереализованной.

Ключевые слова: Местное самоуправление, советы народных депутатов, исполнительный комитет, мэр, территориальное общественное самоуправление

Для цитирования: Воронцов Н.С. Становление местного самоуправления во Владивостоке в начале 1990-х гг.: анализ предложений и попыток их воплощения // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 39–51. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/39-51>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/39-51>

The formation of city self-government in Vladivostok in the early 1990s: analysis of reform projects and their implementation

Nikolai S. VORONTSOV

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, nsv91@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the proposals of the Vladivostok City Council of People's Deputies on the formation of institutions of local self-government in the period 1990–1991, including territorial public self-government. On the basis of archival materials, projects for the creation of new city bodies of representative and executive power, plans for the establishment of the post of mayor of Vladivostok and the organization of citywide elections have been studied. The reasons that thwarted the implementation of the proposed model of urban self-government are identified.

Keywords: Local self-government, soviets of people's deputies, executive committee, mayor, territorial public self-government

For citation: Vorontsov N.S. The formation of city self-government in Vladivostok in the early 1990s: analysis of reform projects and their implementation // Oriental Institute Journal. 2023. № 4. P. 39–51. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/39-51>

Введение

С момента вступления в силу Закона "Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР" исследователи не раз обращались к различным организационно-правовым аспектам формирования института местного самоуправления, теории и практике их реализации, а также региональным особенностям развития самоуправления в различных субъектах современной России. Примером могут служить работы И.В. Бабичева [1; 2], Т.М. Бялкиной [5], В.И. Васильева [6], Н.М. Матвеева [11; 12], И.В. Упорова [21; 22], В.А. Черноситова [24], Т.И. Широко [25]. К проблемам становления института местного самоуправления на Дальнем Востоке России в разное время обращались А.С. Ващук [7], С.Г. Коваленко [10], Б.Г. Хачатурян [23], Н.В. Шинковская [26]. Изучение нормативной базы и практических результатов становления и функционирования территориального общественного самоуправления, в том числе на примере города Владивостока, нашло своё отражение в работах Е.В. Булаха [3; 4].

Вместе с тем всё ещё остаются не до конца изученными отдельные аспекты становления институтов самоуправления во Владивостоке на начальном этапе реформ 1990-х гг. Восстановить подробности работы Владивостокского Совета по созданию системы городского самоуправления, а также провести анализ как принятых к реализации, так и невоплощённых проектов представляется возможным путем обращения к материалам Государственного архива Приморского края (ГАПК).

Хронологические рамки исследования включают период 1990–1991 гг. К началу функционирования Советов народных депутатов различных уровней, избранных в 1990 г. на альтернативной основе, руководство СССР в целом завершило разработку новой модели организации местного самоуправления, воплощённой в Законе СССР "Об общих началах местного самоуправления и местном хозяйстве в СССР" от 9 апреля 1990 г. Согласно положениям закона, местные Советы становились важным звеном в системе местного самоуправления. За ними закреплялся принцип хозяйственной самостоятельности, широкие финансовые и бюджетные права [13].

В свою очередь, руководство РСФСР с 1990 г. также внесло существенные изменения в систему управления на местах. Последовали важные для местного самоуправления Законы РСФСР "О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов РСФСР" [20], "О дополнительных полномочиях местных Советов народных депутатов в условиях перехода к рыночным отношениям" [15] и "О местном самоуправлении в РСФСР" [16]. Последний закон установил новую модель организации представительных и исполнительных органов. К середине 1991 г. система власти и управления на местах, все ещё основанная на ведущей роли Советов, находилась в стадии дальнейшего реформирования и поиска новых организационных форм.

Владивостокский городской Совет в 1990 г. и принцип "полновластия"

Владивостокский городской Совет народных депутатов XXI созыва, избранный весной 1990 г., приступил к работе 29 марта, менее чем за две недели до вступления в силу нового Закона "Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР" (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 1. Л. 1). Работа депутатов, избранных впервые, протекала в условиях трансформации Советов городского и районного уровней, создания на их основе органов местного самоуправления.

На первой сессии, посвященной формированию руководящих органов Совета и исполкома, отчётливо обозначились взгляды большинства депутатов на изменившуюся роль городских органов. В программах претендентов на пост председателя горсовета отчётливо прослеживалось желание не просто воплотить в жизнь идею "полновластия Советов", но и получить в своё распоряжение необходимые для этого ресурсы. Ю.А. Авдеев, избранный заместителем председателя Совета, одной из важнейших задач обозначил обеспечение экономической свободы деятельности городского самоуправления. "Власть без средств, – говорил он депутатам, – это красивый, но бесполезный лозунг! Совет должен самостоятельно распоряжаться всей совокупности ресурсов данной территории и самой территорией". Ю.А. Авдеев также предложил чётко разграничить функции органов городского самоуправления в лице Совета народных депутатов, исполкома и предусмотренных новым законодательством институтов территориального общественного самоуправления на уровне микрорайонов. Городское звено должно было сохранить за собой решение "задач фундаментального свойства", микрорайоны – обеспечить повседневные потребности жителей (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 4. Л. 10). Фактически в этом предложении была кратко сформулирована концепция будущего устройства городской системы самоуправления, сочетавшая в себе прежние Советы народных депутатов и новые органы территориального общественного самоуправления (ТОС).

На начальном этапе работы Совета главенствовала идея полного подчинения городских исполнительных органов Совету и устранение практики предшествующих десятилетий, когда горисполком фактически подчинялся партийному и ве-

домственному диктату. В этом были солидарны депутаты различных политических взглядов. Ю.А. Авдеев охарактеризовал положение исполнительных органов следующим образом: "Исполком обладал номинальной властью, реальная власть была у отраслевых предприятий и ведомств. Перераспределение власти должно идти от ведомств к Советам. Исполком должен стать мощным органом проведения власти Советов" (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 4. Л. 14). Беспартийный депутат В.Г. Заводинский соглашался с коллегами-коммунистами о необходимости пересмотра роли Советов: "Советы были бутафорией. Власть находилась и ещё находится в руках партийного и ведомственного аппарата. Однажды мне попала в глаза стихотворение: "В горах рассеялся туман, путь ясен впереди. Своих баранов, о, чабан, ты в коммунизм веди!" Нам с вами отводилась роль баранов, ведомых чабанами. Оказалось же, что путь не так ясен, а чабан не так уж и мудр, а порой и нечест на руку". В отличие от большинства депутатов, В.Г. Заводинский призывал Совет не требовать от будущего председателя технократических подходов в своей работе: "Пусть на первых порах мы будем компетентными не во всех вопросах. Компетентные депутаты в силу своего положения будут отстаивать интересы ведомств. Поэтому тут великая роль председателя Совета. Это должен быть человек гуманитарного склада, который смог бы подняться над сиюминутными интересами, который бы сумел объединить депутатов. Нам не нужен ни чабан с плёткой, ни ловкий мастер с отвёрткой" (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 4. Л. 24–25).

Депутат В.Я. Семёнкин, первый секретарь горкома КПСС, в своём обращении к Совету говорил о назревающей радикальной реформе, необходимой для реализации принципов самоуправления. Ключевыми элементами такой реформы он видел формирование экономической базы города, привлечение жителей к принятию решений посредством городского референдума. Для наполнения бюджета Владивостока он предлагал активно развивать туризм, создавать совместные предприятия, а также проводить "собственную валютную деятельность" (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 6. Л. 25–26).

Кандидаты на руководящие посты в Совете выступали за сильный представительный орган и подчиненный Совету горисполком. Выдвигались и более смелые предложения: о создании подотчётной горсовету муниципальной милиции (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 4. Л. 40), о скорейшем открытии города для иностранцев и даже о восстановлении порто-франко, существовавшего во времена Российской империи (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 4. Л. 36).

Сходство позиций потенциальных кандидатов на пост председателя Совета не помогло депутатам быстро избрать руководство, программы претендентов и планы обсуждались на протяжении месяца. Лишь 27 апреля 1990 г. по итогам нескольких туров голосования 107 голосами "за" при 52 "против" Владивостокский городской Совет избрал своим председателем В.Я. Семёнкина (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 6. Л. 13). Выборы председателя Совета, заместителя председателя и президиума городского Совета, на первый взгляд, не привели к кардинальной смене курса – избранный председателем В.Я. Семёнкин, а также его заместитель Ю.А. Авдеев дистанцировались от "радикально-демократического" лагеря. Однако фактически все ключевые фигуры в новом Совете являлись активными сторонниками реформы городского управления. Летом 26 июня 1990 г. депутаты избрали второго заместителя председателя Владивостокского Совета – им стал секретарь Ленинского райкома КПСС С.С. Соловьёв (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 25. Л. 7). Он также выступал за коренное переустройство управления городом на началах демократизации, максимальным использованием ресурса Закона "Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР".

Дискуссия о функциях и полномочиях горисполкома

Первоначально формирование исполнительного органа Владивостокского Совета – горисполкома – не предвещало серьёзных опасений. В отличие от долгих выборов председателя горсовета, в первом же туре голосования 28 апреля 1990 г. из 13 кандидатов на должность председателя исполнительного комитета уверенную победу одержал 2-й секретарь горкома КПСС Б.В. Фадеев, поддержанный

98 депутатами из 151, присутствующих на сессии. Примечательно, что среди его конкурентов никто не набрал более 10 голосов, а двое претендентов и вовсе не получили ни одного голоса в свою поддержку (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 7. Л. 14–16). Однако быстрая вскоре победа оказалась иллюзорной – Б.В. Фадеев встал во главе исполнительного органа, полномочия которого ещё только предстояло определить Совету.

В июне 1990 г. жаркая дискуссия развернулась вокруг проекта решения о разграничении полномочий городского Совета, его президиума и горисполкома. В соответствии с Законом "Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР", формирование исполнительных органов и наделение их функциональными обязанностями стало исключительной прерогативой местных Советов. Руководство горсовета в целом соглашалось "поделиться" полномочиями. "Для того, чтобы влиять на жизнь города, – излагал свою позицию депутат С.С. Соловьёв, – нам надо либо бесконечно заседать, либо часть полномочий делегировать президиуму, распределив обязанности между президиумом и исполкомом" (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 9. Л. 43).

Однако предложенный в проекте решения вариант перераспределения полномочий, согласно которому горисполком утрачивал большую часть распорядительных функций и всецело подчинялся Совету, не мог устроить Б.В. Фадеева. "Если исходить из предлагаемого документа, – объяснял он депутатам, – то получается, что мне необходимо за решением каждого вопроса обращаться в Совет. Я не смогу самостоятельно и оперативно принимать решений по жизни города. Может получиться, что из добрых побуждений мы выбираем себе ещё один бюрократический орган. Совет будет обладать своим аппаратом, исполком – своим. Разделением функций размытое, и оба аппарата начнут не столько взаимодействовать, сколько мешать друг другу" (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 9. Л. 46–47).

Не сумев в ходе прений добиться от депутатов сохранения самостоятельности горисполкома и столкнувшись с реальной угрозой "перетекания" его структур в Совет целыми отделами вместе с их работниками, Б.В. Фадеев высказался ещё более откровенно: "Сейчас решается вопрос вообще о надобности исполкома. Исполком превращается в нежизнеспособный придаток Совета. Мы будем в роли "мальчиков на побегушках"! За решением любого вопроса будет требоваться согласие Совета или его президиума. Исполнительная власть только тогда сможет нормально функционировать, когда она будет обладать реальной властью, реальной возможностью принимать решения" (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 9. Л. 43). В защиту самостоятельного горисполкома и сохранения его штатного расписания высказывались отдельные депутаты. Кратко, но в то же время ёмко свои сомнения выразил депутат В.Н. Мышкин: "У нас сложилась парадоксальная ситуация – мы исполкому дали задание на сотню пунктов и на 15 листах, и не даём кадров!" (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 15. Л. 44).

Новая угроза нависла над исполкомом 8 июня 1990 г., когда по итогам нескольких дней обсуждения Совет голосовал по предложенным Б.В. Фадеевым кандидатурам на должности первого заместителя и пяти заместителей председателя горисполкома. Неожиданно подобранная Б.В. Фадеевым команда в большинстве своём не получила одобрения. С первого раза был избран только первый заместитель председателя горисполкома Г.Н. Тыра. Пять кандидатов на должности заместителей не набрали необходимого количества голосов (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 12. Л. 5–6).

14 июня 1990 г., не дожидаясь повторных выборов, Б.В. Фадеев, Г.Н. Тыра и всё руководство горисполкома заявили о сложении полномочий. "Мы считаем, – объявил депутатам общее решение Б.В. Фадеев, – что проводимая городским Советом народных депутатов политика в отдельных аспектах противоречит действующему законодательству РСФСР о Советах, направлена на лишение исполнительного комитета большинства прав и оставление ему только обязанностей, не способствует созданию необходимой сегодня структуры управления местным хозяйством" (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 16. Л. 11). По мнению Б.В. Фадеева, для эффектив-

ного решения городских проблем требовалась твёрдая рука, а также сплочённая команда, в профессионализме которых председатель горисполкома не сомневался и мог бы опереться в своей работе (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 16. Л. 25).

Несмотря на попытки отдельных депутатов выступить в защиту председателя горисполкома, Совет не пошёл на уступки Б.В. Фадееву. Собравшиеся в перерыве постоянные комиссии Совета в большинстве своём высказались за принятие отставки (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 16. Л. 21–23). Депутат Е.М. Блинов призвал Совет излишне не драматизировать произошедшее и в будущем учесть выявившиеся разногласия: "Товарищи! Что у нас собственно произошло? Идёт ломка старых порядков! Это же нормальное явление. Если эти люди снимают с себя обязанности, то их надо освободить и избрать на их место новых людей. У нас есть достойные кандидатуры, и мы их избрём" (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 16. Л. 12). В тот же день Совет отпустил в отставку Б.В. Фадеева, Г.Н. Тыру, а вместе с ними пятерых так и не утверждённых окончательно заместителей председателя горисполкома. Решение об отставке поддержало более 2/3 депутатов (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 16. Л. 32–33).

Уволив прежнее руководство горисполкома, депутаты столкнулись с дилеммой: на каких принципах далее формировать новый исполнительный орган. Поступили различные предложения: сперва утвердить структуру исполкома, а затем избирать председателя; избрать председателя немедленно, а после согласовать структуру и расписание с учётом его мнения; либо отложить избрание, временно возложив обязанности на только что отправленных в отставку руководителей горисполкома. Депутат А.Н. Черевков даже предложил объявить в городе чрезвычайное положение (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 16. Л. 31). Точку в дискуссии поставил председатель Совета В.Я. Семёнкин, настоявший на немедленном утверждении структур горисполкома и выдвижении кандидатур на должность председателя (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 16. Л. 36).

На следующий день, 15 июня 1990 г., Совет по итогам трёх туров голосования избрал новым председателем горисполкома Е.М. Блинова, капитана-директора Тихоокеанского управления промысловой разведки и научно-исследовательского флота (ТУРНИФ) (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 17. Л. 11). Е.М. Блинов в тот момент состоял в КПСС, разделял идеи Демократической платформы и согласился работать на условиях Совета (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 17. Л. 18).

Таким образом, на первом этапе работы Владивостокского Совета народных депутатов по формированию городских исполнительных органов и определению их полномочий, возобладал принцип подчинения исполкома Совету. Отстояв свои принципы, Совет вскоре вернулся к необходимости переосмыслить роль исполнительных структур, что было связано как с практическим опытом управления городом, так и с новыми изменениями в законодательстве.

Рождение территориального общественного самоуправления

Почти одновременно с проходившими в первые месяцы работы городского Совета дискуссиями о функциях, полномочиях горисполкома, депутаты размышляли о структуре управления. Один из аспектов их работы был связан с формированием в городе системы территориально-общественного самоуправления (сокращенно – ТОС). Общественное территориальное самоуправление создавалось в форме домовых уличных квартальных поселковых комитетов, а также советов и комитетов микрорайонов.

28 июня 1990 г. председатель Владивостокского Совета В.Я. Семёнкин представил депутатам "Примерное положение об органах общественного территориального самоуправления микрорайона города Владивостока" (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 21. Л. 18). Новым структурам в системе самоуправления предстояло взять на себя полномочия по благоустройству, озеленению, содержанию дворов и улиц, строительству и ремонту дорог, тротуаров, коммунальных сетей, детских и спортивных площадок, проведению праздников и общественных мероприятий, реализации школьной реформы, помощи уязвимым социальным группам населения и прочие местные вопросы. Также органы самоуправления должны были оказывать

содействие городскому и районным Советам и исполкомам по выполнению решений и наказов избирателей (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 21. Л. 19).

В "Примерном положении" был установлен порядок избрания советов общественного территориального самоуправления микрорайона, допускавший определённое разнообразие. Совет избирался общим собранием представителей или сходом жителей территории на основе открытого либо тайного голосования. В собраниях и сходах могли участвовать все жители, достигшие 16 лет. Численный состав и структура Советов микрорайонов, а также срок их полномочий определялся собранием представителей либо сходом.

Советы ТОС микрорайона получили возможность совместно с Советами народных депутатов и исполкомами участвовать в разработке планов социально-экономического развития территорий. Советы ТОС микрорайонов получили право открывать банковские счета, заниматься хозяйственной деятельностью, создавать фонды благоустройства, содержания и ремонта жилья (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 21. Л. 22–23).

Для обеспечения работы советов ТОС микрорайонов предусматривалось финансирование за счёт добровольных взносов и пожертвований граждан и предприятий, средств, полученных от проведения субботников и сдачи макулатуры, отчислений от доходов жилищно-эксплуатационных организаций. Также допускалась прямая финансовая поддержка ТОС районными Советами и исполкомами (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 21. Л. 25). Хотя советы территориального общественного самоуправления провозглашались органами, независимыми от городского и районного звеньев, "Примерное положение" оставляло за Советами и исполкомами городских районов право отменять решения советов ТОС микрорайонов, если таковые противоречили законодательству либо нарушали права граждан (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 21. Л. 27).

Примечательно, что в ходе рассмотрения на сессии горсовета "Примерное положение" не встретило возражений со стороны депутатов (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 21. Л. 47). Тем не менее документ воспринимался ими лишь как первый шаг к созданию упорядоченной системы самоуправления низового звена. В преамбулу была включена фраза о том, что положение подлежит доработке с учётом предстоящих изменений в политической системе советского общества и совершенствования законодательства о местном самоуправлении (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 21. Л. 18).

Районы – лишнее звено?

Предложения о структуре были обусловлены тем, что во Владивостоке складывалась трехуровневая система местного самоуправления. Ее представляли органы территориального общественного самоуправления микрорайонов, районных Советов и исполкомов, а также городского Совета и горисполкома. При этом два последних звена по закону были наделены одинаковыми полномочиями, но вместе с тем объявлялись независимыми друг от друга. Каждый Совет самостоятельно мог утверждать свою структуру, определять свои полномочия, наделять исполнительные органы соответствующей компетенцией, устанавливать функции президиума, принимать решения по широкому кругу вопросов. При таком положении дел не исключались возможность "оригинального" решения схожих задач в каждом из пяти¹ районных Советов и в городском Совете (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1147. Л. 87).

В этих условиях среди депутатов Советов различных уровней постепенно укрепилось мнение о нецелесообразности сохранения столь сложной системы. В конце августа 1990 г. председатель Ленинского районного Совета города Владивостока В.И. Таланцев в записке на имя председателя Приморского краевого Совета А.А. Волынцева и председателя Владивостокского городского Совета В.Я. Семён-

¹ Помимо существующих пяти районов во Владивостоке мог появиться шестой. 26 июня 1990 г. Совет народных депутатов посёлка Трудовое обратился к Владивостокскому городскому Совету с просьбой выделить посёлок из состава Советского района и преобразовать в отдельную административно-территориальную единицу в составе Владивостока. В ноябре того же года городской Совет постановил изучить данный вопрос, однако в итоге не вынес положительного решения (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 33. Л. 20).

кина поднял вопрос о реформировании системы местного самоуправления во Владивостоке. Более рациональной, на его взгляд, выглядела система из двух уровней, включавшая в себя органы ТОС в микрорайонах и городской Совет народных депутатов (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1147. Л. 88). Районные Советы и их президиумы подлежали упразднению. Депутатов районных Советов следовало закрепить в переходный период за органами территориального общественного самоуправления в микрорайонах.

На базе районных исполнительных комитетов, по проекту В.И. Таланцева, предполагалось образовать районные территориальные производственно-хозяйственные управления горисполкома. Данные элементы имели бы двойное финансирование из городского бюджета и за счет собственной хозяйственной деятельности. В долгосрочной перспективе им следовало полностью перейти на хозрасчет. Главное преимущество новой системы В.И. Таланцев видел в возможности сократить лишние звенья управления, а вместе с тем и численность работников аппарата. Тем самым упростить и повысить эффективность управления городом, увеличить городской бюджет, создать единые городские службы. Все это должно было привести к повышению ответственности городского Совета перед жителями Владивостока (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1147. Л. 89).

Ознакомившись с предложениями, изложенными в записке В.И. Таланцева, постоянная комиссия Приморского краевого Совета народных депутатов по делам Советов, развитию местного самоуправления и национальным вопросам признала проект целесообразным и рекомендовала председателю Владивостокского городского Совета рассмотреть его на ближайшей сессии, а президиуму краевого Совета – оказать всестороннюю помощь (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1147. Л. 86). Уже в следующем году инициатива В.И. Таланцева была вынесена на всенародный опрос жителей города.

Кто будет управлять открытым городом?

Работа над новой системой городского самоуправления Владивостока тесно связывалась с социально-экономическими преобразованиями. Город и весь регион ожидали дальнейших глубоких системных реформ: перехода к рыночным отношениям, пересмотра сложившихся форм собственности, оживления внешнеэкономических связей со странами АТР, сокращения военного присутствия в городской черте, развития предпринимательской деятельности, в том числе с участием иностранного капитала. В этой связи одним из наиболее ожидаемых событий стало открытие Владивостока для посещения иностранными гражданами и деятельности зарубежных компаний. Снятие режима закрытого города обсуждалась в краевых городских на партийных и государственных структурах с 1986 г., начиная с первого визита М.С. Горбачёва во Владивосток. Однако по разным причинам, преимущественно в силу противодействия Министерства обороны СССР, решение вопроса откладывалось (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1180. Л. 16, 25, 38).

К 1990 г. сохранение закрытого статуса воспринималось большинством депутатов горсовета как явный пережиток застойного прошлого и рудимент Холодной войны. Стремясь продемонстрировать союзным и российским властям готовность к открытости и работе в новых условиях, городской Совет 19 сентября 1990 г. принял решение об открытии города, носившее декларативный характер. Владивосток провозглашался городом, открытым для въезда и проживания граждан и подданных любой страны. Разрешался заход иностранных судов в порт Владивостока, территория города объявлялась открытой для свободного предпринимательства, в том числе с участием иностранного капитала. Для утверждения данных предложений депутаты обратились в Верховный Совет и Совет министров РСФСР с просьбой о снятии ограничений, препятствующих открытию города (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 26. Л. 17). Однако в тот момент их просьба не была удовлетворена.

Депутаты Владивостокского Совета предложили наделить свой город правами свободной экономической зоны и предложили проект постановления Верховного Совета РСФСР "О создании свободной экономической зоны города Владивостока" и довольно обширный и детализированный проект положения о СЭЗ. Еще одним

документом стало "Дополнение к концепции развития города Владивостока в условиях зоны свободного предпринимательства". В частности, отдельный раздел был посвящен концепции властных структур города на переходный период (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 21). Городской Совет должен был стать распорядителем коммунальной собственности, а его президиум – оперативным и ответственным органом, работающим на профессиональной основе. Для устранения двоевластия в городе следовало переподчинить районные исполнительные органы городским на правах филиалов. В перспективе районные Советы предполагалось упразднить и организовать ТОС микрорайонов, сделав их низовыми звеньями системы городского самоуправления (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 34–35).

В целях повышения ответственности исполнительной власти и оперативности принятия управленческих решений предлагалось ввести должность мэра города. Сам термин "мэр" уже давно не вызывал негативных ассоциаций и всё чаще встречался на страницах документооборота. Правда, в проекте 1990 г. мэр ещё не был фактическим главой города и самостоятельной фигурой – его избрание оставалось прерогативой городского Совета. В перерывах между сессиями мэр был всецело подотчётен президиуму (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 38).

Несмотря на то, что данный проект переустройства городского управления, равно как и вся концепция свободной экономической зоны во Владивостоке, не был принят руководством РСФСР, он отчётливо продемонстрировал перемены во взглядах депутатов на роль исполнительной власти. Всё ещё оставаясь приверженцами подчинения исполнительных органов представительным, депутаты готовы были согласиться с мыслью о персональной ответственности будущего мэра.

В шаге от избрания мэра: несостоявшиеся выборы 1991 г.

Дискуссии в городском Совете о балансе функций и полномочий представительных и исполнительных органов в новой модели самоуправления продолжались на протяжении всего 1990 г. Поступали предложения об упразднении президиума либо горисполкома, их полного или частичного слияния. Однако практических шагов в данном направлении не предпринималось.

20 ноября 1990 г. председатель Совета В.Я. Семёнкин обратился к депутатам с заявлением о сложении полномочий по состоянию здоровья (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 31. Л. 8), особо подчеркнув, что отставка не имеет политической подоплёки (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 31. Л. 17). Освободив В.Я. Семёнкина от должности председателя, депутаты вскоре столкнулись с невозможностью избрать его преемника – несколько голосований, состоявшихся в Совете до конца года, не принесли победы ни одному из кандидатов (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 34. Л. 9). Последующие попытки вернуться к этому вопросу в следующем году также не увенчались успехом. В итоге Совет работал без председателя более 10 месяцев – до сентября 1991 г. Всё это время обязанности председателя исполнял бывший заместитель В.Я. Семёнкина депутат С.С. Соловьёв.

Трудности с избранием председателя заставили депутатов вновь задуматься об изменении процедуры формирования руководящих органов. Откровение всех высказывался депутат Н.И. Хоролич, разочарованный очередным безуспешным раундом голосования. Он предложил соединить должности председателя Совета и исполкома: "Выборы председателя Совета свелись к каким-то группировкам. Мы опять начинаем выборы, не сделав анализ того, почему у нас нет согласия. У нас нет и согласия между Советом и исполкомом". (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 33. Л. 62).

Собственные предложения по внедрению новой системы самоуправления на местах возникли и у властей Приморья. В начале 1991 г. комиссия Приморского краевого Совета по делам Советов, развитию местного самоуправления и национальным вопросам рассматривала сравнительно радикальную программу перехода к новой модели организации власти и управления в крае. Она строилась на предложениях заместителя председателя крайисполкома В.Г. Батурина (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1342. Л. 17).

В городах и районах края должны были пройти сессии Советов с последующим их самороспуском и образованием избирательных комиссий городов и районов

по всенародному избранию мэров. Следующим шагом должно было стать проведение одновременных выборов губернатора края, мэров городов и районов. Срок полномочия всех новых органов власти определялся в 5 лет, после чего последовал бы новый цикл кадрового обновления органов власти (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1342. Л. 19).

Тем временем курс на сильную исполнительную власть, проявлявшийся в решениях руководства РСФСР о ведении поста Президента РСФСР и подготовке всенародных выборов 12 июня 1991 г., отразился и на городском управлении. Идея сосредоточения исполнительной власти в руках избираемого мэра или главы городской администрации, воплотившаяся в крупнейших городах России – Москве и Ленинграде, добралась до областных и краевых центров республики.

12 июня 1991 г., одновременно с выборами первого Президента РСФСР, по поручению Владивостокского городского Совета было проведено изучение общественного мнения горожан. Им предстояло ответить на два вопроса: об избрании руководителя исполнительной власти (мэра) города и о целесообразности существования районных Советов во Владивостоке. По результатам опроса общественного мнения, 84,78% избирателей проголосовали за избрание мэра и 58,9% высказались за упразднение районных внутригородских Советов. Вопрос об избрании мэра города оказался для жителей весьма важным – количество горожан, ответивших на этот вопрос, даже несколько превышало число избирателей, принявших участие в выборах Президента России (соответственно 346 629 и 342 707 человек из 502 695 избирателей, включённых в списки для голосования и опроса) (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 142. Л. 109–110).

На основании результатов опроса общественного мнения городской Совет начал разработку положения о главе местной администрации – мэре города Владивостока и обсудил дату предстоящих выборов (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 2). На сессии горсовета 8 июля основными докладчиками по этим вопросам выступили и.о. председателя городского Совета С.С. Соловьёв и председатель горисполкома Е.М. Блинов (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 12).

Городской Совет должен был утвердить общую схему управления городом. Принятый буквально накануне, 6 июля 1991 г., Закон РСФСР "О местном самоуправлении" позволял это сделать. Совет рассмотрел два варианта реформирования представительной и исполнительной власти в городе. Оба варианта предполагали введение должности главы местной администрации (мэра) и наделение его широким кругом полномочий.

Относительно представительной власти в городе допускалось несколько возможных решений. Первый вариант сохранял деление города на районы с образованием местных администраций с сохранением районных Советов. Второй вариант предусматривал разделение города на районы с образованием только местных администраций с упразднением районных Советов. Чтобы депутаты райсоветов не остались без дела, предлагалось несколько решений. Либо, по примеру города Северодвинска, депутаты упраздняемых районных Советов сохраняли свой статус и работали в своих округах, либо из них создавалась верхняя палата городского Совета, и любое решение могло быть принято только после ратификации его обеими палатами. Последний вариант обсуждался во время встречи представителей города с Президентом РСФСР Б.Н. Ельциным и его помощником Г.Э. Бурбулисом и не вызвал у них принципиальных возражений (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 77–80).

Большинство депутатов горсовета поддержали идею ведения должности мэра и кардинальной реформы городского Совета. Одни видели в этом возврат к до-революционной системе земств и городских дум, другие проводили параллели с муниципалитетами и мэриями в других странах. С.С. Соловьёв, выступая в защиту предстоящих реформ, обращался в своей аргументации как к историческим формам организации самоуправления в России, так и к современным муниципальным институтам в зарубежных странах: "У нас есть несколько систем в Западной Германии, США, Италии, Франции, но они очень похожи. Мало того, у нас были анало-

гичные структуры – это земства. А службу в земстве наши предки подразумевали как служение народу, служение городу, служение населению" (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 80). С.С. Соловьёв критически отнёсся к предложениям о полной ликвидации Советов, он предостерегал депутатов об опасности монополии власти, как представительной, так и исполнительной.

Одним из ключевых вопросов оставался перечень полномочий и обязанностей мэра. Предполагалось наделить мэра города правом по своему усмотрению формировать городскую администрацию. Депутатам казалось неприемлемым, чтобы всенародно избираемый мэр был подобен председателю исполкома и ограничен в своих правах. Если между мэром и городским Советом возникнут непреодолимые разногласия, которые не удастся преодолеть путем переговоров и взаимных компромиссов, Президент РСФСР должен был выступить в качестве арбитра и назначить новые выборы Совета и мэра (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 81).

В соответствии с решением городского Совета "О выборах главы местной администрации – мэра г. Владивостока" голосование следовало провести 29 сентября 1991 г. Горисполкому под руководством Е.М. Блинова поручалось принять меры по организационному обеспечению и финансированию выборов, районным Советам и исполкомам – подготовить избирательные участки (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 12). Однако в назначенный срок выборы не состоялись ввиду стремительно меняющейся после событий 19-21 августа политической обстановки в стране и внедрением руководством РСФСР новой модели формирования органов местного самоуправления в городах и районах [8, с. 175–176].

От выборов – к назначениям

Новый порядок назначения глав администраций существенным образом изменил расстановку сил в отношениях между главами исполнительной власти края и краевого центра. По предложению Б.Н. Ельцина Съезд народных депутатов РСФСР своим решением от 1 ноября 1991 г. предоставил ему ряд особых полномочий, предусматривающих в том числе право назначения и отстранения от должности глав администраций краев и областей в составе России [19]. Те, в свою очередь, в рамках выстроенной исполнительной вертикали получили право назначать глав местных администраций, а также вносить кандидатуры на должности глав администраций региональных центров.

В случае с Владивостоком глава администрации Приморского края В.С. Кузнецов должен был внести на рассмотрение депутатов городского Совета своего кандидата. Если больше половины депутатов его поддержат, то глава городской администрации приступал к исполнению своих обязанностей. После этого утвердить кандидатуру предстояло Президенту РСФСР. Если кандидатура, предложенная главой администрации края, не будет утверждена, он мог назначить неутвержденного кандидата исполняющим обязанности главы городской администрации сроком на один год [9, с. 70].

Малый Совет Владивостокского городского Совета, получив в ноябре 1991 г. возможность избрать своего кандидата на пост главы администрации города, воздержался, намереваясь вернуться к рассмотрению данного вопроса после внесения кандидатуры Президентом РСФСР либо главой администрации Приморского края (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 145. Л. 214). Руководители Владивостокского Совета не скрывали своего недовольства новым порядком назначения главы администрации города. От борьбы за пост главы города отказались председатель горисполкома Е.М. Блинов и председатель городского Совета С.С. Соловьёв, возмущённый тем, чтобы такая важная должность, как мэр Владивостока, попадала в руки назначаемого чиновника. В итоге возглавить город В.С. Кузнецов предложил первому заместителю председателя Владивостокского горисполкома В.В. Ефремову, ранее он был принят на работу в горисполком на должность первого заместителя председателя исполкома "в порядке перевода из Приморского крайкома РСФСР" в мае 1991 г. и оставался в стороне от информационной шумихи (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 271. Л. 117). В соответствии с Указом Президента РСФСР от 26 декабря 1991 г. "О назначении глав администраций городов областных и краевых центров РСФСР"

[17], всенародные выборы мэра были отложены на неопределенный срок и в итоге состоялись лишь спустя два года в условиях совершенно иной политической обстановки. Когда же летом 1993 г. Владивосток обретёт всенародно избранного мэра, его деятельность на протяжении последующих лет будет омрачена длительной и жёсткой конфронтацией с администрацией Приморского края [26, с. 201].

Заключение

Исследование трансформаций системы городского управления во Владивостоке в период 1990–1991 гг., а также анализ предложений депутатов Владивостокского городского Совета позволяют проследить эволюцию взглядов и представлений об институтах местного самоуправления на примере одного из крупнейших городов российского Дальнего Востока. Именно городской Совет с 1990 г. стал основным проводником демократических преобразований, воскресившим из недр истории лозунг "Вся власть Советам!", и разработчиком локальной модели реализации новых законов СССР и РСФСР о местном самоуправлении. Анализ собственного начального опыта и опыта крупных городов РСФСР, а также впечатления от зарубежных поездок к 1991 г. позволили депутатам Владивостокского Совета сформулировать концепцию новой модели городской власти. Городской представительный орган предстояло уравновесить сильным исполнительным, действующим на принципах единоначалия и личной ответственности его руководителя – мэра города. В восприятии депутатов, руководителей городского Совета и исполкома первоначально понятия "мэр" и "глава городской администрации" воспринимались как синонимы, и зачастую в документообороте являлись взаимозаменяемыми. Возможно, что недостаточный собственный опыт и узость знаний в теории местного самоуправления являлись причиной не только отсутствия понятийной дифференциации, но и изменчивости в приверженностях идеям. В 1990 г. депутаты стояли за сильный Совет, но уже год спустя они поддержали идею сильного мэра, максимально освобождённого от опеки представительной власти.

Так Владивосток вплотную подходил к введению должности главы администрации – мэра города, избираемого жителями на основе всеобщего голосования, что соответствовало положениям нового Закона "О местном самоуправлении в РСФСР". Однако процесс создания в городе выборной исполнительной власти был прерван по причинам, не зависящим от местных факторов. Дальнейшая трансформация системы проходила в русле общероссийских тенденций. Идея полновластия Советов – неизменного элемента идеологической повестки перестройки – была окончательно отвергнута новым руководством России.

Литература

1. Бабичев И.В. Основные направления развития законодательства о местных органах власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Первый этап // Местное право. 2010. № 2. С. 99–126.
2. Бабичев И.В. Основные направления развития законодательства о местных органах власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Второй этап // Местное право. 2010. № 3. С. 105–127.
3. Булах Е.В. Первые итоги либеральных реформ на постсоветском пространстве: муниципальный аспект (на примере города Владивостока) // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект. 2020. № 1. С. 74–82.
4. Булах Е.В., Князева А.Р., Цой В.Г. Институционализация общественного самоуправления в политической практике России // Вестник ЗабГУ. 2018. № 9. С. 56–64.
5. Бялкина Т.М. Начало пути: 25 лет первому закону о местном самоуправлении // Вестник ВГУ. 2015. № 2. С. 16–25.
6. Васильев В.И. Местное самоуправление: история и современная практика // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 5–15.
7. Ващук А.С. Политические реформы конца XX – начала XXI в. в регионах России: новое направление в отечественной историографии // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. ст. / под ред. А.С. Ващук. Владивосток, 2020. С. 13–28.
8. Воронцов Н.С. Проект реформирования органов местного самоуправления в городе Владивостоке в 1991 году и предложения народных депутатов по проведению первых выборов мэра // Успехи современной науки. 2017. Т. 4. № 2. С. 173–178.
9. Воронцов Н.С. Советы народных депутатов Приморского края на заключительном этапе распада СССР (август – декабрь 1991 г.) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 11. С. 66–72.

10. Коваленко С.Г. Распад СССР и новая вертикаль власти: 1990–1993 гг. (на примере Дальнего Востока России) // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. ст. / под ред. А.С. Ващук. Владивосток, 2020. С. 46–56.

11. Матвеев М.Н. Историография истории местных Советов России 1977–1993 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск. 2004. С. 80–90.

12. Матвеев М.Н. Отражение проблем населения в деятельности местных Советов в 70-90 годы XX века // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск Новые гуманитарные исследования. 2003. С. 162–181.

13. Об общих началах местного самоуправления и местном хозяйстве в СССР: Закон СССР от 9.04.1990 г. № 1417–1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 276.

14. О выборах главы администрации: Закон РСФСР от 24.10.1991 г. № 1803-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1491.

15. О дополнительных полномочиях местных Советов народных депутатов в условиях перехода к рыночным отношениям: Закон РСФСР от 21.11.1990 г. № 343-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 26. Ст. 332.

16. О местном самоуправлении в РСФСР: Закон РСФСР от 06.07.1991 г. № 1550-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.

17. О назначении глав администраций городов – областных и краевых центров РСФСР: Указ Президента РСФСР от 26.12.1991 г. № 320 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 1. Ст. 48.

18. О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР: Указ Президента РСФСР от 22.08.1991 г. № 75 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 40. № 34. Ст. 1146.

19. О порядке назначения глав администраций: Указ Президента РСФСР от 25.11.1991 г. № 239 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 48. Ст. 1677.

20. О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 30.10.1990 г. № 283–1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 23. Ст. 279.

21. Упоров И.В., Голубихина Н.М. Эволюция местных органов власти в Советском государстве в период от союзной Конституции 1977 г. до распада СССР (правовой аспект) // Символ науки. 2017. Т. 2. № 2. С. 200–204.

22. Упоров И.В. Местная власть в СССР (1990–1991 годы): особенности организационно-правового регулирования исполнительных органов в переходный период // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 7–6. С. 428–431.

23. Хачатурян Б.Г. Реформирование местных органов власти на Дальнем Востоке (1990–1994 гг.): к истории вопроса // Вестник ИргТУ. 2012. № 1. С. 312–319.

24. Черносвитов В.А. Законодательное закрепление института местного самоуправления на завершающем этапе функционирования Советского государства // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 1. С. 99–104.

25. Ширко Т.И. Формирование вертикали исполнительной власти в России в 1990–1993 гг.: региональный аспект // Вестник ТГУ. 2012. № 364. С. 91–97.

26. Шинковская Н.В. Городское самоуправление в современной России: границы возможного (запрограммированная девиантность владивостокского опыта) // Политическая наука. 2008. № 3. С. 194–223.

References

1. Babichev I.V. The main directions of development of legislation on local authorities in the late 80s – early 90s of the last century. The first stage // Local law. 2010. No. 2. P. 99–126. (In Russ.).

2. Babichev I.V. The main directions of the development of legislation on local authorities in the late 80s – early 90s of the last century. The second stage // Local law. 2010. No. 3. P. 105–127. (In Russ.).

3. Bulakh E.V. The first results of liberal reforms in the post-Soviet space: the municipal aspect (on the example of the city of Vladivostok) // Reforms of the late XX – early XXI century in the post-Soviet space: a regional aspect. 2020. № 1. P. 74–82. (In Russ.).

4. Bulakh E.V., Knyazeva A.R., Tsoi V.G. Institutionalization of public self-government in the political practice of Russia // Bulletin of the Transbaikal State University. 2018. No. 9. P. 56–64. (In Russ.).

5. Byalkina T.M. The beginning of the journey: 25 years of the first law on local self-government // Bulletin of Voronezh State University. 2015. No. 2. P. 16–25. (In Russ.).

6. Vasiliev V.I. Local self-government: history and modern practice // Journal of Russian law. 2015. No. 3. P. 5–15. (In Russ.).

7. Vashchuk A.S. Political reforms of the late XX – early XXI century in the regions of Russia: a new direction in Russian historiography // Reforms of the late XX – early XXI century in the post-Soviet space: a regional aspect: Sat. scientific Art. / ed. A.S. Vashchuk. Vladivostok, 2020. P. 13–28. (In Russ.).

8. Vorontsov N.S. The project of reforming the bodies of local self-government in the city of Vladivostok in 1991 and the proposals of people's deputies to hold the first election of the mayor // Successes of modern science. 2017. V. 4. No. 2. P. 173–178. (In Russ.).

9. Vorontsov N.S. Soviets of people's deputies of Primorsky Territory at the final stage of the collapse of the

- USSR (August – December 1991) // *Society: philosophy, history, culture*. 2021. No. 11. P. 66–72. (In Russ.).
10. Kovalenko S.G. The collapse of the USSR and the new vertical of power: 1990–1993 (on the example of the Far East of Russia) // *Reforms of the late XX – early XXI century in the post-Soviet space: a regional aspect: Sat. scientific Art.* / ed. A.S. Vashchuk. Vladivostok, 2020. P. 46–56. (In Russ.).
11. Matveev M.N. Historiography of the history of local Soviets in Russia 1977–1993 // *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Special issue*. 2004. P. 80–90. (In Russ.).
12. Matveev M.N. Reflection of the problems of the population in the activities of local councils in the 70-90s of the twentieth century // *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Special Issue New Humanities Research*. 2003. P. 162–181. (In Russ.).
13. On the general principles of local self-government and local economy in the USSR: Law of the USSR dated April 9, 1990 No. 1417–1 // *Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the USSR*. 1990. No. 16. Art. 276. (In Russ.).
14. On the election of the head of the administration: Law of the RSFSR dated October 24, 1991 No. 1803-1 // *Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1991. No. 45. Art. 1491. (In Russ.).
15. On the additional powers of local Councils of People's Deputies in the context of the transition to market relations: Law of the RSFSR dated November 21, 1990 No. 343-1 // *Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1990. No. 26. Art. 332. (In Russ.).
16. On local self-government in the RSFSR: Law of the RSFSR dated July 6, 1991 No. 1550-1 // *Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR*. No. 29. Art. 1010. (In Russ.).
17. On the appointment of the heads of administrations of cities – regional and regional centers of the RSFSR: Decree of the President of the RSFSR of December 26, 1991 No. 320 // *Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1992. No. 1. Art. 48. (In Russ.).
18. On some issues of the activities of executive authorities in the RSFSR: Decree of the President of the RSFSR of August 22, 1991 No. 75 // *Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1991. No. 40. No. 34. Art. 1146. (In Russ.).
19. On the procedure for appointing heads of administrations: Decree of the President of the RSFSR of November 25, 1991 No. 239 // *Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1991. No. 48. Art. 1677. (In Russ.).
20. On the status of a people's deputy of the local Council of People's Deputies of the RSFSR: Law of the RSFSR dated October 30, 1990 No. 283–1 // *Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1990. No. 23. Art. 279. (In Russ.).
21. Uporov I.V., Golubikhina N.M. The evolution of local authorities in the Soviet state in the period from the Union Constitution of 1977 to the collapse of the USSR (legal aspect) // *Symbol of Science*. 2017. V. 2. No. 2. P. 200–204. (In Russ.).
22. Uporov I.V. Local authorities in the USSR (1990–1991): features of organizational and legal regulation of executive bodies in the transitional period // *Eurasian Scientific Association*. 2020. No. 7–6. P. 428–431. (In Russ.).
23. Khachatryan B.G. Reforming local authorities in the Far East (1990–1994): on the history of the issue // *Bulletin of the Irkutsk State Technical University*. 2012. No. 1. P. 312–319. (In Russ.).
24. Chernositov V.A. Legislative consolidation of the institution of local self-government at the final stage of the functioning of the Soviet state // *Society: politics, economics, law*. 2007. No. 1. P. 99–104. (In Russ.).
25. Shirko T.I. Formation of the vertical of executive power in Russia in 1990–1993: a regional aspect // *Bulletin of the Tomsk State University*. 2012. No. 364. P. 91–97. (In Russ.).
26. Shinkovskaya N.V. Urban Self-Government in Modern Russia: Limits of the Possible (Programmed Deviance of the Vladivostok Experience) // *Political Science*. 2008. No. 3. P. 194–223. (In Russ.).

Николай Степанович ВОРОНЦОВ, канд. ист. наук, научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: nsv91@yandex.ru

Nikolai S. VORONTSOV, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Department of Socio-Political Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: nsv91@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 01.07.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 20.11.2023

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2023

Научная статья
УДК 323
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/52-59>

Исторический опыт становления и развития марикультуры в Корее

Александра Артемовна МИХАЙЛОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, mikhailova.aar@students.dvfu.ru

Игорь Анатольевич ТОЛСТОКУЛАКОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, tolstokulakov.ia@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям развития марикультуры в Корее. В исследовании проведён сравнительный анализ различных подходов к раскрытию сущности термина марикультура. Была рассмотрена теория о древней аквакультуре. Были изучены возникновение и эволюция технологий корейской марикультуры. Авторы приходят к выводу, что зарождение марикультуры на Корейском полуострове произошло в период XV–XVII в. с началом освоения красной водоросли Порфиры (*Porphyra*) и устрицы (*Crassostrea gigas*).

Ключевые слова: Корея, аквакультура, марикультура, подвесная культура, донная культура, водорослеводство, устрицеводство

Для цитирования: Михайлова А.А., Толстокулаков И.А. Исторический опыт становления и развития марикультуры в Корее // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 52–59. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/52-59>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/52-59>

Historical experience of the formation and development of mariculture in Korea

Alexandra A. MIKHAILOVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, mikhailova.aar@students.dvfu.ru

Igor A. TOLSTOKULAKOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, tolstokulakov.ia@dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the development of mariculture in Korea. The study provides a comparative analysis of various approaches to the disclosure of the essence of the term mariculture. The theory of ancient aquaculture was considered. The origin and evolution of Korean mariculture technologies were studied. The author comes to the conclusion that the origin of mariculture on the Korean peninsula occurred during the XV–XVII century, with the beginning of the development of red algae (*Porphyra*) and oysters (*Crassostrea gigas*).

Keywords: Korea, aquaculture, mariculture, suspended culture, bottom culture, algae growing, oyster farming

For citation: Mikhailova A.A., Tolstokulakov I.A. Historical experience of the formation and development of mariculture in Korea // Oriental Institute Journal. 2023. No. 4. P. 52–59. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/52-59>

Введение

В мире сегодня насчитывается 7,9 млрд. человек и по прогнозу к 2050 году численность населения достигнет почти 10 млрд. человек [9]. Население преимущественно проживает и будет проживать в городах и перед мировой экономикой встает колоссальная проблема – как обеспечить планету продовольствием. Кроме того, последствия пандемии COVID-19, частые экстремальные погодные явления, вызванные изменением климата, военные конфликты нарушают логистические цепочки поставок продовольственных товаров, что приводит к повышению мировых цен на продукты питания [3]. В марте 2022 года индекс продовольственных цен ФАО составил 159,7 пункта, чем достиг самого высокого уровня за все время начиная с 1990 г. [10]. Исходя из этого можно сделать вывод, что на настоящий момент мир находится в состоянии продовольственного кризиса. Перед обществом возникает необходимость искать и развивать дополнительные источники

пищи. Одним из перспективных направлений, способных в будущем внести большой вклад в обеспечение и поддержание продовольственной безопасности, является марикультура.

Мировое производство рыбы стабильно росло на протяжении пяти лет с 2015 по 2019 гг. (рис. 1) Вылов рыбы рос не такими высокими темпами – в 2019 году к 2015 году рост составил 0,87%, – как увеличение предложения марикультуры – в 2019 году к 2015 году оно повысилось на 15, 17%.

Доля производства продукции марикультуры устойчиво росла – с 29,94% в 2015 году до 31,73% в 2019 году (прирост составил 1,79%) (рис.2).

Таким образом, марикультура становится одним из самых быстрорастущих секторов рыбного пищевого производства, и выход из продовольственного кризиса может быть найден через дальнейший рост деловой активности этом секторе и внедрение, совершенствование технологий производства марикультуры. В связи с этим важно обратить внимание на исторический опыт стран-лидеров в этой области, таких как Корея. Вопрос о том, с какого момента на Корейском полуострове начала практиковаться марикультура, является дискуссионным и мало освещен в отечественных и зарубежных публикациях. В нашей работе мы попытались решить эту проблему, ставя следующие задачи: раскрыть сущность понятия марикультура; изучить основные подходы к датированию начала выращивания морских гидробионтов на Корейском полуострове; проанализировать основные этапы становления марикультуры в Корее. В нашем исследовании мы использовали аналитический подход, а также такие общегуманитарные методы, как нарративный, историко-генетический и сравнительный.

На сегодняшний день не существует общепринятого определения термина "марикультура". В связи с этим необходимо проанализировать и сравнить различные научные подходы к раскрытию этого понятия. Выделим три подхода:

1) в "Полярной аквакультуре" под авторством М.Б. Шилина и О.Л. Саранчовой можно найти следующее определение: марикультура – это "часть аквакультуры", предметом которой является "культивирование гидробионтов в морях и эстуариях" [14, с. 8];

2) в учебнике "Морская аквакультура" под редакцией П.А. Моисеева марикультура рассматривается как "широкий комплекс различных форм активного воздействия человека на биопродукционные процессы, протекающие в солоноватых и морских бассейнах, с целью повышения их биопродуктивности" [8, с. 5–6] и как наука "о выявлении, формировании и реализации потенциальных биоэкологических свойств полезных гидробионтов для получения необходимых для человека морепродуктов" [8, с. 7];

3) И.И. Дедю в "Экологическом энциклопедическом словаре" обозначает марикультуру как "искусственное выращивание морских промысловых организмов – животных и водорослей – в естественных и искусственных водоёмах, а также в сеточных садках, размещаемых в прибрежных водах" [7].

При сравнении вышеприведённых определений можно выявить одно несоответствие между первым и третьим. М.Б. Шилина и О.Л. Саранчова включают в зону выращивания марикультуры только естественные водоёмы (моря, эстуарии), а И.И. Дедю упоминает также о возможности культивирования морских гидробионтов в искусственных условиях. Так как в марикультуре широко практикуется полициклический тип хозяйства, в котором разведение водного организма проходит в неестественной среде, мы будем придерживаться более общего определения.

В итоге, по нашему мнению, марикультура как наука изучает биоэкологические свойства морских организмов; марикультура как производственный процесс является одним из направлений аквакультуры, которое занимается культивированием морских гидробионтов в естественных или искусственных условиях с морской или солоноватой водой.

Споры о древности морской аквакультуры в Корее продолжают сохранять свою актуальность. Большинство специалистов склонны считать Порфиру (Porphyra)

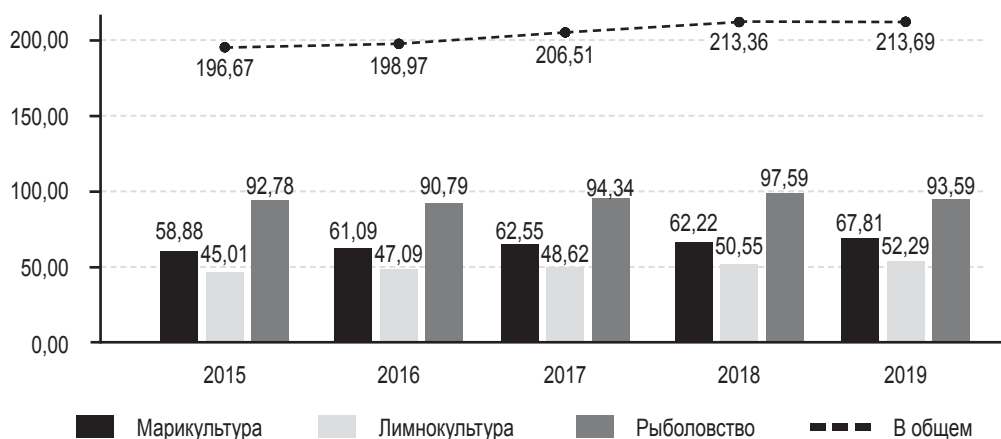

Рис. 1. Мировое производство рыболовства и марикультуры, (в млн. тонн).

Источник: составлено на основе [15].

Fig. 1. World production of fisheries and mariculture, (in million tons).

Source: compiled based on [15].

первым объектом корейской марикультуры, начало выращивания которой одни относят к XV в., а другие – к XVII в. [22, с. 357–358] Однако существует другая точка зрения, согласно которой марикультура на Корейском полуострове зародилась с разведением устриц в период неолита. Этого мнения придерживаются специалисты Д.Л. Бродянский и В.А. Раков, которые являются авторами теории о первобытной аквакультуре. Эта теория утверждает, что выращивание устриц было характерно для бойсманской и некоторых смежных с ней неолитических культур [11, с. 42], памятники которых были найдены в том числе и на корейской территории, а именно: на северо-востоке (Сопхохан), северо-западе (Гунсанни) и юге (Саннодэ, Тонсамдон) страны [5, с. 6].

Теория о древней аквакультуре получила неоднозначную оценку в научном сообществе. В частности, выводы Д.Л. Бродянского и В.А. Ракова критиковались такими специалистами, как К.А. Лутаенко, Н.Г. Артемьева [6], Я.В. Кузьмин [4], Н.А. Ключев [2] и А.В. Табарев [12]. Кроме того, культурная преемственность в Корее прослеживается с периода Трёх государств [13], поэтому эксплуатация морских ресурсов на Корейском полуострове людьми неолита не может рассматриваться в рамках изучения процесса формирования корейской марикультуры. В связи с этим мы не будем анализировать теорию первобытной аквакультуры и приведём общепринятые подходы к проблеме возникновения марикультуры в Корее.

Как было сказано выше, считается, что корейская марикультура появилась с зарождением культивирования красной водоросли (*Porphyra*). Существуют две основные датировки начала её выращивания на Корейском полуострове.

Согласно первой, Порфиру (*Porphyra*) стали разводить в XV в. Это мнение основано на записях "Географического описания провинции Кёнсан" ("慶尙道地理志") 1424–1425 г. и "Обзора всех земель Восточного государства" ("東國輿地勝覽") 1478 г., в которых Порфира (*Porphyra*) указывается как продукт местного производства.

Согласно второй, способ выращивания Порфиры (*Porphyra*) был открыт в XVII в. Если верить легенде, во времена правления вана Инджо (1623–1649 гг.) ученый Ким Ёик покинул столицу и оказался на острове Тхэиндо, где ему пришла идея установить ветки дуба и бамбука на прибрежное дно. Это изобретение привело к возникновению метода сопкоджи [22, с. 357–358]. Специалист Пэ Сяхван считает, что этот способ мог быть придуман в XV в. военными рабами, которые также догадались использовать ветки дерева в качестве "ловушки" для спор водоросли [21, с. 153].

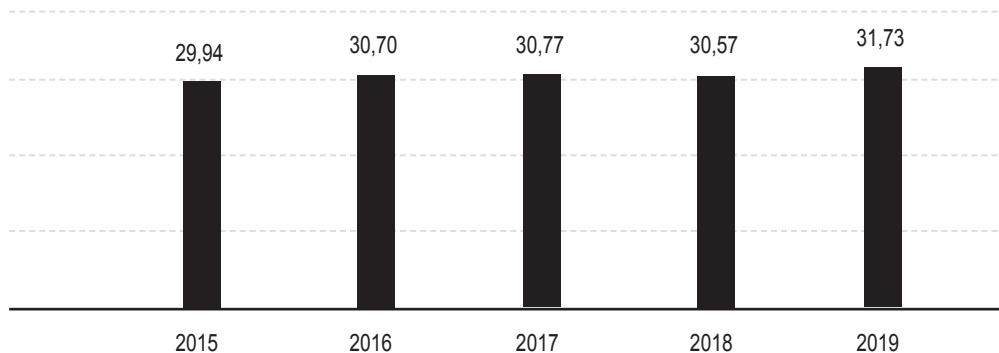

Рис. 2. Динамика доли марикультуры в общем объеме мировой рыбной промышленности, %.

Источник: составлено на основе [15].

Fig. 2. Dynamics of the share of mariculture in the total volume of the global fishing industry, %.

Source: compiled based on [15].

В конце первой половины XIX в. начали появляться новые формы культивирования водоросли. Одной из таких является тебаль – прообраз современной подвесной культуры. Суть его состоит в том, что водоросль несколько раз за день поднималась на поверхность воды, таким образом открываясь солнцу. Метод тебаль включал в себя конструкцию из бамбуковых шестов и особой сети кимбаль. Считается, что это сооружение было придумано Чон Сивоном на острове Вандо провинции Южная Чолла в период правления вана Хонджона и Чхольчона (1834–1863 гг.) [22, с. 358].

В XX в. традиционные методы выращивания Порфиры (*Porphyra*) подобные спокджи постепенно прекращали практиковаться. Появление новых материалов: пенопласта и синтетического волокна – позволило усовершенствовать метод тебаль. На его основе появились такие технологии, как тынбаль и пурюсик, известная также как тынхыллинбаль. Первая была изобретена японцем Канэко в 1928 г. и отличалась точной периодичностью, с которой водоросли должны были выниматься из воды. Вторая приобрела известность в 1970-х гг. Её конструкция повторяла систему тебаль, однако бамбуковые столбы были заменены на пенопластовые поплавки. В 1990-х гг. на острове Вандо появился современный метод выращивания Порфиры (*Porphyra*) с использованием пенопластовых цилиндров [22, с. 358–359], которые, переворачиваясь с приливом и отливом, автоматически поднимали водоросли из моря [16, с. 110].

В конце 1960-х гг. корейцы смогли вырастить водоросли в искусственных условиях, что открыло возможность культивировать виды, не обитающие в водах Корейского полуострова, таких как Ундария (*Undaria pinnatifida*). Благодаря технологическому прогрессу в 1970-х гг. на юг Кореи была успешно проведена интродукция Ламинарии (*Laminaria*). Факт того, что она в основном обитает в холодных водах, определил большее развитие её культивирования в КНДР, чем в Республике Корея. Так, северокорейский урожай Ламинарии уже в 1970 г. достиг примерно 300 тыс. т. [14, с. 44], а южнокорейский и к 1993 г. не превышал 16 тыс. т.

Итого, с появлением более современных материалов конструкции подвесной культуры были улучшены. Установки стали устойчивыми и плавучими, что позволило расширить область выращивания. Использование новых технологий (искусственное выращивание, более совершенные методы интродукции) привело к большему разнообразию видов культивируемых водорослей и общему увеличению производительности (например, в период с 1970–1993 гг. южнокорейский урожай Порфиры (*Porphyra*) увеличился в 6 раз) [22, с. 361].

Вторым по масштабам выращивания объектом корейской марикультуры являются моллюски. Культивирование моллюсков корейцы начали с освоения устрицеводства, о чем свидетельствует запись 1431 г. в "Анналах династии Чосон" ("朝

鮮王朝實錄"). Там же, в записях правления короля Сечжона, двустворчатые моллюски (*Tegillarca granosa*, *Meretrix lusoria*) включены в список продуктов местного производства провинции Чолла [17]. Позднее в Чосоне были освоены методы подвесной культуры на ветках сосны [19, с. 2] и метод тхусоксик [20, с. 194]. Последний получил популярность в XIX в. Суть его состояла в том, что плоские камни, которые служили субстратом для устриц, помещали на отмели, оставляя между ними выверенное расстояние.

Подобные низко-технологические способы использовались вплоть до 1960-х гг. После внедрения конструкций, включающих в себя систему плота и яруса, производительность ферм по разведению моллюсков резко увеличилась. Так, в Республике Корея в 1970 г. было произведено 75 тыс. т. раковин, а в 1985 г. около 369 тыс. т., что почти в 5 раз больше [24, с. 40]. В Корее среди моллюсков культивируют в основном устрицу (*Crassostrea gigas*), мидию (*Mytilus trossulus*), морской гребешок (*Mizuhopecten yessoensis*), морское ушко (*Haliotis*), асцидию (*Halocynthia roretzi*).

Ещё со времён государства Когурё были известны случаи практики корейцами рыбоводства: в Трипитака Кореана ("八萬大藏經") есть записи о том, как в пруду вана Тэмусина растили карпов [25]. Вплоть до второй половины XX в. в Корее выращивали только пресноводных рыб. С 1981 г. правительство Республики Корея стало выделять средства на эксперименты по выведению мальков ложного палтуса (*Paralichthys olivaceus*) из искусственно оплодотворенной икры [23]. В 1986 г. опыты успешно завершились, после чего в 1990-х гг. южные корейцы инкубировали икру и других видов рыб, таких как чёрная кефаль (*Mugil cephalus*), маленький жёлтый горбыль (*Larimichthys polyactis*), полосатая оплегнат (*Oplegnathus fasciatus*), фуру (*Takifugu*), звёздчатая камбала (*Platichthys stellatus*), тихоокеанский голубой тунец (*Thunnus orientalis*) и др. [18] Большую половину выращиваемых в южнокорейской марикультуре рыб составляют ложный палтус (*Paralichthys olivaceus*) и тёмный морской окунь (*Sebastes schlegelii*) [23]. В КНДР выращивание морских рыб начало осваиваться только в 2014 г. [1, с. 5]. На момент 2023 г. их производство остаётся довольно ограниченным.

Таким образом, в процессе нашей работы было выявлено, что:

- марикультуру можно рассматривать как в качестве науки, объектом которой являются полезные для человека морские организмы, так и в качестве производственного процесса по выращиванию гидробионтов их соленой водной среды;
- теория о древней аквакультуре показывает, что в Корее эксплуатировали морские ресурсы со времени неолита, однако, так как идея Д.Л. Бродянского и В.А. Ракова была отвергнута научным сообществом, мы не можем говорить о возникновении корейской марикультуры в вышеуказанный период;
- процессы по становлению марикультуры в Корее начались в период XV–XVII в. с выращиванием Порфиры (*Porphuga*) и устрицы (*Crassostrea gigas*);
- основными выращиваемыми видами водоросли на Корейском полуострове можно назвать Порфиру и Ламинарию (*Undaria pinnatifida*), моллюсков – устрицу (*Crassostrea gigas*), мидию (*Mytilus trossulus*), морской гребешок (*Mizuhopecten yessoensis*), морское ушко (*Haliotis*), асцидию (*Halocynthia roretzi*);
- морское рыбоводство началось в Корее во второй половине XX в.;
- главными продуктами морского рыбоводства Южной Кореи являются ложный палтус (*Paralichthys olivaceus*) и тёмный морской окунь (*Sebastes schlegelii*);
- в марикультуре КНДР практика культивирования морских рыб появилась в 2014 г. и пока не получила широкого распространения.

Литература

1. Кан Гёнсу. Коренной поворот в развитии рыбоводства // Кымсугансан. М.: Россия сегодня, 2019. № 6 (341). С. 3–5.
2. Ключев Н.А. Археология первобытного общества Приморья и Приамурья: Историографический и библиографический обзор (1861–1991). Владивосток: Дальнаука, 1993. 186 с.
3. Краткий обзор. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире. // Fao.org: сайт. URL: <https://www.fao.org/agrifood-economics/publications/detail/ru/c/1644619/> (дата обращения: ...)

ния: 01.12.2022).

4. Кузьмин Я.В. Взаимодействие человека и природной среды на юге Дальнего Востока России (палеолит – средневековье): историографический обзор результатов исследований // Этнос и природная среда. Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 44–50.

5. Ларичев В.Е. Путешествие археолога в Страну утренней свежести. Новосибирск Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2012. 233 с.

6. Лутаенко К.А. Моллюски из раковинной кучи памятника Теляковского 2 в Южном Приморье (янкская археологическая культура), их палеоэкология и роль в палеоэкономике / К.А. Лутаенко, Н.Г. Артемьева // Бюллетень Дальневосточного малакологического общества. 2017. № 21. С. 61–128.

7. Марикультура. Текст: электронный // Cnshb.ru: сайт. URL: <http://www.cnshb.ru/AKDiL/0039/base/RM/005282.shtm> (дата обращения: 02.12.2020).

8. Морская аквакультура / П.А. Моисеев, А.Ф. Карпевич, О.Д. Романычева [и др.]. М.: Агропромиздат, 1985. 255 с.

9. Население Земли. Текст: электронный // Countrymeters.info: сайт. URL: <https://countrymeters.info/ru/World> (дата обращения: 01.12.2022).

10. Положение с продовольствием в мире. Текст: электронный // Fao.org: сайт. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru/> (дата обращения: 01.12.2022).

11. Раков В.А. Древняя аквакультура (возделывание устриц в бойсманской неолитической культуре) / В.А. Раков, Д.Л. Бродянский // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3(31). С. 39–43.

12. Табарев А.В. Устрицы и археологи (о термине "аквакультура" в дальневосточной археологии) // Археология, этнография и антропология. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2017. № 4. С. 52–59.

13. Толстокулаков И.А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002. 240 с.

14. Шилин М.Б. Полярная аквакультура / М.Б. Шилин, О.Л. Саранчова. СПб.: РГМУ, 2005. 171 с.

15. Fishery and Aquaculture Statistics. Global production by production source 1950-2019 (FishstatJ) // "FAO" URL: www.fao.org/fishery/statistics/software/fishstatj/en (дата обращения: 01.12.2022).

16. Hwang E.K. Seaweed cultivation and utilization of Korea / E.K. Hwang, C.S. Park // *Algae*. 2020. № 35. P. 107–121.

17. Republic of Korea – Annals of the Choson Dynasty (Choson Wangjo Shillok). URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CI/CI/pdf/mow/nomination_forms/republic_of_korea_annals_choson_dynasty.pdf (дата обращения: 22.07.2023).

18. 강주리. 조선 시대부터 김·굴 양식... 새우·넙치 등 대량생산으로 세계화 // 서울신문 = Кан Чури. Марикультура Порфиры и устриц со времен династии Чосон... Глобализация путем массового производства креветки и камбалы // Соулшиньмун. (сайт). URL: <https://m.seoul.co.kr/news/newsView.php?cp=seoul&id=20160311017010> (дата обращения: 22.07.2023).

19. 명정인. 세계 7위 양식대국 100년 발자취, 수산양식 역사서 발간 // 국립수산물연구원. 2016. 頁 1–14. = Мён Джонин. Отпечаток столетней истории 7-й по величине державы аквакультуры в мире, публикация книги по истории аквакультуры // Куннипсусанхвахагвон. 2016. С. 1–14.

20. 裴樹奐. 우리나라 굴·양식업의 發祥과 發達過程 // 韓國水産學會誌. 1985. № 18. 頁 180–194. = Пэ Сюхван. Развитие устрицеводства в Корее // Хангуксусанхвахагвечи. 1985. № 18. С. 180–194.

21. 裴樹奐. 우리나라 김·양식업의 發祥과 發達過程. 朝鮮王朝末葉까지의 김·양식史 // 韓國水産學會誌. 1991. № 24. 頁 153–166. = Пэ Сюхван. Зарождение и процесс развития водорослеводства в Корее. История водорослеводства до конца династии Чосон // Хангуксусанхвахагвечи. 1991. № 24. С. 153–166.

22. 孫徹鉉. 韓國 海藻類 養殖 發達에 관한 考察 // *Algae*. 2019. № 11. 頁 357–364. = Сон Чхольхён. Исторический обзор выращивания морских водорослей в Корее // *Algae*. 2019. № 11. С. 357–364.

23. 이남수. 우리나라 어류 양식업 시작과 현주소 // 수산신문 (Чон Суён. Начало рыбководства в Корее и её текущий статус // Сусаншиньмун). (сайт). URL: <http://www.fisheriesnews.co.kr/news/articleView.html?idxno=61639> (дата обращения: 01.08.2023).

24. 이정용. 동해안 패류양식의 현황과 전망 // 국립수산물연구원. 2016. 頁 25–52. = Ли Чоннён. Текущее состояние и перспективы разведения моллюсков на Восточном побережье // Куннипсусанхвахагвон. 2005. С. 25–52.

25. 정수연. 양식의 역사 // 한국수산자원공단 (Чон Суён. История аквакультуры // Хангуксусанчавонкондан). (сайт). URL: https://blog.naver.com/fira_sea/222145424504 (дата обращения: 01.08.2023).

References

1. Kang Kyungsoo. A radical turn in the development of fish farming // *Geumsugangsan*. М.: Russia today, 2019. № 6 (341). P. 3–5. (In Russ.).

2. Klyuev N.A. Archeology of Primitive Society of Primorye and Amur region: Historiographical and bibliographic review (1861–1991). Vladivostok: Dalnauka, 1993. 186 p. (In Russ.).

3. A brief overview. The state of affairs in the field of food security and nutrition in the world. // *Fao.org*:

website. URL: <https://www.fao.org/agrifood-economics/publications/detail/ru/c/1644619/> (In Russ.).

4. Kuzmin Y.V. Interaction of man and the natural environment in the South of the Russian Far East (Paleolithic – Middle Ages): historiographical review of research results // *Ethnicity and the natural environment*. Vladivostok: Dalnauka, 1997. P. 44–50. (In Russ.).

5. Larichev V.E. The journey of an archaeologist to the Land of Morning freshness. Novosibirsk Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2012. 233 p. (In Russ.).

6. Lutaenko K.A. Mollusks from the shell heap of the Telyakovsky monument 2 in Southern Primorye (Yankovskaya archaeological culture), their paleoecology and role in paleoeconomics / K.A. Lutaenko, N.G. Artemyeva // *Bulletin of the Far Eastern Malacological Society*. 2017. No. 21. P. 61–128. (In Russ.).

7. Mariculture. // Cnshb.ru: website. URL: <http://www.cnshb.ru/AKDIL/0039/base/RM/005282.shtml> (accessed 02.12.2020). (In Russ.).

8. Marine aquaculture / P.A. Moiseev, A.F. Karpevich, O.D. Romanycheva [et al.]. M.: Agropromizdat, 1985. 255 p. (In Russ.).

9. The Population of the Earth. // Countrymeters.info: website. URL: <https://countrymeters.info/ru/World> (accessed 01.12.2022). (In Russ.).

10. The food situation in the world. // Fao.org: website. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru/> (accessed 01.12.2022) (дата обращения: 01.12.2022). (In Russ.).

11. Rakov V.A. Ancient aquaculture (oyster cultivation in the Boisman Neolithic culture) / V.A. Rakov, D.L. Brodyansky // *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*. 2007. No. 3(31). P. 39–43. (In Russ.).

12. Tabarev A.V. Oysters and archaeologists (on the term "aquaculture" in Far Eastern archaeology) // *Archeology, ethnography and Anthropology*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2017. No. 4. P. 52–59. (In Russ.).

13. Tolstokulakov I.A. Essay on the history of Korean culture. Vladivostok: Far Eastern University Press, 2002. 240 p. (In Russ.).

14. Shilin, M.B. Polar aquaculture / M.B. Shilin, O.L. Saranchova. SPb.: RSMU, 2005. 171 p. (In Russ.).

15. Fishery and Aquaculture Statistics. Global production by production source 1950–2019 (FishstatJ) // "FAO" URL: www.fao.org/fishery/statistics/software/fishstatj/en (accessed 01.12.2022).

16. Hwang, E.K. Seaweed cultivation and utilization of Korea / E.K. Hwang, C.S. Park // *Algae*. 2020. № 35. P. 107–121.

17. Republic of Korea – Annals of the Choson Dynasty (Choson Wangjo Shillok). URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CI/CI/pdf/mow/nomination_forms/republic_of_korea_annals_choson_dynasty.pdf (accessed 22.07.2023). (In Kor.).

18. Kang Churi. Mariculture of Porphyry and Oyster since the Joseon Dynasty... Globalization through mass production of shrimp and flounder // *Soulshinmoon*. (website). URL: <https://m.seoul.co.kr/news/newsView.php?cp=seoul&id=20160311017010> (accessed 22.07.2023). (In Kor.).

19. Me Jonin. Imprint of the centenary history of the 7th largest aquaculture power in the world, publication of a book on the history of aquaculture // *Kunnipsusangwahagwon*. 2016. P. 1–14. (In Kor.).

20. Pe Xiuhan. The development of oyster farming in Korea // *Hanshuizhi*. 1985. No. 18. P. 180–194. (In Kor.).

21. Pe Xiuhan. Origin and development of algae growing in Korea. The history of algae growing until the end of the Joseon dynasty // *Hanshuizhi*. 1991. No. 24. P. 153–166. (In Kor.).

22. Song Chulhyun. Historical review of seaweed cultivation in Korea // *Algae*. 2019. No. 11. P. 357–364. (In Kor.).

23. Jeon Sooyoung. The beginning of fish farming in Korea and its current status // *Susangshingmun*. (website). URL: <http://www.fisheriesnews.co.kr/news/articleView.html?idxno=61639> (accessed 08.01.2023). (In Kor.).

24. Lee Jonnen. The current state and prospects of shellfish breeding on the East Coast // *Kunnipsusangwahagwon*. 2005. C. 25–52. (In Kor.).

25. Chung Sooyoung. History of Aquaculture // *Hanguksusanjawnkondan*. (website). URL: https://blog.naver.com/fira_sea/222145424504 (accessed 01.08.2023). (In Kor.).

Александра Артёмовна МИХАЙЛОВА, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: mikhailova.aar@students.dvfu.ru

Игорь Анатольевич ТОЛСТОКУЛАКОВ, д-р ист. наук, профессор кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: tolstokulakov.ia@dvfu.ru

Alexandra A. MIKHAILOVA, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: mikhailova.aar@students.dvfu.ru

Igor A. TOLSTOKULAKOV, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: tolstokulakov.ia@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 22.02.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 30.11.2023

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2023

Зарождение Торгового дома Сугиура во Владивостоке

Вадим Александрович БУШМАКИН

независимый исследователь, Канадзава, Япония, rossiajin@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется ранняя история владивостокского Торгового дома Сугиура, раскрываются предпосылки возникновения фирмы и этапы её становления. Исследование охватывает период 1880–1890 гг., начиная с открытия владивостокского филиала Внешнеторговой компании и заканчивая первыми годами работы фирмы Сугиура. Собраны и сопоставлены данные японских архивных материалов, свидетельства современников фирмы и исследования нашего времени.

Ключевые слова: японская диаспора Владивостока, японское предпринимательство в России, Сугиура Кюдай, Сугиура Рюкити, Торговый дом Сугиура

Для цитирования: Бушмакин В.А. Зарождение Торгового дома Сугиура во Владивостоке // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 60–70. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/60-70>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/60-70>

The birth of Sugiura Trading Company in Vladivostok

Vadim A. BUSHMAKIN

independent researcher, Kanazawa, Japan, rossiajin@yandex.ru

Abstract. The paper summarizes research on the early history of Sugiura Trading Company in Vladivostok. It unveils the background leading to the establishment of the company, and the main stages of its growth. The research covers the period from 1880 to 1890s, starting with opening of Vladivostok branch of Foreign Trade Company, and up to the first years of operation of Sugiura Company. The paper collects and compares data from Japanese archive materials, statements made by the company's contemporaries, and modern day researches.

Keywords: Japanese diaspora in Vladivostok, Japanese business in Russia, Kyūdai Sugiura, Ryūkichī Sugiura, Sugiura Trading Company

For citation: Bushmakin V.A. The birth of Sugiura Trading Company in Vladivostok // Oriental Institute Journal. 2023. № 4. P. 60–70. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/60-70>

Введение

Настоящая статья открывает серию публикаций наших исследований, посвящённых Торговому дому Сугиура во Владивостоке и его второму главе Сугиура Рюкити.

Торговый дом Сугиура был крупнейшим японским торговым предприятием во Владивостоке в конце XIX – начале XX века. Упоминания и краткие сведения о нём содержатся во многих источниках того времени, описывающих Владивосток, и в современных исследованиях по истории японского предпринимательства в России. Однако, хотя обычно признаётся величина и важность фирмы, ни отечественная, ни японская литература, собранная нами в рамках данного исследования, не содержит подробных сведений о ней.

Целью настоящей статьи является воссоздание истории зарождения и раннего развития Торгового дома Сугиура, для чего решаются несколько задач. Во-первых, анализируются основные этапы становления Торгового дома, начиная с его предшественника, владивостокского филиала Внешнеторговой компании. Во-вторых, исследуются факты из биографии первого главы Торгового дома. В-третьих, рассматривается начальный период деятельности собственно Торгового дома Сугиура.

Для достижения поставленных задач собраны японские архивные документы и свидетельства современников, исследования отечественных и японских авторов. Анализ источников и литературы позволил выявить в них расхождения и ряд

явных ошибок. Все подобные свидетельства критически рассмотрены на предмет их достоверности. Переводы из японских источников, цитируемые в настоящей статье, выполнены автором.

Владивостокское отделение Внешнеторговой компании

Предыстория Торгового дома Сугиура во Владивостоке началась с основания Владивостокского отделения Внешнеторговой компании (Ббэки сёкай 貿易商会). Она была детищем министра финансов Окума Сигэнобу (大隈重信), основателя корпорации "Мицубиси" Ивасаки Ятарō (岩崎弥太郎), и просветителя Фукудзава Юкити (福沢諭吉). После окончания режима самоизоляции страны сложилась ситуация, при которой многие области внешнеэкономических отношений Японии находились в руках иностранцев. Внешнеторговая компания возникла 20 июля 1880 г. как попытка противодействовать подобному господству иностранцев в международной торговле [2, с. 325; 8, с. 88; 16, с. 84; 9, с. 13–15]. Одновременно с ней для обеспечения финансовой стороны мероприятия был основан Валютный банк Йокогама (Ёкохама сёкин гинкō 横浜正金銀行)¹. Позднее, в декабре 1918 г., этот банк откроет своё отделение во Владивостоке под вывеской "Йокогама спешу банкъ" (калька с английского названия The Yokohama Specie Bank, Ltd.) в здании доходного дома В.П. Бабинцева (Светланская улица, д. 20) [12, с. 41] (фото 1).

Интерес японцев к Владивостоку в плане торговых перспектив назревал уже какое-то время. Будущий первый коммерческий агент Сэваки Хисато (瀬脇寿人) написал подробный отчёт о своём пребывании во Владивостоке в 1875 г. [26, с. 219–235]. В нём описываются перспективы нового города и коммерции в нём. Выгода проистекала, в частности, из того, что цены в городе были в 5–6 раз выше, чем в Японии. По мнению исследователя Савада Кадзухико, правление Внешнеторговой компании знало содержание этого отчёта [27, с. 185]. В установлении более активной торговли с Россией был заинтересован и министр иностранных дел Иноуэ Каору (井上馨), и соучредитель Внешнеторговой компании министр финансов Окума [38, с. 291].

10 октября 1880 г. представитель Внешнеторговой компании Маэда Матахэй (前田又平) в сопровождении Харада Сигэкириō (原田茂吉郎) прибыл во Владивосток с партией товаров на английском судне "Апен" [4, с. 64; 6, с. 123; 7, с. 133] (фото 2). Харада уже имел частный магазин в городе, и торговое агентство поручило ему содействовать новому начинанию [29, с. 2]. 4 декабря того же года пришёл зафрахтованный у фирмы Мицубиси пароход Тоёсима-мару (豊島丸). В число погруженных на него товаров входили рис, предметы искусства, ткацкие изделия, керамика и чёрный чай, то есть товары, которые были заведомо популярны в России [13, с. 292; 18, с. 53].

Факт отправки работников во Владивосток уже через несколько месяцев после открытия компании свидетельствует о том, что этому направлению работы придавалось важное значение.

Вместе с Маэда из Токио также приехал работник фирмы Сугиура Кёдай (杉浦久大), переводчик Камбэ Оити (神戸応一) и Мурамацу Айдзō (村松愛蔵) [18, с. 53; 31, с. 799], который был одним из первых выпускников русского отделения Токийской школы иностранных языков [32, с. 771]. До августа 1884 г. во Владивостоке также работал Мацусита Тэцусабурō (松下鉄三郎), будущий второй глава фирмы Марудзэн (丸善) [14, с. 160; 16, с. 290] (фото 3). Марудзэн была сильно связана с Внешнеторговой компанией, в частности, её первый глава Хаяси Ютэки (早矢仕有的), выпускник университета Кэйō гидзюку, входил в руководство и Внешнеторговой компании, и Валютного банка Йокогама [8, с. 82]. Основателем Кэйō гидзюку был упомянутый выше Фукудзава Юкити, и среди причастных к Внешнеторговой компании лиц было много соратников Фукудзава и выпускников этого университета.

¹ После Второй мировой войны банк был переименован в Токийский (東京銀行), и после нескольких слияний в настоящее время он является частью банка Mitsubishi UFJ Financial Group (MUFJ).

По сведениям Сугияма Кимико, владивостокское отделение компании было основано 22 декабря 1880 г., когда был открыт магазин [29, с. 2]. В ходатайстве Сугиура Кюдэй о продаже ему владивостокского отделения (см. об этом в § 3), датой основания отделения указан 13-й год Мэйдзи (1880 г.), что подтверждает сведения Сугияма [10, кадр 4а (906)]². Журналист Хигути Рёка, однако, датирует это событие 14-м годом Мэйдзи (1881 г.) [37, с. 17].

Это была первая японская торговая компания во Владивостоке – до неё существовали только частные лавки. На этапе подготовки к открытию она размещалась в одной из комнат в здании торгового агентства, что лишний раз свидетельствует о связи проекта с правительством Японии. Позже, 22 декабря, была снята комната в доме Демби, который располагался через дорогу, там и открылся магазин (ул. Пекинская, д. 29; современный адрес: Океанский пр., д. 9/11, или ул. Адмирала Фокина, д. 25).

Компания занималась продажей широкого ассортимента товаров: табака, нефтяных продуктов, плиточного чая, муки, риса, осветительного масла и т.п. [29, с. 2]. Дела шли хорошо, и через два месяца после открытия была предпринята торговая вылазка в Хабаровск. Маэда пригласил в компаньоны ещё одного владивостокского предпринимателя Арита Иносукэ (有田伊之助), и они отправились в Хабаровск на санях 12 февраля. С 1881 г. отделение Внешнеторговой компании стало планировать расширение [4, с. 65]. В конце весны – начале лета Маэда вернулся в Токио, закупил товары, оставшиеся с Токийской промышленной выставки, и привёз их во Владивосток [13, с. 292]. Товары были приобретены со скидкой 70–80% от их изначальной стоимости, и, вероятно, их последующая продажа была очень выгодной [28]. В сентябре 1881 г. у американца Купера за 18 тысяч рублей был приобретён дом по соседству вместе с землёй [4, с. 65; 3, с. 83]. Внутри дома был сделан ремонт и с января 1882 г. магазин открылся в новом здании [30, с. 26]. Вероятно, имеется в виду дом № 29 по ул. Пекинской, в наше время не сохранившийся (фото 4).

Маэда обратил внимание на пристрастие русских к чаю. Собрав образцы популярных в России сортов, а также пользующихся спросом видов сигар и папирос, галантерейных изделий, консервов, он отправил их в Японию. Работники фирмы на японской стороне должны были найти в продаже или заказать производство таких же товаров, чтобы потом экспортировать их во Владивосток [13, с. 292]. Видимо, чайный спрос действительно был большим, потому что заинтересовал даже государство. В июле 1881 г. Министерство сельского хозяйства и промышленности Японии поручило Внешнеторговой компании продать во Владивостоке небольшую пробную партию чёрного чая, сделанного на государственном предприятии. Предполагалось изучить спрос русских на такой товар [14, с. 167]. Магазин завлекал покупателей и подарками: почётным гостям предлагался чай и сладости, а простым покупателям дарили пакеты с мандаринами, бывшими тогда большой редкостью во Владивостоке [29, с. 3].

Маэда также начал подыскивать товары, которые можно было бы экспортировать в Японию. В первую очередь он оценил хорошие перспективы от продажи рыбы. Став пионером японской рыбодобычи в Приморье в 1881 г., он отправил в Токио около 170 000 голов солёных лососёвых. Это был первый случай импорта рыбы из России в Японию [13, с. 292]. Добычу и закупку рыбы он организовал даже в Николаевске [17, с. 190–191]. Ещё до поступления на работу во Внешнеторговую компанию он приобрёл большой опыт в торговле морепродуктами, и одной из его главных целей в работе в этой фирме было освоение морских ресурсов российского Приморья [18, с. 54]. В 1882 г. он также совершил поездку по Сибири,

² Здесь и далее под кадром понимается порядковый номер страницы цифровой копии документа, на которой воспроизводятся одна или две страницы оригинала. В случае, если на цифровом изображении воспроизводятся две страницы (разворот) документа, то при ссылках на кадр страница справа обозначается русской буквой "б", слева – "а". В случае, если в кадре указан его технический номер, он приводится дополнительно в скобках после порядкового номера.

Фото 1. Отделение Йохогама спеши банка во Владивостоке, 1920-е гг. (в настоящее время – здание Арсеньевского музея).

Источник: [11, с. [36]].

Foto 1. Yohokama Specie Bank Vladivostock Branch, 1920-s (presently – Arseniev Museum building).

Source: [11, с. [36]].

результатом которой было заключение сделки с купцом из Благовещенска по фамилии Кандинский [16, с. 88].

Всего он пробыл во Владивостоке три года, но позже разошёлся с руководством фирмы во взглядах на будущее торговли в России. Он написал подробную докладную записку о перспективах этой торговли, но руководство компании, не владея достаточной информацией с места, не приняло его идей. Маэда уволился и вернулся в Японию в 1882 г. [13, с. 292]. Уезжая, он сдал дела Сугиура Кёдай [18, с. 55]. Главой отделения Внешнеторговой компании после него был некто Киносита (木下) [36, с. 6]. Компания Окура-гуми (大倉組) решила воспользоваться опытом Маэда и выйти на российский рынок, предложила ему новую работу во Владивостоке. Однако он отказался [18, с. 55; 31, с. 800].

Успеху компании способствовало установление регулярных пароходных линий между Владивостоком и Японией. Так, в 1881 г. по прошению Маэда была открыта линия пароходства Мицубиси [18, с. 53]. Впервые корабль этого маршрута Цуруга-мару (敦賀丸; в прошлом – Luzon) пришёл из Нагасаки во Владивосток 5 августа 1881 г. Работники пароходства Мицубиси использовали одну из комнат Внешнеторговой компании как свою контору [29, с. 3]. Позднее фирма Сугиура так же займётся пароходными перевозками.

Для перевозок товаров Внешнеторговая компания совместно с компанией "Ниигата буссан" (新潟物産会社) арендовали пароход Тоёсима-мару (豊島丸; в прошлом – Yen-Tai). 30 ноября 1880 г. в порту Синагава на него была погружена первая партия товаров – рис, пшеница, мандарины, спиртное, соевый соус и т.п., и через Хакодатэ корабль пошёл во Владивосток. Директором "Ниигата буссан" был Нисиваки Тэйдзирō (西脇悌次郎), выпускник университета Кэйō гидзюку и близкий ученик и соратник Фукудзава Юкити. Нисиваки был и управляющим директором во Внешнеторговой компании, и участвовал в создании Валютного банка Йохогама. Именно Фукудзава предложил ему развивать торговлю между Ниигата и Владивостоком. Первый рейс Тоёсима-мару имел коммерческий успех, и далее было

Фото 2. Маэда Матахэй.

Источник: [33, p. 303].

Foto 2. Matahei Maeda.

Source: [33, p. 303].

предпринято ещё несколько таких рейсов [27, с. 183; 16, с. 87].

Вскоре после открытия магазина компания получила большой государственный подряд. По свидетельству журналиста Оба Какō, российские власти обратились к тогдашнему японскому торговому агенту Тэрами Киити (寺見機一) с предложением построить мукомольный завод в городе руками японцев. Объяснялось это тем, что "в Сибири много, где производят муку, но доставлять её до Владивостока нечем, потому все поставки для армии осуществляются морем из Америки, что неудобно". Видимо, Тэрами был изрядно этим обрадован, поскольку поспешно отправился в Японию на переговоры. Выгодное предложение заинтересовало и МИД, и Минфин Японии. В итоге договорились делать поставки с мельниц, находившихся в ведении Минфина. Строительство мельницы во Владивостоке осуществлено не было. От Тэрами поступило также предложение не ограничиваться мукой, а вести ещё и галантерейную торговлю. В результате было решено развивать торговлю с Россией в целом и поручить это Внешнеторговой компании [25, с. 217; 39, с. 15].

Оба не указывает дат этих событий, но выявленные нами архивные документы свидетельствуют, что в 1882 г. были осуществлены поставки для военно-морского флота. Следовательно, обращение российских властей к Тэрами должно было состояться в 1881 г. или ранее. В 1883 г. последовало такое же обращение от армейского командования с предложением сделать поставки муки регулярными. На переговорах с российской стороны был глава интендантского отдела Восточно-Сибирского военного округа Люба (ГАЯ 平23財務01072100. Документ № 18. Л. [2а-4а])³. Мука поставлялась с мукомольного завода в Фукагава-Ќигибаси в Токио через порт Нагасаки. Позже – с мельниц в Асакуса. Минфин разработал подробные инструкции по поставкам, на месте процессом приёма заведовал Тэрами. Муку разрешалось продавать и не только армейскому командованию, но покупателям должен был одобрить торговый агент. Он же принимал у фирмы оплату за проданную муку и писал отчёты по продажам в Минфин Японии (АВПМЯ 未分類 170, л. [3а-8а], [26а])⁴ [37, с. 17].

Это – ещё одно наглядное свидетельство тесного взаимодействия правительства Японии с Внешнеторговой компанией. На наш взгляд, именно поддержка правительства и содействие торгового агента на месте внесло большой вклад в успех предприятия.

³ ГАЯ – Государственный архив Японии (Кокурицу комондзёкан 国立古文書館)

⁴ АВПМЯ – Архив внешней политики МИД (Японии) (Гаймусё гайкō сирёкан 外務省外交史料館)

Предпосылки возникновения Торгового дома Сугиура

Хотя во владивостокском отделении шёл стабильный рост, менее чем через пять лет после его открытия обанкротилась головная контора Внешнеторговой компании. Причиной тому послужил мировой коллапс цен на шёлк-сырец, главный экспортный товар компании [14, с. 170].

Этому кризису предшествовали и политические перемены в Японии после падения влияния Ёкума Сигэнобу в октябре 1881 г. Из руководства Валютного банка Ёкогама постепенно были удалены соратники Фукудзава Юкити, и произошло изменение политики Минфина Японии, резко прекратившего поддерживать Внешнеторговую компанию. Новое политическое руководство страны не желало продолжать начинания предшественников как по причине политических разногласий, так и потому что деятельность Внешнеторговой компании стала экономически не выгодной⁵. Отделение во Владивостоке, хотя оно и было в определённой степени самостоятельным, тоже было решено закрыть.

Против этого возражал Сугиура

Кёдай, видевший большой потенциал в торговле во Владивостоке. Он убеждал других пайщиков, что если закрыть дело во Владивостоке, то выгодную нишу тут же займут американские и европейские коммерсанты, и шанс японцев будет потерян. Однако его инициатива не была поддержана основной массой держателей акций, и отделение было закрыто [37, с. 17].

Тогда Сугиура вызвался сам продолжить дело, и владивостокский филиал был продан ему на выгодных условиях с рассрочкой выплаты. Документы о передаче дел сохранились в ГАЯ, и в них описано рвение Сугиура [10, кадр 3а (905), 7а (909)]. Управляющим владивостокского отделения в бумагах о передаче дел значится Нисимура Ёсидзирё (西村芳次郎) (АВПМЯ 未分類238, л. [14а]).

Итак, после небольшого простоя магазин открылся заново под вывеской "Торговый дом Сугиура". Точная дата открытия не известна, но, как то следует из упомянутых документов, дела были фактически переданы в июне 1886 г., после чего магазин ещё какое-то время работал под вывеской Внешнеторговой компании. На первых порах Сугиура выкупил товары, а здание магазина арендовал [10, кадр 1а (903), 4а-5б (906-907)].

Существовавшая некоторое время двойственность положения магазина – то есть вывеска Внешнеторговой компании при том, что управление было уже в руках Сугиура, – прослеживается и в свидетельствах современников. Военный атташе Хагино Суэкичи (萩野末吉) в записях о прибытии во Владивосток в мае 1885 г. упоминает Внешнеторговую компанию [35, с. 207], но в записях с октября того

Фото 3. Мацусита Тэцудзирё.

Источник: [16, с. 294].

Foto 3. Tetsujirō Matsushita.

Source: [16, с. 294].

⁵ Подробнее см.: [8, с. 80–108; 14, с. 166–171].

Фото 4. Вид на Владивосток в конце 1880-х гг. (фрагмент с улицей Пекинской). Посередине светлое здание магазина Сугиура.

Источник: [5, с. [70]].

Foto 4. A view of Vladivostok in the end of 1880-s (a fragment with Pekinskaya street). In the middle is the light-colored building of Sugiyura Store.

Source: [5, с. [70]].

же года – уже только Торговый дом Сугиура [35, с. 210]. Курода Киётака (黒田清隆), в то время советник кабинета министров Японии, посетил Владивосток с 7 по 13 июля 1886 г. В его записях значится Внешнеторговая компания [15, с. 21, 27], а Сугиура упоминается только как работник компании наряду с Нисимура Ёсидзирō [15, с. 31]. В документах Сугиура Рёкити основание фирмы относится к январю 1885 г. [19, кадр 37а (528)].

В переходный период здание было выкуплено правительством Японии и временно переведено в ведение владивостокского торгового агентства, его дальнейшая судьба решалась между Минфином и МИД Японии (АВПМЯ 未分類238, л. [3а–10а]). Прощение о полной продаже владивостокского филиала Внешнеторговой компании от имени Сугиура Кёдай подписано 22 февраля 1887 г. [10, кадр 5а (907)]. Ещё на переходном этапе Сугиура Кёдай произвёл некоторые перемены в управлении, в частности, расширил асортимент товаров, и тем самым поднял продажи. Это отмечается и самим Сугиура и в отчёте Тэрамы [10, кадр 4а (908), 7а–8б (909–910)].

О Сугиура Кёдай известно мало. Он происходил из самурайского сословия, уроженец современной префектуры Ниигата. Отец – Сугиура Тосиюки (杉浦利之). В японских адресных справочниках за разные года указаны разные адреса. За 1889 и 1890 гг. указано, что он занимается торговлей и проживает во 2-м квартале района Китамаки (北槓町) округа Нихонбаси в Токио [20, с. 669; 21, с. 669]. В справочнике за 1896 г. указано, что он занимается зерновой и галантерейной торговлей, проживает опять в 15-м квартале района Ниси Кавагиси [22, с. 812]. Этот же адрес указан в документах о передаче дел с указанием более ранней даты, 22 февраля 1887 г. [10, кадр 5б (907)]. Этот же район (хотя без указания номера квартала) значится за ним в записной адресной книжке Хасэгава Тацуносукэ (長谷川辰之助). Там же указано, что по этому адресу находился магазин Сугиура и в нём работает некто Танака Митидзō (田中道三) [34, с. 590]. В справочниках за 1897 и 1899 гг. Сугиура значится проживающим по тому же адресу, но сферой его деятельности указана только галантерейная торговля [23, с. 738; 24, с. 586]. Можно предположить, что в эти годы он заведовал японской стороной операций, отправляя японские товары во Владивосток. В справочниках, начиная с издания 1900 г., он уже не упоминается. Поскольку во Владивостокском адресном справочнике за тот же 1900 г. он указан как житель города, вероятно, он переехал во Владивосток между 1899 и 1900 гг. Дом, в котором он проживал, оценивался в 72 000 рублей [1, с. 218].

Заключение

Исследовав собранные нами материалы, мы восстановили основную канву истории возникновения и становления Торгового дома Сугиура во Владивостоке. В частности, нами была исследована предыстория и предпосылки возникновения фирмы, деятельность Владивостокского филиала Внешнеторговой компании. Собранные данные о первом главе компании Маэда Матахэй и о содержании его торговых операций. Поддержка МИД и Минфин Японии способствовала росту и успеху фирмы, а её закрытие не было напрямую связано с деятельностью во Владивостоке. Экономические неудачи головной Внешнеторговой компании и политические перемены в Японии привели к сворачиванию деятельности во всех филиалах, в том числе во Владивостоке. Однако этот процесс привел к появлению фирмы Сугиура. В статье исследован процесс перехода от Внешнеторговой компании к Торговому дому Сугиура, прослежено становление и развитие фирмы в первые годы её существования. Собранные сведения о первом главе этой фирмы, Сугиура Кёдай.

Собранные архивные документы, литература и свидетельства современников позволили прояснить ранее непонятные моменты в истории Торгового дома Сугиура, а также уточнить некоторые данные, публиковавшиеся отечественными и японскими исследователями.

Автор выражает глубокую благодарность друзьям и коллегам В.П. Зайцеву (Санкт-Петербург), З.Ф. Моргун (Владивосток) и Фудзимото Вакио (Осака) за помощь в работе над текстом и сборе материалов для настоящей статьи.

Литература

1. Адресь-календарь крѣпости Владивостока Приморской области на 1900 г. Владивостокъ: Типографія Приморскаго Областнаго Правленія, 1900.
2. Барышев Э.А. Мотоно Итиро (1862–1918) – яркий представитель политики здравого смысла // Япония. 2009. № 38. С. 323–344.
3. Матвѣев Н.П. Краткій историческій очеркъ г. Владивостока 1860–1910 г.г. Владивостокъ: Типографія Н.П. Матвѣева, 1910.
4. Моргун З.Ф. Японская мозаика Владивостока. 1860–1937: Научно-популярное издание о картине жизни Владивостока на примере японской диаспоры. Владивосток: Приморский государственный Музей имени В.К. Арсеньева, 2014.
5. Старый Владивосток = 古都ウラジオストク: фотографии, видовые открытки, исторические документы, письма, газеты, книги, карты, чертежи, ордена и медали, навигационные приборы, инструменты, предметы быта, произведения декоративно-прикладного искусства из собрания Приморского государственного объединенного музея имени В.К. Арсеньева: [альбом] / [авт. текста и сост. Борис Дьяченко]. Владивосток: Утро России, 1993.
6. Тамура Айка. Из истории торгово-промышленной деятельности японцев на Дальнем Востоке России (1870–1922 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 1 (55). С. 121–129.
7. Тамура Айка. Японская иммиграция на Российский Дальний Восток во второй половине XIX – первой трети XX в.: по источникам и литературе на японском языке: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Владивосток, 2007.
8. 朝吹英二君伝 / 大西理平編. – 東京: 大空社, 二〇〇〇年. – (伝記叢書331) = Биография Асабуки Эйдзи / Ониси Рихэй хэн. Токио: Одзorasя, 2000. (Дэнки сōсё 331).
9. 貿易商會設立趣意書 // 交詢雜誌. – 明治十三年. – 第十七號. – 10–22頁. = Проспект Внешнеторговой компании // Кōдзюн дзасси. 1880. № 17. С. 10–22.
10. 在露領浦潮港貿易商會支店地所建物ヲ杉浦久大ハ私下処分ノ件 = По вопросу о продаже земли и зданий филиала Внешнеторговой компании в российском порту Владивосток // URL: <https://www.digital.archives.go.jp/img/2467049> (дата обращения: 21.02.2022).
11. 横濱正金銀行全史. 第六卷. – 東京: 東京銀行, 昭和五九年 = Полная история Валютного банка Йокогама. Т. 6. Токио: Тōкё гинкō, 1984.
12. イコリ R. サヴエリエフ. 移民と国家: 極東ロシアにおける中国人、朝鮮人、日本人移民. – 東京: 御茶の水書房, 2005 = Игори Р. Савэриэфу. Миграция и государство: китайская, корейская, японская диаспора на Дальнем Востоке России. Токио: Отяномидзу сёбō, 2005.
13. 開校廿周年記念東三河産業功勞者傳 / 豊橋市立商業學校編. – 豊橋: 豊橋市立商業學校, 昭和十八年 = В память о 20-летию открытия школы: биографии выдающихся деятелей промышленности Хигасимикава / Тоёхаси сирицу сёгё гаккō хэн. – Тоёхаси: Тоёхаси сирицу сёгё гаккō, 1943.
14. 木山美. 近代日本と三井物産: 総合商社の起源. – 京都: ミネルヴァ書房, 2009 = Кияма Минору. Современная Япония и Мицци буссан: истоки многопрофильной торговой компании. Киото: Минэрува сёбō, 2009.
15. 黒田清隆. 環游日記. 上編. [s. l.]: [s. n.], [1887] = Курода Киётака. Дневник кругосветного путешествия. Т. 1. [б. м.]: [б. и.], [1887].
16. 丸善百年史: 日本近代化のあゆみと共に. 上巻. – 東京: 丸善, 昭和五十五年 = Сто лет истории Марудзэн: вместе с ходом модернизации Японии. Т. 1. Токио: Марудзэн, 1980.
17. 丸善百年史: 資料編. – 東京: 丸善, 昭和五十六年 = Сто лет истории Марудзэн: материалы. Токио: Марудзэн, 1981.
18. 前田又平翁傳 / 和田鼎編. – 東京: 和田鼎, 大正八年 = Биография почтенного Маэда Матахэй / Вада Канаэ хэн. Токио: Вада Канаэ, 1919.
19. 日露戦役個人損害関係法律並二勅令二基ク救恤金関係雑件 / 申請書 / 府県庁經由ノ部 第二卷 / 1. 東京府 / 分割6 = Разное по фонду помощи личному ущербу в японско-русскую войну на основе законов и императорских указов / Прошения / Проходящее через управления префектурами т. 2 / 1. Токийская префектура / подраздел 6 // URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/B09072816200> (дата обращения: 21.02.2022).
20. 日本紳士録第一版. – 東京: 交詢社, 明治廿二年 = Список японских джентльменов, издание 1. Токио: Кōдзюнся, 1889.
21. 日本紳士録第二版. – 東京: 交詢社, 明治廿五年 = Список японских джентльменов, издание 2. Токио: Кōдзюнся, 1892.
22. 日本紳士録第三版. – 東京: 交詢社, 明治廿九年 = Список японских джентльменов, издание 3. Токио: Кōдзюнся, 1896.
23. 日本紳士録第四版. – 東京: 交詢社, 明治三十年 = Список японских джентльменов, издание 4. Токио: Кōдзюнся, 1897.
24. 日本紳士録第五版. – 東京: 交詢社, 明治三十二年 = Список японских джентльменов, издание 5. Токио: Кōдзюнся, 1899.

25. 大庭柯公. 露国及び露人研究. – 東京: 中央公論社, 昭和五十九年 = Оба Какō. Исследования России и русских. Токио: Тьюкōронся, 1984.
26. 大隈文書. 第四卷. – 東京: 早稲田大學社會科學研究所, 昭和三十六年 = Документы Окума. Т. 4. Токио: Васэда дайгаку сьякай кагаку кэнкюдзэ, 1961.
27. 沢田和彦. 日露交流都市物語. – 東京: 成文社, 2014 = Савада Кадзухико. Повесть о городах японско-российской дружбы. Токио: Сэйбунся, 2014.
28. 新聞 // 讀賣新聞. – 明治十四年七月一日. – 第九百三拾二號. – 一、二面 = Новости // Ёмиури симбун. 1 июля 1881 г. № 1932. С. 1–2.
29. 杉山公子. 日本人商店の登場 // セーヴエル. – 1996年4月. – 2号. – 1–7頁 = Сугияма Кимико. Появление японских магазинов // Сэвэру. Апрель 1996. № 2. С. 1–7.
30. 杉山公子. ベキンスカヤの "日本人ビル" // セーヴエル. – 2003年12月. – 18号. – 25–31頁 = Сугияма Кимико. "Японское здание" на Пекинской // Сэвэру. Декабрь 2003. № 18. С. 25–31.
31. 田原町史. 下巻. – 田原: 田原町: 田原町教育委員会, 昭和五十三年 = История города Тахара. Т. 3. Тахара: Тахара тэ: Тахара тэ кёику иинкай, 1978.
32. 東京外国語大学史: 独立百周年(建学百二十六年)記念: [本編]. – 東京: 東京外国語大学, 一九九九(平成十一)年 = История Токийского университета иностранных языков: к 100-летию обособления (126-летию основания): [Основной том]. Токио: Тōкё гайкокуго дайгаку, 1999.
33. 藤島宇太. 明治昭代史. – 東京: 大正協會, 大正四年 = Фудзисима Утай. История светлой эпохи Мэйдзи. Токио: Тайсё кёкай, 1915.
34. 二葉亭四迷全集. 第六卷. – 東京: 筑摩書房, 平成元年 = Полное собрание сочинений Футабатэй Симэй. Т. 6. Токио: Тикума сёбō, 1989.
35. 萩野末吉. 浦潮駐在と西伯利視察 // 偕行社記事. – 昭和十二年七月. – 第七百五十四號. – 205–238頁 = Хагино Сузукити. Служба во Владивостоке и инспекционная поездка по Сибири // Кайкōся кидзи. – июль 1937 г. № 754. С. 205–238.
36. 哈爾濱乃概念. – 哈爾濱: 哈爾濱日本商業會議所, 大正十五年 = О Харбине. Харбин: Харубин Нихон сёгё кайгисё, 1926.
37. 樋口菱花. 浦潮大成功者杉浦君 実業經營談 // 成功. – 明治三十七年四月十五日. – 第四卷第三號. – 16–19頁 = Хигути Рёка. Г-н Сугиура, очень успешный во Владивостоке: рассказ об управлении коммерцией // Сэйкō. 15 апреля 1904 г. Т. 4, № 3. С. 16–19.
38. 久松義典. 北海道新策. – 東京: 前野長發, 明治廿五年 = Хисамацу Ёсинори. Новая политика Хоккайдо. Токио: Маэно Тёхацу, 1892.
39. 堀江満智. ウラジオストクの日本人街. – 東京: 東洋書店, 2005 = Хориз Мати. Японские улицы Владивостока. Токио: Тōё сётэн, 2005.

References

1. Adress-Calendar of Vladivostok Citadel in Primorskii Region for Year 1900. Vladivostok: Primorskii Regional Government Publishing Office, 1900 (In Russ.).
2. Baryshev E.A. Ichiro Motono (1862–1918) – A Bright Representative Of Common Sense Politics // Yaponiya. 2009. № 38. P. 323–344 (In Russ.).
3. Matveev N.P. Brief Historic Essay of Vladivostok City, Years 1860–1910. Vladivostok: N.P. Matveev Publishing House, 1910 (In Russ.).
4. Morgun Z.F. Japanese Mozaique of Vladivostok. 1860–1937: Popular Science Publication on Vladivostok's Life Picture With Japanese Diaspora as an Example. Vladivostok: Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History, 2014 (In Russ.).
5. Old Vladivostok: Photographs, View Cards, Historic Documents, Letters, Newspapers, Books, Maps, Plans, Orders, and Medals, Navigation Tools, Tools, Daily Life Utencils, Objects of Decorative and Applied Art from the Collection of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History: [album] / [auth. and ed. Boris D'yachenko]. Vladivostok: Utro Rossii, 1993 (In Russ.).
6. Tamura Aika. From the History of Trade-Industrial Activity of the Japanese in the Japanese in the Russian Far East (the 1870s – 1922) // Rossiya i ATR. 2007. № 1 (55). P. 121–129 (In Russ.).
7. Tamura Aika. Japanese Immigration to Russian Far East in the Second Half of XIX- Firdt Third of XX c.: Based on Sources and Literature in Japanese Language: Thesis ... of Candidate of Historic Sciences: 07.00.03. Vladivostok, 2007 (In Russ.).
8. The Biography of Asabuki Eiji / Ed. Ōnishi Rihei. Tokyo: Ōzorasha, 2000. (Denki Sōsho; 331) (In Jap.).
9. Foreign Trade Company Foundation Prospectus // Kojun Zasshi. 1880. № 17. P. 10–22 (In Jap.).
10. Regarding the selling of land and buildings of Foreign Trade Company's branch in Russian port Vladivostok // URL: <https://www.digital.archives.go.jp/img/2467049> (accessed 21.02.2022). (In Jap.).
11. Complete History of Yokohama Specie Bank. V. 6. Tokyo: Tōkyō Ginkō, 1984 (In Jap.).
12. Igori R. Saveriefu. Migration and State: Chinese, Korean, Japanese Diaspora in Russian Far East. Tokyo: Ochanomizu Shobō, 2005 (In Jap.).
13. In Commemoration of 20 Years of School Foundation: Biographies of Outstanding Persons of Higashimikawa Industry / Ed. Toyohashi Shiritsu Shōgyō Gakkō. – Toyohashi: Toyohashi Shiritsu Shōgyō

Gakkō, 1943 (In Jap.).

14. Kiyama Minoru. Modern Japan And Mitsui Bussan: The Roots of The General Trading Company. Kyoto: Mineruva Shobō, 2009.

15. Kuroda Kiyotaka. A Diary of The Travel Around The World. V. 1. [s. l.]: [s. n.], [1887] (In Jap.).

16. One Hundred Years of Maruzen History: Together With The Modernization of Japan. V. 1. Tokyo: Maruzen, 1980 (In Jap.).

17. One Hundred Years of Maruzen History: Materials. Tokyo: Maruzen, 1981 (In Jap.).

18. Biography of the Honorable Maeda Matahei / Ed. Wada Kanae. Tokyo: Wada Kanae, 1919 (In Jap.).

19. Miscellaneous Documents on Russo-Japanese War Private Damage Salvation Fund Based on Laws and Imperial Orders/ Applications/ Via Prefectural Offices Volume 2/ 1. Tokyo Prefecture/ Section 6 // URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/B09072816200> (accessed 21.02.2022). (In Jap.).

20. A Record of Japanese Gentlemen, 1st Edition. Tokyo: Kōjunsha, 1889 (In Jap.).

21. A Record of Japanese Gentlemen, 2nd Edition. Tokyo: Kōjunsha, 1892 (In Jap.).

22. A Record of Japanese Gentlemen, 3rd Edition. Tokyo: Kōjunsha, 1896 (In Jap.).

23. A Record of Japanese Gentlemen, 4th Edition. Tokyo: Kōjunsha, 1897 (In Jap.).

24. A Record of Japanese Gentlemen, 5th Edition. Tokyo: Kōjunsha, 1899 (In Jap.).

25. Ōba Kakō. A Study of Russia and Russians. Tokyo: Chūōkōronsha, 1984 (In Jap.).

26. Okuma Documents. V. 4. Tokyo: Waseda Daigaku Shakai Kagaku Kenkyūjo, 1961.

27. Sawada Kazuhiko. A Tale of the Cities of Japan-Russia Friendship. Tokyo: Seibunsha, 2014 (In Jap.).

28. News // Yomiuri Shimbun. July 1, 1881. № 1932. P. 1–2 (In Jap.).

29. Sugiyama Kimiko. The Emergence of Japanese Shops // Sēveru. April 1996. No. 2. P. 1–7 (In Jap.).

30. Sugiyama Kimiko. "Japanese Building" on Pekinskaya Street // Sēveru. December 2003. No. 18. P. 25–31 (In Jap.).

31. Tahara Town History. V. 3. Tahara: Tahara Chō: Tahara Chō Kyōiku linkai, 1978 (In Jap.).

32. The History of Tokyo University of Foreign Studies: 100 Years of Independence (126 Years of Foundation): [Main Book]. Tokyo: Tōkyō Gaikokugo Daigaku, 1999 (In Jap.).

33. Fujishima Utai. The History of the Enlighted Meiji Era. Tokyo: Taishō Kyōkai, 1915 (In Jap.).

34. A Complete Collection of Works by Futabatei Shimei. V. 6. Tokyo: Chikuma Shobō, 1989 (In Jap.).

35. Hagino Suekichi. Station in Vladivostok And Inspection Travel in Siberia // Kaikōsha Kiji. July 1937. № 754. P. 205–238 (In Jap.).

36. Harbin General Guide. Harbin: Harubin Nihon Shōgyō Kaigisho, 1926 (In Jap.).

37. Higuchi Ryōka. Mr. Sugiura, A Big Succes Man in Vladivostok: A Story of Commerce Management // Seikō. April 15, 1904. V. 4, № 3. P. 16–19 (In Jap.).

38. Hisamatsu Yoshinori. The New Politics of Hokkaido. Tokyo: Maeno Chōhatsu, 1892 (In Jap.).

39. Horie Machi. Japanese Streets of Vladivostok. Tokyo: Tōyō Shoten, 2005 (In Jap.).

Вадим Александрович БУШМАКИН, PhD, независимый исследователь, г. Канадзава, Япония, e-mail: rossiajin@yandex.ru

Vadim A. BUSHMAKIN, PhD, Independent Researcher, Kanazawa, Japan, e-mail: rossiajin@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 17.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 26.11.2023

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2023

Революция 1917 года в России на страницах китайских газет

Диюйцион ЦЗИНЬ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, tczin.di@dvfu.ru

Аннотация. В статье анализируются материалы китайской прессы, посвященные революционным событиям 1917 г. в России, которые пока не были введены в научный оборот в российской историографии. На основе фронтального изучения публикаций в китайской периодической печати выявляется интенсивность освещения революционных событий в России, показаны изменения в источниках информации. Делается вывод о значении публикаций в периодической печати для изучения отношения китайского общества к происходящим в России событиям и ответных политических шагов Китая, которые также отражались в китайской прессе.

Ключевые слова: Гражданская война в России, российская революция, общественное мнение Китая, китайская пресса, русско-китайские отношения

Для цитирования: Цзинь Диюйцион. Революция 1917 года в России на страницах китайских газет // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 71–78. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/71-78>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/71-78>

The 1917 Russian Revolution on the pages of Chinese newspapers

Diyuqiong JIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, tczin.di@dvfu.ru

Abstract. The article analyzes materials from the Chinese press, devoted to the Russian revolutionary events in 1917, which have not been introduced into scientific circulation in Russian historiography yet, and is based on a frontal study of publications in the Chinese periodical press. It reveals the intense coverage of the revolutionary events in Russia, shows the changes in the sources of information. The conclusion is made about the importance of publications in the periodical press for studying the attitude of Chinese society towards events taking place in Russia and China's political responses, which were also reflected in the Chinese press.

Keywords: The Civil War in Russia, the Russian Revolution, Chinese public opinion, the Chinese press, Russian-Chinese relations

For citation: Jin Diyuqiong. The 1917 Russian Revolution on the pages of Chinese newspapers // Oriental Institute Journal. 2023. No. 4. P. 71–78. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/71-78>

Введение

Изучение революции 1917 г. в России в настоящее время нуждается в дальнейшей разработке, и одним из направлений этого изучения является отношение к событиям в России в разных странах. Особое место в ряду этих стран занимает Китай. Объясняется это прежде всего тем, что Китайская Республика в недавнем прошлом пережила Синьхайскую революцию и реорганизацию своих политических институтов, а также глубокую трансформацию культуры и идеологии, что создавало контекст для невольных сравнений исторического пути двух государств. Революция в России оказала значительное влияние на общественные настроения в Китае, позволив китайцам увидеть новые возможности политического, экономического и идеологического управления своей страной. С этого момента в Китае начал распространяться марксизм, породивший новое (хотя и немногочисленное) поколение интеллектуалов, убежденных в необходимости систематических социалистических преобразований.

Цель статьи – на основе анализа китайской периодической печати, материалы которой пока практически не введены в научный оборот в российской историографии, показать роль китайских средств массовой информации в формировании отношения к событиям русской революции в китайском обществе.

Результаты исследования

Следует заметить, что события революции и Гражданской войны в России совпали с особым периодом в жизни самой китайской периодической печати. На её развитие оказали влияние несколько факторов. После основания Китайской Республики в 1912 г. Нанкинское Временное правительство немедленно приступило к реализации принципа свободы печати в соответствии со стандартами передовых западных стран. В стране появилось новое законодательство о печати, гарантировавшее защиту права народа на свободу слова и печати. На фоне популяризации демократических ценностей отмечается значительный рост авторитета журналистов и прессы в китайском обществе [13, с. 153]. Уже в 1916 г. в Китае насчитывалось 286 наименований газет. Самыми влиятельными из них были "Дагунбао", основанная в 1902 г. в Тяньцзине и "Шэньбао" – одна из старейших газет в Китае, которая была основана в Шанхае в 1872 г. Первоначально газета принадлежала британским владельцам, а затем ее продали китайцам. К началу 1920-х гг. ее тираж составлял 50 тыс. экземпляров. Уже в 1921 г. в стране насчитывалось 1134 газеты и других периодических изданий, в том числе 550 ежедневных газет. Из них – 125 выходило в Пекине, 36 – в Ханькоу, 29 – в Гуанчжоу, 28 – в Тяньцзине, 25 – в Цзинане и 23 – в Шанхае [13, с. 163]. Росло не только количество газет и других периодических изданий, но и их тираж. Все это делает китайскую периодическую печать важным источником для изучения отношения Китая к событиям в России и, в частности, к русской революции.

Первые сообщения о революционных событиях в России появились в китайской прессе уже в марте 1917 г. С 18 марта по 1 апреля 1917 г. газета "Дагунбао" ежедневно публиковала сообщения о русской революции. Иногда их количество в одном номере достигало 3–4. На её страницах была опубликована серия статей под названием "Подробности революции в России" (俄國革命詳報). В первой же статье из этой серии указывалось, что вся информация в тексте исходит от филиала агентства "Рейтер" в Харбине [15, с. 2].

В следующей статье из серии был представлен анализ социальных противоречий, приведших к революционным событиям в России. Среди них назывались противоречия между царским правительством и "революционной партией" (革命黨); острая нехватка продовольствия накануне революции и вызванные ей беспорядки, а также общественное недовольство императором (упоминается, что в русском народе считалось, что император по большей части немец и не может быть лояльным к русскому народу, его действия также сковывает вмешательство женщин в политику, серьезно сказывающееся на административной эффективности) [15, с. 3]. Несмотря на выглядящий логичным анализ, он кажется еще очень поверхностным, так как игнорирует более глубокие факторы, приведшие к революции (ущерб экономике и социальной жизни России, причиненный многолетней войной, классовые противоречия, обнищание народа и др.).

Статья в номере от 19 марта, озаглавленная "Подробный отчет о русской революции: российский император отрекся от престола" (俄國革命詳報: 俄皇已退位) [16, с. 2], была в большей степени посвящена событиям вокруг царской семьи. При этом указано, что информация, на основе которой написана статья, поступила из информационных агентств Лондона, Нью-Йорка и Вашингтона, то есть весть об отречении царя сначала распространилась из российской столицы в страны Запада, в том числе США, а уже оттуда в Китай. Несмотря на то что Китай и Россия – соседи, движение новостной информации зачастую шло окольными путями.

Следует признать, что в указанных статьях, безусловно, уже присутствовал анализ исторических событий, но использовалась информация, полученная из "вторых рук", что делало эти материалы скорее повторением существующих текстов, транслирующих взгляд западной прессы на события в России.

20, 21 и 22 марта в газете был опубликован цикл из трех статей под заглавием "Истоки и детали русской революции" (俄國大革命之窮源竟委) [6; 7; 8], в большей степени посвященный анализу причин происходящих событий. В качестве таковых были названы состояние внутренней политики, которая не изменилась

даже "после четырех смен кабинета". Среди причин назывались также противоречие между "прогерманским" и "контргерманским" течениями в России, а также проблема нехватки продовольствия. В отдельной статье, посвященной дефициту продовольствия в России, эта проблема рассматривается как результат конфликта между центральным правительством и местными органами власти в вопросах распределения зерна.

Приведенные выше две серии статей, опубликованные в газете, были наиболее близки по времени к февральскому перевороту и заняли наибольший объем, поэтому мы уделили этим текстам особое внимание. Остальные 16 статей о событиях в России, опубликованные в газете "Дагунбао" в марте 1917 г., можно разделить на информационные, аналитические и передовицы.

Содержание информационных текстов сводилось к описанию внутренних дел, дипломатии, экономики, военной и общественной жизни России после февральского переворота (например, "Новая политическая обстановка после русской революции" (俄國革命後之新政局) и т.п.), а также ситуации после февральских событий в районах китайско-российского приграничья (например, "Влияние русской революции на Харбин" (俄國革命影響於哈埠) и т.п.). Официальные документы Временного правительства России были также опубликованы.

Статьи, которые можно отнести к группе аналитических текстов, были в основном посвящены анализу причин февральского переворота и его последствий для внутренней и внешней политики России, например: "Назидание, извлеченное из русского переворота" (俄國政變之教訓) и "Русская революция и мировая война" (俄國革命與歐戰).

В передовых статьях была представлена оценка февральского переворота с точки зрения стран Запада со ссылкой на зарубежные информационные агентства и издания "Таймс" и "Рейтер" [3, с. 3; 17, с. 3; 27, с. 3]. Все эти тексты объединяет то, что в них вообще не фигурируют собственные взгляды и мнения Китая – они лишь передавали мнения правительств других стран о событиях в России и оставались на уровне вторичного перевода текста, без анализа, не говоря уже о суждениях и выводах.

Интерпретируя первые сообщения о русской революции в основных китайских СМИ, опубликованные в марте 1917 г., можно прийти к нескольким выводам.

Во-первых, для публикаций весны 1917 г. характерно сознательно или бессознательно сравнивать русскую революцию с революцией, которая произошла ранее в Китае. Причем в этом сравнении читался намек на то, что внутренняя ситуация в Китае была немного лучше, чем в России, что, вероятно, отражало состояние китайско-российских отношений на данном этапе.

Во-вторых, в начале революции в России большинство китайских газет использовали иностранные источники информации, а сообщения в китайской прессе часто были лишь переводами сообщений из западных СМИ. Такая проблема "вторичности" получаемой информации была затронута в статье "Лю Юйлинь и Россия" (劉玉麟與俄國) в номере газеты за 23 марта 1917 г. [9, с. 2] Лю Юйлинь в это время был чиновником Министерства внешней политики Китайской Республики и, как утверждалось в статье, не доложил своему правительству своевременно и должным образом о социальных волнениях в России, а значит, "вводил страну в заблуждение" (誤國之罪) и "пренебрегал служебным положением" (瀆職). То есть сами китайцы уже осознали значимость информации из первых рук и вред, причиняемый ее отсутствием. Однако из-за слабого развития информационной инфраструктуры, чтобы получить информацию о своих соседях, китайским периодическим изданиям пришлось полагаться на информационные агентства в Европе и США. Поэтому, хотя в китайской прессе и появилось обилие сообщений о событиях русской революции, на самом деле китайские средства массовой информации в то время не имели свободы самостоятельно формировать общественное мнение.

С 1 апреля по 11 ноября 1917 г., то есть в период после Февральской революции и до первых сообщений об Октябрьской, китайские газеты продолжали обращать внимание на внутренние беспорядки в России, давая критические комментарии.

За этот период в изучаемых нами периодических изданиях вышло 42 статьи по данной теме. В то время китайская пресса в целом негативно относилась к ситуации в России. В частности, в статье "Анатомия российских политических течений" (俄國政潮之解剖) Ху Чжэнчжи, известный журналист, один из главных редакторов "Дагунбао", заявил, что председатель Временного правительства А.Ф. Керенский просто "большой политик, использующий текущую ситуацию для достижения собственного успеха", что "теперь правопорядок в России исчез совсем, а армия не имеет боевого духа", поэтому "русский хаос нарастает" [1, с. 2]. Обратим внимание, что слово "хаос" (亂) красной нитью проходит через многие статьи китайских газет о событиях в России.

Однако несмотря на то в некоторых публикациях все-таки отмечалось, что революция в России способствовала свободе вероисповедания, собраний и объединений, свободе слова и прессы, сделала общество "реформированным", китайская пресса в целом мало говорила о достижениях революции.

Следует отметить, что в этот период китайская пресса уже использует более разнообразные источники информации о событиях в России, хотя основными по-прежнему являются информационные агентства западных стран, в основном "Рейтер". Однако, например, источниками статей о ситуации вокруг Внешней Монголии были собственные корреспонденты "Дагунбао", источниками информации для нескольких других статей были японские "Маньчжурская газета" (滿洲日報), "Осака Майнити Симбун" (大阪毎日新聞), а также русские газеты.

Полагаем, что первоначально русская революция застала китайские средства массовой информации врасплох, но постепенно они осознали важность получения и анализа информации о событиях в России и предприняли ряд мер для расширения своих источников.

Также на данном этапе уже обозначились магистральные темы, обсуждавшиеся китайской прессой в связи с социальными переменами в России. Прежде всего, это проблема положения Внешней Монголии. Впервые этот вопрос был поднят в номере за 11 апреля в статье "Власть России во Внешней Монголии" (俄國在外蒙古之勢力) [3, с. 3]. Второй раз он был упомянут 2 мая в статье "Текущая ситуация во Внешней Монголии" (外蒙古之近況) [29, с. 6]. В первой статье развитие ситуации во Внешней Монголии под влиянием российских политических сил представлено следующим образом: пророссийские силы описывались как "властные" (飛揚跋扈), автор заявлял, что после обретения Кулуном (бывшее название Улан-Батора) независимости "пророссийская фракция" (親俄黨) (не уточнялось, какая именно) была крупнейшей, она яростно сражалась с "прокитайской фракцией" (親華派), состоящей из "молодых людей с высокими идеалами" (青年有志之士), и объединилась с казачьей армией, чтобы расправиться с прокитайской фракцией. В этой статье выражалось недовольство и беспокойство по поводу того, что влияние Китая во Внешней Монголии ослабевает. Во второй статье акцентировалось внимание на том, что все полезные ископаемые во Внешней Монголии принадлежат "чужим" (имеется в виду не-ханьцам), а валютой, используемой Внешней Монголией, является рубль, что подразумевало потерю новой властью Китая контроля над экономикой Внешней Монголии.

Хотя в этот момент было опубликовано всего две статьи по данной теме, мы можем отметить в них явную озабоченность по поводу вопросов суверенитета Китая в данном регионе. До революции отношения Китая и России уже обострились из-за проблемы Внешней Монголии. Но после февральского переворота к власти пришло новое правительство, и китайцы постепенно обнаружили, что намерения России в отношении Внешней Монголии остались неизменными, что отразилось и на отношении Китая к русской революции и Временному правительству. Проблеме принадлежности Внешней Монголии в контексте публикаций о событиях в России будет уделяться особое внимание в прессе и в последующие годы, что является одним из факторов, который сказывался на российско-китайских отношениях.

Другой темой, которая впервые появляется на страницах китайских газет в 1917 г. связи с событиями в России и затем продолжает обсуждаться и в последующие годы, стала тема влияния внутренних беспорядков в России на Китай. Впервые эта тема была поднята в статье "Последние новости об ограблении китайских бизнесменов в Цзилине" (吉林華商被搶交涉近訊), опубликованной в газете 18 июня [25, с. 6]. В статье описывается, как русские солдаты грабили китайских купцов в Цзилине, практически лишив их возможности вести бизнес. Гнев был выражен по поводу самого инцидента и поведения местных властей, которые негативно отнеслись к переговорам с русскими солдатами.

В период с 12 ноября по 31 декабря 1917 г. в исследуемых нами китайских газетах и журналах было опубликовано в общей сложности 28 статей о событиях в России, при этом частота сообщений значительно возросла, что доказывает беспрецедентное внимание китайских средств массовой информации к событиям русской революции. 12 ноября 1917 г. "Дагунбао" опубликовала четыре статьи, связанные с событиями в России: "Положение в столице России во время революции" (俄京革命時狀況), "Военно-морской флот присоединяется к революционной армии" (海軍加入革命軍), "Текущее положение беспорядков в столице России" (俄京紛擾之現狀) и "Революция снова вспыхнула в России" (俄國又革命) [15, с. 2; 24, с. 2; 14, с. 2; 4, с. 7]. Первые три статьи носили информационный характер и опирались на сообщения филиалов агентства "Рейтер" в Москве и Санкт-Петербурге. Последняя представляла собой критический обзор, написанный Шао Тяньлеем, одним из главных редакторов "Дагунбао".

Известно высказывание первого председателя КНР Мао Цзэдуна об Октябрьской революции в России и ее последствиях для Китая: "Выстрел из пушки Октябрьской революции принес в Китай марксизм!". Однако непосредственно во время революционных событий 1917 г. отношение китайского общества к Октябрьской революции было совершенно иным. Достаточно взглянуть на то, как в это время китайские СМИ называли революционеров, чтобы составить предварительное впечатление. Так, в статье "Положение в столице России во время революции" (俄京革命時狀況) революционную армию называют "предательские войска" (叛軍), что по сути является серьезным обвинением. В этой статье для обозначения большевистской партии используется словосочетание с негативной окраской "экстремистская партия" (急進黨/過激黨).

После Октябрьской революции на страницах китайской прессы велись долгосрочные дискуссии о влиянии действий русской армии в китайско-российских приграничных районах, особенно в Харбине, на Китай. Здесь следует упомянуть такие статьи, как "Хаос в Харбине: русские восстали" (哈爾濱之亂象: 俄人已起暴動), "Мощь экстремистской партии в Харбине" (哈爾濱俄國過激派之勢力) [22, с. 3; 19, с. 3] и др. Все эти статьи передают информацию о нарушении общественного порядка в районе китайско-российской границы, призывают правительство реагировать на чрезвычайную ситуацию, выражают обеспокоенность по поводу возникновения крупномасштабных вооруженных конфликтов в районе.

Появляется и новая тематика: начинается обсуждаться проблема принадлежности Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) после Октябрьской революции – в статьях "Харбинский инцидент и судья в Цзилине" (哈爾濱事變與吉林法官), "Беспорядки в Харбине и начальник управления КВЖД" (哈爾濱與東清路局長) [21, с. 6; 23, с. 3] и др.

После Октябрьской революции китайские СМИ продемонстрировали две диаметрально противоположные позиции в отношении русской революции и ее последствий: полное отрицание нового правительства или полная его поддержка, которая зародилась позже во время "Движение за новую культуру". Первую позицию мы можем увидеть в статьях таких изданий, как "Дагунбао" и "Шэньбао". Эти издания заняли консервативную позицию в отношении происходящего. В статье "Русский хаос нападает на Сибирь" (俄亂及西伯利亞) от 25 ноября 1917 г. в газете "Дагунбао" Октябрьская революция была названа "русским хаосом" (俄亂), а революционные события в Сибири – "хаотическими" (亂事) [16, с. 2]. В номере

газеты "Шэньбао" от 29 декабря в статье под заголовком "Харбинская экстремистская партия вчера столкнулась с китайскими солдатами" (哈爾濱過激黨昨與華兵略起衝突)" рассказывается о небольшой стычке между российскими и китайскими военными [20, с. 6]. В статье говорилось, что армия Российской коммунистической партии уже потерпела поражение, но командующий внезапно подстрекал стрелять по китайским солдатам, когда они разоружались, что привело к жертвам среди местного населения ("семь погибших, в том числе двое мирных жителей").

В целом за период с 12 ноября по 31 декабря 1917 г. отношение крупнейших китайских газет и журналов к русской революции резко изменилось. Если до этого они демонстрировали довольно отстраненное отношение к Февральской революции, то теперь восприятие Октябрьской революции было резко негативным. Внутреннее положение в России описывалось как мрачное и трагическое, а советская власть, установленная после Октября, – как творящая всяческое зло.

В указанный период акционерами "Дагунбао" и "Шэньбао", двух самых влиятельных изданий в Китайской Республике, являлись представители национальной буржуазия, а среди авторов преобладали представители буржуазной интеллигенции с высшим образованием. Почему же китайская буржуазная интеллигенция в это время не одобряла социалистическую революцию в России? Во-первых, русская революция противоречила их коренным интересам. Во-вторых, их мировоззрение было основано на конфуцианстве, которое подчеркивало ценность порядка, послушания и самодисциплины. По этой причине они могли поддерживать анти-иерархичную по своей природе коммунистическую теорию, защищавшую равенство для всех. Поддержка нового правительства и одобрение Октябрьской революции были озвучены на страницах китайских изданий левой ориентации, однако это произошло позже, чем в 1917 г.

Выводы

Подводя итог обзору публикаций о событиях в России за 1917 г. в китайских СМИ, мы можем заключить следующее.

Первоначально китайские СМИ довольно долго находились в пассивной позиции из-за отсутствия собственных источников информации о внутрироссийской ситуации. Поскольку информацию можно было получить главным образом от западных информационных агентств, китайское общественное мнение неизбежно находилось под влиянием точки зрения западных стран на революцию в России. Тем не менее такое положение со временем изменилось, так как Россия и Китай являются соседями, и Китай вскоре непосредственно столкнулся с последствиями внутренней ситуации в России, так что, с одной стороны, негативные последствия революционных беспорядков затронули жизнь людей, проживающих в приграничных с Россией районах, с другой – китайские СМИ получили возможность черпать информацию о некоторых событиях из первых рук и формировать собственное (а не повторяемое со слов иностранных источников) мнение.

Мы также проследили, как в течение 1917 г. менялось отношение китайских средств массовой информации к русской революции. После февральского переворота китайская пресса находилась под влиянием западных СМИ и информационных агентств. Можно сказать, что у них не было никакого собственного отношения или, по крайней мере, оно не было заметно. Однако после февральского переворота беспорядки в России постепенно нарастали и затронули территорию Китая, создавая опасность для его суверенитета и интересов. В такой ситуации общественное мнение по поводу происходящего уже не могло быть нейтральным. После Октябрьской революции оценка событий в России и вовсе стала резко негативной, что было связано в том числе и с непониманием и неодобрением коммунистической теории и социалистической революции представителями китайской буржуазной интеллигенции, составлявших основу китайской журналистики. Однако уже вскоре, в 1918 г. и позже, мы увидим, как китайские СМИ левой ориентации возьмут на себя инициативу в оценке происходящих в России событий и выразят свое решительное признание Октябрьской революции, а также желание извлечь из этой революции практические уроки для Китая.

Материалы китайских периодических изданий показывают, что китайская периодическая печать не только отражала события русской революции, а впоследствии и Гражданской войны в России, но и в некоторой степени транслировала общественное мнение и ответные политические шаги Китая. Введение в научный оборот этой совокупности исторических источников, которые до этого не рассматривались в российской историографии, позволяет оценить степень воздействия этого события на Китай, а также дает возможность расширить наши представления о месте и роли китайской периодической печати в освещении революции и Гражданской войны в России.

Литература

1. 俄國政潮之解剖 // 大公报. 1917-09-18. = Анатомия российских политических течений // Дагунбао. 1917. 18 сентября.
2. 哈亂與東清路局長 // 大公报. 1917-12-27. = Беспорядки в Харбине и начальник управления КВЖД // Дагунбао. 1917. 27 декабря.
3. 俄國在外蒙古之勢力 // 大公报. 1917-04-11. = Власть России во Внешней Монголии // Дагунбао. 1917. 11 апреля.
4. 俄國革命影響於哈埠 // 大公报. 1917-03-23. = Влияние русской революции на Харбин // Дагунбао. 1917. 23 марта.
5. 海軍加入革命軍 // 大公报. 1917-11-12. = Военно-морской флот присоединяется к революционной армии // Дагунбао. 1917. 12 ноября.
6. 俄國大革命之窮源竟委(再續) // 大公报. 1917-03-22. = Истоки и детали русской революции (дальнейшее продолжение) // Дагунбао. 1917. 22 марта.
7. 俄國大革命之窮源竟委(續) // 大公报. 1917-03-21. = Истоки и детали русской революции (продолжение) // Дагунбао. 1917. 21 марта.
8. 俄國大革命之窮源竟委 // 大公报. 1917-03-20. = Истоки и детали русской революции // Дагунбао. 1917. 20 марта.
9. 劉玉麟與俄國 // 大公报. 1917-03-23. = Лю Юйлинь и Россия // Дагунбао. 1917. 23 марта.
10. 哈爾濱俄國過激派之勢力 // 大公报. 1917-12-20. = Мощность экстремистской партии в Харбине // Дагунбао. 1917. 20 декабря.
11. 俄國政變之教訓 // 大公报. 1917-3-23. = Назидание, извлеченное из русского переворота // Дагунбао. 1917. 23 марта.
12. 俄國革命後之新政局 // 大公报. 1917-03-23. = Новая политическая обстановка после русской революции // Дагунбао. 1917. 23 марта.
13. 复旦大学新闻史教研室编. 簡明中國新聞史. 福州: 福建人民出版社. 1986. 405頁 = Под редакцией кафедры истории журналистики университета Фудань. Краткая история китайской журналистики. Фучжоу: Народное издательство Фуцзянь, 1986. 405 с.
14. 法意兩國承認俄國新政府詳誌 // 大公报. 1917-03-31. = Подробности о признании Франции и Италии в новом правительстве России // Дагунбао. 1917. 31 марта.
15. 俄國革命詳報 // 大公报. 1917-03-13. = Подробности о революции в России // Дагунбао. 1917. 13 марта.
16. 俄國革命詳報: 俄皇已退位 // 大公报. 1917-03-17. = Подробный отчет о русской революции: российский император отрекся от престола // Дагунбао. 1917. 17 марта.
17. 俄京革命時狀況 // 大公报. 1917-11-12. = Положение в столице России во время революции // Дагунбао. 1917. 12 ноября.
18. 吉林: 華商被搶交涉近訊 // 大公报. 1917-06-18. = Последние новости об ограблении китайских бизнесменов в Цзилине // Дагунбао. 1917. 18 июня.
19. 俄國革命之反響 // 大公报. 1917-03-21. = Реакция к русской революции // Дагунбао. 1917. 21 марта.
20. 俄國又革命 // 大公报. 1917-12-11. = Революция снова вспыхнула в России // Дагунбао. 1917. 11 декабря.
21. 俄國革命與歐戰 // 大公报. 1917-03-24. = Русская революция и мировая война // Дагунбао. 1917. 24 марта.
22. 俄亂及西伯利亞 // 大公报. 1917-11-25. = Русский хаос нападает на Сибирь // Дагунбао. 1917. 25 ноября.
23. 京津泰晤士報對於俄國革命之論調 // 大公报. 1917-03-21. = Суждение "Peking and Tientsin Times" о русской революции // Дагунбао. 1917. 21 марта.
24. 外蒙古之近況 // 大公报. 1917-05-02. = Текущая ситуация во Внешней Монголии // Дагунбао. 1917. 02 мая.
25. 俄京紛擾之現狀 // 大公报. 1917-09-17. = Текущее положение беспорядков в столице России // Дагунбао. 1917. 17 сентября.
26. 方漢奇. 中國新聞傳播史. 北京: 中国人民大学出版社, 2009. 410頁 = Фан Ханьци. История распростра-

нения китайской прессы. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2009. 410 с.

27. 哈爾濱之亂象：俄人已起暴動 // 大公报. 1917-12-12. = Хаос в Харбине: русские восстали // Дагунбао. 1917. 12 декабря.
28. 哈爾濱過激黨昨與華兵略起衝突 // 大公报. = Харбинская экстремистская партия вчера столкнулась с китайскими солдатами // Шэньбао. 1917. 29 декабря.
29. 哈爾濱事變與吉林法官 // 大公报. 1917-12-25. = Харбинский инцидент и судья в Цзилине // Дагунбао. 1917. 25 декабря.

References

1. Anatomy of Russian Political Currents // Ta Kung Pao. 18.09.1917. (In Chin.).
2. Unrest in Harbin and the chief of CEL administration // Ta Kung Pao. 27.12.1917. (In Chin.).
3. Russian Power in Outer Mongolia // Ta Kung Pao. 11.04.1917. (In Chin.).
4. Impact of the Russian Revolution on Harbin // Ta Kung Pao. 23.03.1917. (In Chin.).
5. The Navy joins the Revolutionary Army // Ta Kung Pao. 12.11. 1917. (In Chin.).
6. The origins and details of the Russian Revolution (Next sequel) // Ta Kung Pao. 22.03.1917. (In Chin.).
7. The origins and details of the Russian Revolution (Sequel) // Ta Kung Pao. 21.03.1917. (In Chin.).
8. The origins and details of the Russian Revolution // Ta Kung Pao. 20.03.1917. (In Chin.).
9. Liu Yulin and Russia // Ta Kung Pao. 23.03.1917. (In Chin.).
10. The power of the extremist party in Harbin // Ta Kung Pao. 20.12.1917. (In Chin.).
11. An admonition extracted from the Russian coup // Ta Kung Pao. 12. 03.1917. (In Chin.).
12. The new political situation after the Russian Revolution // Ta Kung Pao. 23.03.1917. (In Chin.).
13. Journalism History Department, Fudan University, ed. A Concise History of Chinese Journalism. Fujian: Fuzhou People's Publishing House. 1986. 405 p. (In Chin.).
14. Details on the recognition of France and Italy in Russia's new government // Ta Kung Pao. 31.03.1917.
15. Details on the Russian revolution // Ta Kung Pao. 18.03.1917. (In Chin.).
16. A detailed report of the Russian Revolution: The Russian emperor abdicated the throne // Ta Kung Pao. 19.03.1917. (In Chin.).
17. The situation in the capital of Russia during the revolution // Ta Kung Pao. 12.11.1917. (In Chin.).
18. Update on the robbery of Chinese businessmen in Jilin // Ta Kung Pao. 18.6.1917.
19. Reaction to the Russian Revolution // Ta Kung Pao. 21.03.1917. (In Chin.).
20. Revolution has erupted again in Russia // Ta Kung Pao. 11.12.1917. (In Chin.).
21. The Russian Revolution and the World War // Ta Kung Pao. 24.03.1917. (In Chin.).
22. Russian chaos attacks Siberia // Ta Kung Pao. 25.11.1917. (In Chin.).
23. Peking and Tientsin Times' judgement on the Russian revolution // Ta Kung Pao. 21.03.1917. (In Chin.).
24. The current situation in Outer Mongolia // Ta Kung Pao. 02.05.1917. (In Chin.).
25. The current state of unrest in the Russian capital // Ta Kung Pao. 17.09.1917. (In Chin.).
26. Fang Hanqi. The history of news communication in China. Beijing: Renmin University of China Press, 2009. 410 p. (In Chin.).
27. Chaos in Harbin: Russians rebelled // Ta Kung Pao. 12.12.1917. (In Chin.).
28. Harbin extremist party clashed with Chinese soldiers yesterday // Shen Bao. 29.12.1917. (In Chin.).
29. The Harbin incident and the judge of Jilin // Ta Kung Pao. 25.12.1917. (In Chin.).

Диюйцион ЦЗИНЬ, аспирант департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: tczin.di@dvfu.ru

Diyuqiong JIN, Postgraduate Student, Department of History and Archaeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: tczin.di@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 13.06.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 18.11.2023

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2023

Научная статья
УДК 947:323.329(571.62)"199"
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/79-90>

Хабаровское отделение Союза писателей России в период рыночных реформ 1990-х годов (по материалам ГАХК)

Елена Сергеевна ВОЛКОВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, elenavolkova1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история Хабаровской краевой писательской организации в первые постсоветские годы. Автор анализирует трансформационные процессы, связанные с отменой государственного регулирования литературной сферы и прекращением централизованного финансирования творческих союзов, влияние рыночных реформ на статус писателя в обществе, исследует кризис идентичности и практики выживания в изменившихся социально-экономических условиях.

Ключевые слова: Дальний Восток России, рыночные реформы, 1990-е, культура, художественная интеллигенция, союз писателей

Для цитирования: Волкова Е.С. Хабаровское отделение Союза писателей России в период рыночных реформ 1990-х годов (по материалам ГАХК) // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 79–90. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/79-90>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/79-90>

Khabarovsk branch of the Union of Writers of Russia during the period of market reforms of the 1990s (based on materials of the State Archive of the Khabarovsk Territory)

Elena S. VOLKOVA

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, elenavolkova1@yandex.ru

Abstract. The article examines the history of the Khabarovsk territorial writers' organization in the first post-Soviet years. The author analyzes the transformational processes associated with the cancellation of state regulation of the literary sphere and the termination of centralized financing of creative unions, the impact of market reforms on the status of a writer in society, explores the crisis of identity and survival practices in changed socio-economic conditions. It was found that after the collapse of the USSR the orderly system built for decades in the sphere of culture during the Soviet period is being replaced by uncertainty and chaos, in the relationship of the writers' organization with the authorities the personal factor becomes decisive. It is noted that writing has deprived the status of a full-fledged profession, the readership was shrinking, local literature was gradually losing its social significance.

Keywords: Russian Far East, market reforms, 1990s, culture, artistic intelligentsia, Writers' Union

For citation: Volkova E.S. Khabarovsk branch of the Union of Writers of Russia during the period of market reforms of the 1990s (based on materials of the State Archive of the Khabarovsk Territory) // Oriental Institute Journal. 2023. No. 4. P. 79–90. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/79-90>

Социальная история девяностых закономерно привлекает внимание исследователей: с одной стороны, эти годы отмечены радикальной трансформацией всех сфер жизни общества, с другой – целый ряд процессов, инициированных в тот период, так и не получил своего завершения, многие насущные проблемы десятилетиями продолжают стоять на повестке дня, а ожидаемые и необходимые законопроекты бесконечно обсуждаются, но не принимаются. В полной мере эти слова применимы к литераторам и их творческим союзам, которые с началом постсоветского периода оказались в ситуации полной неопределённости. Статья посвящена Хабаровской краевой писательской организации (ХКПО), ведущей свою историю с 1934 г. и некогда бывшей флагманом дальневосточного литературного сообщества.

Список источников, использованных при проведении данного исследования, включает в себя документы ХКПО, хранящиеся в Государственном архиве Хабаровского края, законодательные акты, интервью с деятелями культуры, публицисти-

ческие и художественные произведения. Важные для изучения социальной истории постсоветского периода методологические положения содержатся в работах З. Баумана, Л.Г. Ионина, П. Штомпки.

Во второй половине 1980-х гг. провозглашённый руководством страны курс на перестройку, демократизацию и гласность вызвал ожесточённые споры в писательской среде, как в центре, так и на местах, сокращение финансирования привело к усилению борьбы за власть и доступ к ресурсам [14, с. 851]. Бесконечные словесные баталии в ХКПО усугублялись анонимными письмами и звонками, в итоге В.Н. Александровский, занимавший должность ответственного секретаря, в 1987 г. покончил собой. К началу изучаемого периода обстановка в организации была напряжённой, нездоровой, конфликтной и явно не способствовала творческой работе [20, с. 58–72].

Окончательный раскол Союза писателей РСФСР на "почвенников" и "либералов"¹ не мог не отразиться на работе региональных отделений. *"Секретариат правления СП РСФСР тратит невероятные силы и время на групповые столичные распри, вязнет в полемике и околотитературной борьбе, затягивает в эти игрища периферийные организации и совершенно недостаточно работает с провинциальными писателями"*, – говорилось в постановлении общего собрания ХКПО от 15 октября 1991 г. (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 196. Л. 12)².

В конце концов, вместо единой творческой организации оформляются две: "почвенники" формируют Союз писателей России (СПР), "либералы" – Союз российских писателей (СРП). Всем региональным отделениям предписывалось провести перерегистрацию: каждый член союза писателей должен был выбрать организацию, исходя из своих убеждений³ (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 196. Л. 10). Из архивных документов за 1992 г. мы узнаём, что большинство хабаровских литераторов осталось в составе СПР, четверо перешли в СРП⁴. Поэт Н.Т. Кабушкин, выступая на заседании бюро ХКПО в ноябре 1992 г., недоумевал: *"Почему? Зачем? Что нас разделяет?"* – и предлагал провести общее собрание, пригласив туда и бывших товарищей по организации. В ответ М.Ф. Асламов, возглавляющий ХКПО, сообщил: *"Говорил с Руссковым"*⁵. *Он считает, что мы разошлись идейно. Действительно странно. Ведь в той организации оказались... из четырёх человек – трое бывших парторгов"* (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 197. Л. 4).

Забегая вперёд, отметим, что в 1994 г. в состав Хабаровского регионального отделения СПР вернулся В.А. Руссков (*"это возвращение блудного сына"*, иронически заметил один из писателей-ветеранов Н.Д. Наволочкин (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 200. Л. 7)), в 1995-м – Т.Ф. Чинарёва и А.В. Гребенюков⁶. *"Тогда было одно время, сейчас – другое. Ни политической, ни идеологической подоплёки тут нет"*, – примирительно заключил глава ХКПО М.Ф. Асламов в ответ на реплику коллеги, которая потребовала объяснений от "блудных детей" (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 201. Л. 1). Тем не менее СРП продолжал работу в Хабаровском крае, составляя конкуренцию "почвенникам". В 1997 г. зампреда правления ХКПО К.А. Партыка (1953–2020) сообщал коллегам, что СРП *"активизировал агитационную кампанию*

¹ Заключенные в кавычки термины в значительной степени условны; добавим, что идейная полемика переплеталась с борьбой за власть и доступ к ресурсам.

² ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

³ Хабаровское отделение СПР во внутренних документах (впоследствии переданных в ГАХК) на протяжении 1990-х продолжает именоваться ХКПО и фактически сохраняет статус официальной писательской организации, которая поддерживала отношения с краевыми властями и смогла получить пусть скромную, но всё же поддержку из краевого бюджета (подробнее см. ниже).

⁴ Дальневосточную межрегиональную организацию СРП возглавил хабаровский литератор В.Ф. Захаров, ранее не состоявший в СП РСФСР.

⁵ Хабаровский писатель В.А. Руссков (1925–1996) перешёл в СРП (как впоследствии оказалось, временно).

⁶ В ГАХК хранится соответствующее заявление А.В. Гребенюкова. Причиной возвращения он называет "демократизацию СПР" (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 201. Л. 10).

по приёму молодых талантливых литераторов", и сетовал: "Обидно то, что мы можем потерять тех, кто вырос и сформировался как литератор в нашей писательской организации" (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 204. Л. 1). В 1999 г. литературный критик В.Н. Катеринич констатировала: "Жёстких оппозиций по политическим признакам в Хабаровске среди пишущих не наблюдается (в сравнении, например, с Брянском). Но художественные притязания налицо" [6]. Целый ряд деятелей культуры приходит к выводу, что раскол в литературных кругах не принёс ничего, кроме падения авторитета писательского сообщества в целом; предложения об объединении зазвучали уже в середине 1990-х годов (и звучат до сих пор), но вернуть утраченное единство оказалось невозможно.

В период рыночных реформ практически все группы советского общества переживали трансформацию и кризис идентичности, не стали исключением и деятели культуры, причём наиболее радикальные перемены ожидали именно писателей (и художников, заметим в скобках⁷). С одной стороны, литераторы были избавлены от цензуры и обрели свободу творчества⁸, с другой стороны, потеряли привилегии позднесоветского периода (напомним, что членство в Союзе писателей РСФСР не только являлось подтверждением профессионального уровня, но и гарантировало постоянную занятость, публикацию литературных произведений с обязательной выплатой гонораров, творческие отпуска и командировки, в обозримой перспективе – решение жилищного вопроса и пр.). Теперь же искусство перестало быть идеологическим оружием государства, творческие союзы утратили роль идеологических институтов и, как следствие, лишились централизованного государственного финансирования, что коренным образом изменило их общественный статус.

Литфонд разваливался, государственная система книгоиздания и книгораспространения приходила в упадок. Принятые в 1992 г. "Основы законодательства РФ о культуре" [15] положили начало новому этапу взаимодействия власти и художественной интеллигенции. Главными векторами реформирования стали децентрализация системы управления отраслью, внедрение рыночных методов хозяйствования и коммерциализация культурной сферы⁹. В 1995 г. федеральный закон "Об общественных объединениях" [13] приравнял творческие союзы к прочим общественным организациям, никакого особого статуса и льгот они не получили.

Постепенно приходит понимание, что центр по большому счёту дистанцировался от решения проблем литераторов на периферии и что в новой реальности региональным отделениям придётся выживать самостоятельно. Распространённым способом получения дохода в девяностые годы стала сдача части помещений писательской организации в аренду коммерческим структурам, и в Хабаровске подобная схема тоже практиковалась.

В 1991 г. при писательской организации был создан редакционно-издательский центр (РИЦ) "Приз" под руководством Е.П. Быструшкина, а в цокольном помещении Дома литераторов оборудован участок полиграфии ("основан на частной инициативе, в связи с отсутствием у писательской организации средств, но связан с писательской организацией договором по услугам на полиграфическую продукцию" (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 197. Л. 1)).

⁷ Подробнее о дальневосточных художниках в постсоветский период см.: Волкова Е.С. Практики адаптации художников в Приморье в условиях рыночных реформ в конце XX – начале XXI в. // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект. Сборник научных статей. 2020. С. 218-234; Волкова Е.С. Хабаровская краевая организация Союза художников России в условиях радикальных реформ (1990-е гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 37. С. 201–218.

⁸ В 1990 г. в СССР был принят закон "О печати и других средствах массовой информации", который отменял цензуру, в следующем году упразднён Главлит. В 1993 г. Конституция РФ закрепила право граждан на свободу художественного творчества (ст. 44).

⁹ Подробнее см. [4].

Дальневосточное бюро пропаганды художественной литературы¹⁰ во главе с поэтом В.В. Тряпшей в 1991 г. выступило учредителем ТОО "Арт-центр", которое занималось реализацией печатной продукции – с конца 1980-х гг. страна переживала настоящий книжный бум. Однако вскоре обнаружилось, что "Арт-центр" *"полностью подмял под себя БП. Сам директор БП работает только в товариществе, как и сотрудники", "вместо бюро получилась частная лавочка"*, при этом "Арт-центр" платит писательской организации *"копейки за аренду"*, не соответствующие рыночным расценкам, а занимает *"больше, чем по договору, учитывая вспомогательные площади"* (торговая точка ТОО "Арт-центр" располагалась в Доме литераторов). Пособия, периодически выплачиваемые писателям (*"да ещё и выборочно"*) из прибыли "Арт-центра", были расценены руководством ХКПО как *"вынужденная подачка"*, отмечена *"нечёткость договорных условий в чисто финансовых вопросах"* (*"всё-таки дело коммерческое незнакомое"*) (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 197. Л. 1–2, 4). В марте 1992 г. руководство ХКПО предложило освободить В.В. Тряпшу от должности директора бюро пропаганды, отделил бюро от коммерческой структуры "Арт-центра", но общее собрание не поддержало это предложение (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 197. Л. 3, 5).

В протоколе заседания бюро ХКПО от 25 ноября 1992 г. мы встречаем характерные реплики о деятельности организации в новых условиях: *"жизнь творческая замерла"* (В.М. Фёдоров), *"все заикнулись на коммерции – и вверху, и мы внизу"* (Шестакова Ю.А.), *"все занимаются коммерцией, а творческие дела в заgone"* (М.Ф. Асламов) (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 197. Л. 4–5).

Позже стало известно, что в 1992 г. без согласия с руководством ХКПО форма собственности "Арт-центра" была изменена: из ТОО при бюро пропаганды он превратился в ИЧП, которое возглавила супруга В.В. Тряпши (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 201. Л. 6; ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 202. Л. 2). Картину дополняли алкоголизм и *"хулиганское поведение"* самого директора бюро пропаганды (в том числе и в рабочее время), по мнению коллег, позорящее писательскую организацию (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 202. Л. 2, 4). Наконец, летом 1995 г. В.В. Тряпша был уволен, дальневосточное бюро пропаганды ликвидировано, вместо него создана аналогичная структура краевого значения, которая просуществовала до 2000 г. (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 202. Л. 4–6; ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 210. Л. 4).

"Нужна нам писательская организация! Но мы беспомощны", – сетовал прозаик А.Н. Максимов в декабре 1993 г. (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 198. Л. 6). Попытки реанимировать Литфонд, вдохнуть в него новую жизнь ни на федеральном, ни на региональном уровне не принесли ощутимого результата. С 1995 г., согласно новому уставу, Литфонд стал независимым от писательских организаций, фактически они были лишены контроля над деятельностью фонда, стартовавшая в начале десятилетия утечка общеписательской собственности в частные руки продолжалась. Весной 1997 г. глава хабаровского краевого отделения фонда Г.И. Козлов, вернувшись с отчётно-выборного собрания в столице, констатировал: *"Литфонд беден, и рассчитывать на него нельзя. Отделения Литфонда на местах крутятся кто как может, держатся за счёт мизерных дотаций администраций, хотя утешительного мало"* (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 204. Л. 9). Сходная оценка была озвучена на заседании правления ХКПО и спустя два года: *"У Литфонда остался самый мизер основных фондов и возможностей помочь"* (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 209. Л. 2). Весной 1998 г. на общем собрании прозаик А.В. Гребенюков призвал коллег оставить напрасные надежды: *"Да нет Литфонда, умер он, понимаете?"* (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 206. Л. 4). Здесь же Г.И. Козлов рассказал о своей деятельности на посту хабаровского краевого отделения Литфонда, точнее, о попытках наладить его работу, не увенчавшихся успехом: *"...открыл счёт, написал много писем "новым русским", хо-*

¹⁰ Бюро пропаганды художественной литературы, действовавшее при Хабаровской краевой писательской организации, к началу изучаемого периода имело статус дальневосточного, но, по словам М.Ф. Асламова, *"изначально заложенная идея организовать пропаганду литературы из единого центра на весь дальневосточный регион... оказалась непродуктивной: слишком огромна территория, транспортные расходы, дорогая связь, особенно в нынешних условиях, тяготение областных организаций к самостоятельности и т.п."* (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 201. Л. 6).

дил по банкам, искал спонсоров, но денег нет и нет. <...> Литфонд перечислил два миллиона, они ушли на зарплату за два года, и всё. Больше нигде денег не поступает. Художникам, артистам проще, им те же "новые русские" дают деньги на картины, на лицедейство. Писатели их развлекать не будут, поэтому им невыгодно поддерживать писателей" (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 206. Л. 2).

Тем не менее в источниках встречаются упоминания о людях, спонсировавших издание отдельных книг хабаровских литераторов. Отношение к спонсорам было двойственным: с одной стороны, в них остро нуждались, с другой – представители нарождающегося бизнеса порой вызывали неприязнь у литераторов своим внешним видом и поведением. *"Я видела мецената на вечере Русскова, который, пьяный, купил всё и, развалившись, орал – я бы ему морду набила"*, – эмоционально рассказывала коллегам поэтесса Л.И. Миланич (1934–2018) (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 198. Л. 7).

Следствием децентрализации системы управления культурой в постсоветский период стало то, что учреждения культуры и творческие союзы становятся во многом зависимы от чиновников на местах, возрастает роль личного фактора. Лишённая централизованного государственного финансирования и безуспешно пытающаяся в новых рыночных условиях свести концы с концами, писательская организация обращается к краевым властям с просьбами о помощи и – получает позитивный отклик. Тогдашний глава администрации Хабаровского края В.И. Ишаев относился к числу руководителей, которые считали культуру одной из важнейших отраслей, безусловно нуждающихся в государственной поддержке.

В январе 1994 г. при главе администрации Хабаровского края был создан общественный Совет творческой интеллигенции (ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 135. Л. 228–233). В мае 1994 г. вышло постановление губернатора "О мерах поддержки Хабаровской писательской организации Союза писателей Российской Федерации", где финансовому управлению администрации края предписывалось выделить из краевого бюджета и внебюджетного фонда средства на издание *"отдельных произведений хабаровских писателей, связанных с современной жизнью края, его историей и краеведением, имеющих большое социально-художественное значение"*, на оплату творческих командировок писателей по Дальнему Востоку, на финансирование *"аппарата краевой писательской организации из расчёта двух штатных единиц"*. "Дом литератора" в пер. Дьяченко, 7а передавался *"краевой писательской организации с её подразделениями, а также редакции журнала "Дальний Восток" в бессрочное и безвозмездное пользование"*. Литераторы должны были оплачивать расходы по содержанию и эксплуатации здания, в то же время разрешалось сдавать свободные помещения в субаренду при условии направления этих средств *"на ремонт и реставрацию занимаемого помещения, как памятника истории"*. Комитету по культуре и искусству администрации края поручено было *"заключить заказы-договоры с краевой писательской организацией на проведение семинаров молодых литераторов, встреч и литературных вечеров в городах, поселках и селах края"*. Наконец, ХКПО была освобождена от налогов, вносимых в краевой бюджет редакционно-издательским центром "Приз" и бюро пропаганды художественной литературы, *"при условии расходования этих средств на социальные и творческие нужды краевой писательской организации"* [11].

Вслед за президентом, учредившим с 1 января 1994 г. ежемесячные государственные стипендии для выдающихся деятелей культуры и талантливых молодых авторов [9], губернатор В.И. Ишаев вводит двадцать ежемесячных стипендий администрации Хабаровского края *"для творческих работников, внесших значительный вклад в дело развития культуры и искусства края"* (в размере 200 тыс. руб.), и 15 ежемесячных стипендий для молодых (по 100 тыс. руб.)¹¹ (ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1.

¹¹ Стипендия могла присуждаться на срок до двух лет и должна была индексироваться с учётом инфляции. Постановление правления ХКПО от 30 мая 1996 г. содержит упоминание о том, что с июля 1996 по июль 1997 г. квота для литераторов составила 2 стипендии. Из того же документа мы узнаём, что правление выдвигает 6 старейших писателей (Ю.А. Шестакову, М.П. Белова, В.И. Клипеля, Н.Д. Наволочкина, В.Н. Хлебникова, В.А. Русскова) на присуждение пожизненных стипендий администрации края

Д. 149. Л. 124–126). В этом же году были учреждены пять ежемесячных краевых стипендий (100 тыс. руб. каждая) для профессиональных писателей и ещё пять (по 50 тыс. руб.) – для талантливых молодых литераторов [11]. Кроме того, с 1995 г. в Хабаровском крае ежегодно присуждались шесть премий за лучшие произведения в области литературы и искусства (500 тыс. руб. каждая) (ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 149. Л. 124–126). Разумеется, данными выплатами невозможно было охватить всех состоящих в союзе писателей, однако по сравнению с другими дальневосточными краями и областями это была существенная помощь.

Следующее постановление губернатора о дополнительных мерах поддержки ХКПО (от 12.02.1996), расширяло спектр произведений, которые могут быть изданы на средства краевого бюджета, за счёт литературы для детей, а также устанавливало общий объём дотируемых изданий – до 40 учётно-издательских листов в год¹². Оплата труда сотрудников аппарата писательской организации теперь распространялась на четыре штатные единицы. Предусматривались также дотации *"на оплату труда по подготовке, рецензированию, редактированию и перепечатке рукописей"* [10].

Численность ХКПО (как и других региональных отделений СПР) в постсоветский период росла значительно быстрее, поскольку требования снизились, стать членом союза писателей стало проще¹³ (за 1990-е гг. организация увеличилась более чем в полтора раза¹⁴). В 1995 г. *"по опыту Москвы"* в ХКПО был создан Совет старейшин, который возглавил В.А. Руссков. *"Писательская организация у нас достаточно объёмная и достаточно стара, как ни прискорбно, 21 пенсионер"*, – констатировал на общем собрании М.Ф. Асламов (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 202. Л. 5)¹⁵.

В арсенале союза писателей осталось не так много инструментов поддержки. Первейшей насущной потребностью человека пишущего является публикация собственных произведений – без этого литературное творчество теряет смысл. В постсоветский период книгоиздание перестало быть государственным делом, и гарантировать членам союза писателей выпуск их произведений (и тем более достойные гонорары), теперь уже никто не мог. Одни литераторы искали подходы к издательствам (как прежним, государственным, приходящим в упадок, так и новым, частным), пытались заинтересовать их своим творчеством; другие обращались к спонсорам; третьи печатали свои опусы за свой же счёт; четвёртые занимались самиздатом (как печатным, так и рукописным), но многие вынуждены были годами *"писать в стол"*, без надежды на публикацию – нужно ли объяснять, что психологически для автора это очень тяжело. *"Упаси Бог ностальгировать по временам "соцреализма" и писательской госкормушки, – говорил К.А. Партыка. – Но ведь духовное и нравственное развитие общества нельзя отдавать рынку вчистую. Иначе бесповоротно восторжествует "голубое сало"*¹⁶. *Я категорически против подачек писателям. Нужна осмысленная политика в том же книгоиздательском деле"* [8].

Советские авторы в издании их произведений были одним из главных направлений работы творческих организаций, этот вопрос постоянно обсуждался на

(ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 203. Л. 1).

¹² 40 учётно-издательских листов составляют в среднем 3–4 книги.

¹³ В 1995 г., когда численность хабаровского отделения СПР приблизилась к 40 чел., орган управления организацией был преобразован из бюро в правление, что означало повышение статуса (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 202. Л. 7).

¹⁴ Подсчитано автором по: ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 198–208.

¹⁵ По данным на декабрь 1993 г. в составе ХКПО было 8 литераторов из числа коренных малочисленных народов, и на общем собрании А.А. Пассаром была высказана идея о создании национального отделения (или секции), что связано было с ростом национального самосознания и соответствовало веяниям времени; М.Ф. Асламов эту идею поддержал (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 198. Л. 3). Такое же предложение зафиксировано и протоколом отчётно-выборного собрания в октябре 1999 г.: *"поручим национальную секцию Дечули [М.П.]"* (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 208. Л. 10–11), но автор не располагает сведениями о том, была ли в итоге сформирована подобная структура.

¹⁶ "Голубое сало" – название постмодернистского романа В.Г. Сорокина (впервые опублик. в 1999 г.).

заседаниях бюро/правления ХКПО и общих собраниях. Помимо единичных изданий, согласно постановлению губернатора, финансируемых из краевого бюджета и внебюджетного фонда (см. выше), произведения хабаровских литераторов издавались путём взаиморасчётов с РИЦ "Приз", на деньги спонсоров, в архивных документах встречаются упоминания об издании книг о природе и экологических проблемах дальневосточных территорий "под эгидой ИСАР"¹⁷, литературы коренных малочисленных народов – по линии Госкомсевера (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 206. Л. 5). Тем не менее проблема стояла остро, как для молодых, так и для заслуженных, убелённых сединами авторов. "Последняя моя книжка – "Продолжать сыновьям" – вышла в 1990 г. С тех пор работаю "в стол", – в 1999 г. говорил корреспонденту писатель Г.Н. Хлебников (1915–2006), почётный гражданин Комсомольска-на-Амуре. – ...Речь не идет об авторском гонораре. Лишь бы книга поступила в библиотеки края... Когда тебя не печатают, стимул писать как-то пропадает. Но я не сдаюсь" [1].

Серьёзным подспорьем для хабаровских литераторов в 1990-е гг. был ежемессячный литературно-художественный журнал "Дальний Восток", единственный "толстяк" на весь регион. В декабре 1993 г. Н.Д. Наволочкин (1923–2013), отчаявшись дожидаться публикации своей книги ("Я перестал уже звонить [в издательство], мучиться..."), говорил коллегам: "Единственная надежда – журнал ["Дальний Восток"]. То, что журнал выходил – это общая помощь: Камчатка, Сахалин, Амурская область. Если не будет журнала, ребята, нас не будет!" (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 198. Л. 4). "Это наше счастье, что у нас есть рядом такой журнал", – вторил ему в апреле 1998 г. М.Ф. Асламов, выступая на общем собрании ХКПО¹⁸ (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 206. Л. 5).

А между тем "Дальний Восток", ведущий свою историю с 1933 г. (изначально он назывался "На рубеже"), в годы радикальных реформ находился на грани выживания. В 1992 г., по словам главного редактора В.М. Фёдорова, журнал "был поставлен к стенке... рыночной экономикой. Мы смогли выпустить только шесть номеров, выпрашивая, выклянчивая деньги у кого только можно. Но конечно с разбором. Находились и такие богатеи, кто готов был купить журнал и диктовать через него своё великое хамство... Случилось чудо – журнал, дававший 350 тыс. рублей прибыли, стал финансовым банкротом, поскольку мигом, в сто раз и более, поднялись цены на полиграфические услуги и бумагу" [17, с. 6–7]. Руководство журнала вынужденно сократило штат, минимизировало расходы, стало практиковать выпуск сдвоенных номеров и до конца 1990-х гг. непрерывно находилось в поиске источников финансирования. "...Фёдоров по рублику собирал на издание по всему Дальнему Востоку, теребил СП России, Комитет по печати, Миннац и всё, что только можно было теребить ради этого в Москве", – вспоминал приморский литератор В.В. Тыцких, добавляя, что в Приморье краевые и городские власти тоже оказывали журналу материальную помощь [18, с. 267]. В конце концов, была достигнута договорённость о финансировании "Дальнего Востока" из бюджета Хабаровского края, а редакция журнала преобразована в госучреждение [12], при этом краевые власти практически не вмешивались в редакционную политику.

Многие литераторы по-прежнему держались за творческий союз, как за писательское братство, для них он был ценен сам по себе. "Надо думать о будущем. Надо сохранить организацию, чтобы не получилось как в Иркутске, Благовещенске – там организацию просто развалили", – говорил коллегам прозаик В.В. Илюшин (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 208. Л. 7). В то же время в постсоветский период появились авторы, которые принципиально обходили писательские союзы стороной. Такой позиции придерживался, например, известный в Хабаровске журналист и литератор А.К. Полищук (1950–2017), который не видел смысла вступать в союз в новой

¹⁷ ИСАР (ISAR – Initiative for the Social Action and Renewal in Eurasia) – благотворительная организация, нацеленная на развитие международного сотрудничества по преодолению экологических угроз.

¹⁸ Редакция журнала "Дальний Восток" располагалась в том же здании, что и ХКПО – в "Доме литератора".

постсоветской реальности и считал, что управлять литературным процессом не возможно в принципе [8; 16].

Внутри ХКПО тоже присутствовали разные точки зрения. *"Каждый писатель вправе искать и находить, и издаваться. Считаю, в наше время надо больше надеяться на себя"*, – заявил М.П. Белов на общем собрании в декабре 1993 г. в ответ на реплики коллег, которые выступили с критикой руководителя организации. *"Но не все же предприимчивы"*, – возразила Белову Ю.А. Шестакова (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 198. Л. 6). Иронический взгляд на организацию изнутри демонстрирует в автобиографическом повествовании "Записки рокера в погонах" К.А. Партыка, который был принят в СПР в 1995 г. и вскоре стал заместителем председателя ХКПО (на общественных началах): *"Мы составляли пёструю, горластую, довольно склочную семью, в которой все постоянно бранятся со всеми, но почти никогда не расплёвываются окончательно"* [16].

По возможности ХКПО оказывала финансовую поддержку литераторам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, ветеранам ко Дню Победы, поощряла юбиляров. Оплачивались выступления литераторов перед читателями (на предприятиях, в учебных заведениях, воинских частях, домах ветеранов и пр.). Так, отчитываясь о работе на общем собрании в октябре 1999 г., М.Ф. Асламов сообщал, что член СПР получает за выступление 70 руб., молодой автор – 50 руб. (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 208. Л. 5–6). Однако, по словам К.А. Партыки, *"зачастую и члены СП, и молодые литераторы, наш актив, выступают безвозмездно"* (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 204. Л. 2).

Наконец, творческая организация обеспечивала литературную среду, необходимую писателям, как воздух, особенно в условиях, когда издание их произведений было затруднено. "Дом литераторов" в 1990-е гг. не пустовал, руководство ХКПО не запрещало людям пишущим, в том числе и тем, кто не был членом союза, проводить творческие встречи, литературные вечера и прочие мероприятия. Здесь же действовал клуб молодых литераторов во главе с поэтессой Г.Н. Ключниковой, который собирался еженедельно. В 1994 г. клуб начинает выпускать "Литературный листок вольных поэтов" (при содействии ХКПО и РИЦ "Приз"), ставший стартовой площадкой для многих начинающих авторов (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 198. Л. 10).

"Это сумасшествие пройдёт. <...> Нам надо выжить", – выражал надежду в 1993 г. поэт Н.Т. Кабушкин (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 198. Л. 7). Но реальность показала, что пути обратно нет. Изучение архивных документов позволяет сделать вывод, что в общем и целом в новой постсоветской реальности ХКПО едва сводила концы с концами. Так, в марте 1997 г. на общем собрании зампреда правления К.А. Партыка говорил о бедственном финансовом положении организации (огласив справку, представленную главным бухгалтером) (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 204. Л. 2). В июле 1998 г. руководитель ХКПО М.Ф. Асламов констатировал: *"С финансированием же крайне плохо... Приходится злоупотреблять расходами за счёт субаренды (не имеем права – только на ремонт)"* (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 207. Л. 8).

Поэт М.Ф. Асламов возглавил ХКПО в 1987 г. (после самоубийства В.Н. Александровского) и оставался на этом посту вплоть до ухода из жизни в 2018-м. За эти годы критических замечаний в адрес Михаила Феофановича было высказано немало, использовались, как в случае с его предшественником, и подмётные письма (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–2), вместе с тем Асламов в целом адекватно реагировал на критику, учитывал её в дальнейшей работе, и в конечном итоге большинство членов организации признавали его заслуги и неизменно переизбирали на новый срок. Так, в октябре 1999 г. В.В. Илюшин говорил на общем собрании: *"Живём плохо, будем жить ещё хуже. Но идти нам больше некуда. Асламов протащил наш союз через самые трудные годы. Его знают. Кто мы? Мы попрошайки, и Михаил Феофанович – главный"*. В ответ на уточняющий вопрос коллеги: *"Как ты оцениваешь работу [руководства]?"* – Илюшин бесхитростно ответил: *"Как работу медсанбата – мы живы"* (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 208. Л. 6). *"Главный игрок – Иша-*

ев, и Михаил [Асламов] с ним общий язык находит. Никому не дают денег, а ему дают", – заключил В.В. Тряпша (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 208. Л. 8).

В июле 1999 г. на заседании правления ХКПО обсуждался проект федерального закона "О творческих работников литературы и искусства и об их творческих союзах" (заметим в скобках, что подобный закон, о необходимости которого деятели культуры говорят уже четверть века, не принят до сих пор). В процессе обсуждения правление констатировало, что в крае на данный момент нет писателей, для которых творчество являлось бы основным источником средств к существованию (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 209. Л. 1). Гонорары становились всё меньше или не выплачивались совсем. В результате реформирования культурной сферы писательство перестало быть полноценной профессией и фактически превратилось в хобби, доход от которого не гарантирован (отметим, что подобное положение сохраняется до сих пор, по крайней мере, для дальневосточных писателей это утверждение справедливо).

Чтобы позволить себе заниматься литературным творчеством, автор должен был иметь источник средств к существованию (часто источников было несколько, и ни один не мог выступать в роли единственного). Основными сферами трудоустройства для людей пишущих в изучаемый период были журналистика, копирайтинг, преподавательская деятельность, работа в учреждении культуры, целый ряд авторов пробовали силы в бизнесе и потом использовали этот опыт при создании художественных произведений. Так, А.В. Гребенюков в одном из интервью рассказывал, что *"в 1991 году пошел в коммерцию и провел в ней пять лет жизни. Да ещё какой! Я был директором крупного частного магазина, руководил собственной фирмой, работал коммерческим директором в одном совместном предприятии, часто ездил в Китай, подолгу там жил. <...> У меня возникла неплохая возможность наблюдать разных людей, изучать их в новых капиталистических обстоятельствах, это богатство я накопил"* [19].

Кризис идентичности имел и другую сторону. Неизвестный автор статьи *"Каждый может стать писателем"*, упомянутой Ю.А. Шестаковой на одном из писательских собраний (ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 198. Л. 5), выразил мнение, широко распространенное в обществе в тот период. В самом деле, издать свои опусы теперь мог каждый, кто располагал необходимыми для этого финансовыми средствами, ни о каком профессионализме не было речи. Картину дополняли снижение качества книгоиздания (многие произведения выходили в свет без редактирования и корректуры – что называется, "в авторской редакции"), упадок литературной критики и практически полное отсутствие каких бы то ни было фильтров, позволяющих отделить зёрна от плевел, то есть открытого бумагомарательства. В результате атта на читателя обрушился такой вал некачественной продукции, что уже через несколько лет спрос на художественную литературу ощутимо сократился. Тиражи выпускаемых книг уменьшились в десятки и сотни раз, советская система книгораспространения была разрушена. Прибавим к этому развитие телевидения, интернета, индустрии альтернативных развлечений, набирающую силу тенденцию к доминированию визуальных видов искусства, во многом связанную с ускорением темпа жизни и особенностями восприятия современного потребителя культурных благ.

Совершенно ожидаемо в таких условиях снизился престиж литератора в обществе, "писателишки" уже не считались властителями дум – напротив, они становились объектами насмешек и анекдотов. И если среди столичных авторов в тот период можно найти успешные, "раскрученные" фигуры, то для провинциальных литераторов наступили нелёгкие времена. *"...Местная литература потеряла свою общественную значимость, престижность, – констатировал К.А. Партыка в одном из интервью. – Наконец, она просто не приносит издателям доходов, а авторам – средств к существованию"* [8]. Добавим, что в постсоветский период литераторы постепенно утрачивают связи с коллегами из других регионов, а книги, изданные в провинции, всё чаще не выходят за пределы своего края/области/республики.

Сатирическое и в то же время сочувствующее описание хабаровского литературного сообщества в постсоветский период мы встречаем в одной из книг "дрянной девчонки" Д.М. Асламовой (журналиста и литератора, дочери вышеупомянутого поэта М.Ф. Асламова), приведём небольшой отрывок: *"Если у театров есть шанс на выживание благодаря хорошим сборам, то писатели кормятся только скудными милостями властей. Небольшие пенсии¹⁹, деньги на издание книг и журналов, оплата некоторых дорожных расходов, иногда премии. И на том спасибо. Власти, так сказать, поддерживают писательские головы над водой, чтобы те могли хотя бы дышать... И если угораздило вас выбрать себе такой неверный хлеб, как литература, то вы всегда будете жить в разводе с действительностью. <...> Писатели здесь так неприлично и роскошно несчастны, что многие из них пьют горькую. <...> Все эти зажёванные жизнью личности иногда даже не имеют денег на проезд в автобусе и ходят пешком. Вся их жизнь – непрерывное спотыкание, но спотыкаются-то люди, заглядывшиеся на звёзды. <...> Первое время я округляла глаза, слыша такие фразы: "Сейчас я вам расскажу о своём вкладе в культуру". А теперь меня не пробьёшь даже таким выпадом: "Как вы могли пройти мимо такого явления, как я!" Но всё это идет от беззащитности, от наивной жажды самоутверждения, от отчаяния, которое лечат водкой, а иногда верёвкой, прыжком из окна или пьяной дракой"²⁰ [2].*

Подводя итог, отметим, что после распада СССР на смену упорядоченной системе, десятилетиями выстраиваемой в сфере культуры, приходят неопределённость и хаос, отмена централизованного финансирования творческих союзов заставляет ХКПО искать новые источники средств к существованию и обращаться за помощью к краевым властям. Материальная поддержка из краевого бюджета, сдача помещений "Дома литератора" в субаренду, деятельность коммерческих структур при ХКПО, спонсорские средства – всё это давало возможность организации выживать на предельных оборотах, финансовое положение на протяжении изучаемого периода было тяжёлым. Уход государства из книжной сферы, трудности с публикацией литературных произведений, сокращение читательской аудитории, утрата писательством статуса полноценной профессии обусловили глубокий кризис идентичности.

Более чем двадцатилетний срок, отделяющий нас от "лихих девяностых", позволяет заключить, что эти годы стали для ХКПО началом конца. В новом столетии меры государственной поддержки последовательно сокращаются; членство в союзе писателей уже не гарантирует профессионального уровня; уходят в мир иной целый ряд выдающихся авторов, цвет дальневосточной литературы; роль членов организации в общественной и культурной жизни региона падает, теперь они составляют группу, тяготеющую к геттоизации, то есть достаточно замкнутую и слабо взаимодействующую с внешним миром [5, с. 2223]. В автобиографическом повествовании, которое вышло в свет в 2014 г., К.А. Партыка признавал: *"Ни мои прежние старания, ни усилия многолетнего председателя нашего правления, известного поэта Михаила Асламова и многих других деятельных и талантливых людей не спасли хабаровское писательство от измельчания и откровенного любительства, а писательскую организацию – от фактического краха"* [16].

Поднимаясь на общероссийский уровень, можно заключить, что "большой" союз писателей и подчинённые ему организации на местах, достигшие пика своего развития в позднесоветский период, в 1990-е годы переживают раскол и постепенно утрачивают свою общественную значимость. Вопреки ожиданиям, в новом столетии они не эволюционировали в сторону писательских профсоюзов, их статус и функции недостаточно ясны, законодательно творческие союзы до сих

¹⁹ Судя по всему, здесь идёт речь о стипендиях литераторам, введённых постановлениями губернатора (см. выше).

²⁰ Справочно приведём несколько фактов о членах ХКПО: Е.В. Самар (1926–1995) застрелился, Т.Ф. Чинарёва (1949–1997) выпала из окна четвёртого этажа при невыясненных обстоятельствах, В.В. Илюшин (1960–2001) умер от сердечного приступа прямо на улице, на скамейке (литературный критик А.М. Лобычев заключил, что здесь "в один узел стянулись и выпадение из социальной жизни, и творческое распутье, и отсутствие публикаций, житейская бесприютность и неминуемая водка" [7, с. 496]).

пор приравнены к прочим общественным организациям, а кроме упомянутых в данном исследовании СПР и СРП в стране действуют ещё несколько структур аналогичной направленности. В то же время, новых институтов, которые могли бы заменить старые, неэффективные, в литературной сфере не сложилось.

Литература

1. Акулич С. Писатель Хлебников ищет не лёгкий хлеб, а спонсоров // Тихоокеанская звезда. 29.10.1999.
2. Асламова Д.М. В любви, как на войне. URL: https://mir-knig.com/read_82471-112# (дата обращения: 02.03.2022).
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
4. Волкова Е.С. Влияние реформ конца XX – начала XXI в. на сферу культуры Дальнего Востока // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2021. Т. 33. С. 125–147. <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2021-33-125-147>.
5. Ионин Л.Г. Парад меньшинств. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2014. 176 с.
6. Катеринич В.Н. В городе Удачинске // Знамя. 1999. № 2. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=709&ysclid=lg4ic3eox9467737605> (дата обращения: 31.03.2023).
7. Лобычев А.М. Отплытие на остров Русский: Дальневосточная литература во времени и пространстве. Владивосток: Тихоокеанское издательство "Рубеж", 2013. 576 с.
8. "Мерседес" как символ ушедшей эпохи // Тихоокеанская звезда. 26.07.2002.
9. О дополнительных мерах государственной поддержки культуры и искусства в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 12.11.1993 № 1904 (ред. от 07.06.2013). Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс" (дата обращения: 06.04.2023).
10. О дополнительных мерах поддержки Хабаровской краевой писательской организации союза писателей Российской Федерации: Постановление Главы администрации Хабаровского края от 12.02.1996 № 60. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=180011789&backlink=1&&nd=180005795&ysclid=ifkhr5t5j913642929> (дата обращения: 23.03.2023).
11. О мерах поддержки Хабаровской писательской организации Союза писателей Российской Федерации: Постановление Главы администрации Хабаровского края от 27.05.1994 № 267. URL: <http://khabarovsk.regnews.org/doc/vr/a5.htm> (дата обращения: 15.06.2017).
12. О создании государственного учреждения Хабаровского края "Редакция литературно-художественного журнала "Дальний Восток": Постановление Главы администрации Хабаровского края от 11.05.1999 № 198. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=180015731&backlink=1&&nd=180007952&ysclid=ifkfq7qmhy105717098> (дата обращения: 23.03.2023).
13. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс" (дата обращения: 06.04.2023).
14. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5).
15. Основы законодательства РФ о культуре // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=110&issid=1101992046000&docid=748> (дата обращения: 06.10.2021).
16. Партыка К.А. Записки рокера в погонах. Автобиографическое повествование. URL: <http://www.proza.ru/2017/12/28/287> (дата обращения: 30.03.2023).
17. Сукачев В. "Дальнему Востоку" – 70! Биография продолжается // Дальний Восток. 2003. № 5. С. 3–8.
18. Тыцких В. Страсти под Феофаньчем, или местный симптом общего заболевания // Дальний Восток. 2002. № 1-2. С. 264–282.
19. Чернявский А.Г. Из-за крыльев ангела выглядывает бес // Тихоокеанская звезда. 06.09.2000.
20. Чернявский А.Г. Чтобы помнили: очерки. Хабаровск, 2018. 167 с.
21. Штопка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

References

1. Akulich S. Writer Khlebnikov is not looking for light bread, but sponsors. Tikhookeanskaya zvezda. 29.10.1999. (In Russ.).
2. Aslamova D.M. In love as in war. Available at: https://mir-knig.com/read_82471-112# (accessed 02.03.2022). (In Russ.).
3. Bauman Z. Individualized society. M., Logos Publ., 2005, 390 p. (In Russ.).
4. Volkova E.S. Influence of reforms at the end of 20th – early 21st century to the cultural sphere of Russian Far East. Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN, 2021, vol. 33, P. 125–147. (In Russ.).
5. Ionin L.G. Minority parade. M., Saint-Petersburg, Tsentr gumanitarnyh initsiativ Publ., Gnozis Publ.,

2014, 176 p. (In Russ.).

6. Katerinich V.N. In the city of Udachinsk. *Znanya*, 1999, no. 2. Available at: <https://znanlit.ru/publication.php?id=709&ysclid=lg4ic3eox9467737605> (accessed 31.03.2023). (In Russ.).

7. Lobychev A.M. Sailing to Russky island: Far Eastern literature in time and space. Vladivostok, Rubezh Publ., 2013, 576 p. (In Russ.).

8. Mercedes as a symbol of a bygone era. *Tikhookeanskaya zvezda*. 26.07.2002. (In Russ.).

9. On additional measures of state support for culture and art in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 1904 dated 12.11.1993 (ed. dated 07.06.2013). Access from the legal reference system "KonsultantPlyus" (accessed 06.04.2023). (In Russ.).

10. On additional measures to support the Khabarovsk Regional Writers' Organization of the Union of Writers of the Russian Federation: Resolution of the Head of the Administration of the Khabarovsk Territory dated 12.02.1996 No. 60. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=180011789&backlink=1&nd=180005795&ysclid=lfkihr5t5j913642929> (accessed 23.03.2023). (In Russ.).

11. On measures to support the Khabarovsk Writers' Organization of the Union of Writers of the Russian Federation: Resolution of the Head of the Administration of the Khabarovsk Territory dated 27.05.1994 No. 267. Available at: <http://khabarovsk.regnews.org/doc/vr/a5.htm> (accessed 15.06.2017). (In Russ.).

12. On the establishment of a state institution of the Khabarovsk Territory "Editorial Board of the literary and artistic magazine "Far East": Resolution of the Head of the Administration of the Khabarovsk Territory dated 11.05.1999 No. 198. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=180015731&backlink=1&nd=180007952&ysclid=lfkfq7qmhy105717098> (accessed 23.03.2023). (In Russ.).

13. On public associations: Federal Law No. 82-FZ of 19.05.1995. Access from the legal reference system "KonsultantPlyus" (accessed 06.04.2023). (In Russ.).

14. Society and Power in the Russian Far East in 1960–1991. General ed. by V.L. Larin; executive ed. A.S. Vashchuk. Vladivostok, 2016. 940 p. (The History of the Far East. Vol. 3. Book 5). (In Russ.).

15. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture. *Vedomosti SND RF i VS RF*, 1992, no. 46, art. 2615. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=110&issid=1101992046000&docid=748> (accessed 06.10.2021). (In Russ.).

16. Partyka K.A. Notes of a rocker in uniform. Autobiographical narrative. Available at: <http://www.proza.ru/2017/12/28/287> (accessed 30.03.2023). (In Russ.).

17. Sukachev V. "Far East" – 70! The biography continues. *Dal'nii Vostok*, 2003, no. 5, P. 3–8. (In Russ.).

18. Tytskikh V. Passions under Feofanych, or a local symptom of a common disease. *Dal'nii Vostok*, 2002, no. 1-2, P. 264–282. (In Russ.).

19. Chernyavskii A.G. A demon looks out from behind the wings of an angel. *Tikhookeanskaya zvezda*. 06.09.2000. (In Russ.).

20. Chernyavskii A.G. To be remembered: essays. Khabarovsk, 2018. 167 p. (In Russ.).

21. Shtompka P. Social change as a trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2001, no. 1, P. 6–16. (In Russ.).

Елена Сергеевна ВОЛКОВА, канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: elenavolkova1@yandex.ru

Elena S. VOLKOVA, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: elenavolkova1@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 10.04.2023

Добрена после рецензирования

(Approved) 17.11.2023

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2023

Научная статья
УДК 811.523
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/91-99>

Развитие компьютерной лингвистики и технологий обработки естественного языка (NLP) в РК и КНДР: возможности для российского корееведения

Марина Петровна КУКЛА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kukla.mp@dvfu.ru

Юлия Сергеевна КУЗЮРА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuziura.ius@students.dvfu.ru

Аннотация. В статье исследуются достижения в сфере технологий обработки естественного языка в Республике Корея и КНДР. Дана характеристика общедоступных корпусов корейского языка, созданных в различных институтах Республики Корея. Поднимается проблематика машинного перевода северокорейских текстов и даётся обзор международных исследований северного варианта корейского языка по методологии компьютерной лингвистики. Исследуются возможности использования корпусов корейского языка для развития преподавания корейского языка в российских вузах.

Ключевые слова: КНДР, Республика Корея, обработка естественного языка, корпусная лингвистика, корпусы корейского языка

Для цитирования: Кукла М.П., Кузюра Ю.С. Развитие компьютерной лингвистики и технологий обработки естественного языка (NLP) в РК и КНДР: возможности для российского корееведения // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 91–99. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/91-99>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/91-99>

The Development of Computational Linguistics and Natural Language Processing Technologies (NLP) in the Republic of Korea and the DPRK: Opportunities for Korean Studies in Russia

Marina P. KUKLA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kukla.mp@dvfu.ru

Yuliya S. KUZUYURA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuziura.ius@students.dvfu.ru

Abstract. The article examines achievements in natural language processing technologies in Republic of Korea and Democratic People's Republic of Korea. An overview of institutes conducting natural language processing research is provided along with an assessment of the work done by ROK and DPRK scientists. The issue of machine translation of DPRK texts based on existing parallel corpora and machine translation tools is discussed. The potential for applying corpus linguistics methodology (the corpus method) to improve the teaching of Korean language in Russian universities is investigated. The paper aims to comprehensively map the current state of natural language processing research and applications in the two Koreas and explore possibilities for cooperation and knowledge transfer that could accelerate progress.

Keywords: DPRK, Republic of Korea, Natural language processing (NLP), corpus linguistics, Korean language corpus

For citation: Kukla M. P., Kuzuyura Yu.S. The Development of Computational Linguistics and Natural Language Processing Technologies (NLP) in the Republic of Korea and the DPRK: Opportunities for Korean Studies in Russia // Oriental Institute Journal. 2023. № 4. P. 91–99. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/91-99>

Получившие в последнее время большое развитие компьютерная лингвистика и обработка естественного языка (Natural Language Processing, NLP), не являясь изначально родственными научными направлениями, во многом стали соприкасаться и решать смежные задачи. Корпусная (компьютерная) лингвистика предполагает информатизацию языковых исследований в понятной для человека форме, основанной на подобранных, обработанных по определённым правилам совокупностях текстов естественного языка. С другой стороны, обработка естественного языка включает три основных направления: распознавание речи, пони-

мание и генерация естественного языка – и тесно связана с машинным обучением. Сферу обработки естественного языка и компьютерную лингвистику объединяет использование больших данных естественного языка (устного, письменного) [2, с. 105].

Достижения корпусной лингвистики и NLP в Республике Корея

С распространением методов машинного обучения в обработке естественного языка создание языковых наборов данных и их публикация стали краеугольным камнем продвижения исследований. Технологией NLP в Южной Корее занимаются государственные учреждения, крупные вузы, учёные-энтузиасты, целью которых является создание открытых данных корейского естественного языка.

Национальный институт корейского языка, входящий в структуру Министерства культуры, спорта и туризма Республики Корея, является ведущим учреждением в стране, определяющим нормы корейского языка, а также осуществляющим работу по созданию корпусов и наборов данных корейского языка, стимулируя тем самым лингвистические исследования прежде всего в самой Республике Корея. Результатом работы института является Национальный корпус корейского языка (ModuCorpus), содержащий 39 корпусов и наборов данных общим объёмом 7 млн 583 тысячи документов: газетных текстов, устной речи, протоколов Национальной Ассамблеи и др. Есть также корпус оценки языковых возможностей искусственного интеллекта [18].

В 2021 г. Институт опубликовал доклад о завершении работы над параллельными (двухязычными) корпусами, содержащими тексты на корейском языке и их переводы на иностранные языки: вьетнамский, индонезийский, тайский, хинди, кхмерский, тагальский, русский и узбекский. Эти восемь языков представляются корейским лингвистам значимыми с точки зрения продвижения корейской массовой культуры. В докладе отмечено: "Поскольку "Корейская волна" вышла за рамки дорам и к-попа и охватила различные области, такие как корейский язык, фильмы, еда и индустрия красоты, крайне важно иметь языковые ресурсы для дальнейшего развития отношений с Россией и странами Центральной Азии с точки зрения культуры, экономики и социальной сферы". Новые параллельные корпусы содержат как текстовые материалы, так и устную речь: более 1 млн фраз для каждого языка. Поиск в Общем корпусе Национального института корейского языка, в том числе по параллельным корпусам, возможен лишь для зарегистрированных пользователей, что ограничивает его использование за рубежом [11].

Есть в Национальном институте корейского языка РК и открытый корпус, представляющий большие возможности для исследователей и преподавателей, в том числе русскоязычных. Речь идёт о корпусе изучающих корейский язык, который является полностью открытым [23]. Этот корпус состоит из текстовых и разговорных материалов иностранцев, изучающих корейский язык – представителей 142 стран, говорящих на 93 языках. Работа над составлением корпуса велась в течение 5 лет начиная с 2015 г. В текстах корпуса намеренно допускаются грамматические и орфографические ошибки, что имеет значение для анализа процесса обучения и создания учебных материалов. На настоящий момент в базе данных корпуса присутствует массив текстов 3 784 091 словоупотреблений. Общее количество документов корпуса – 26 152, из них 93,1% приходится на письменные тексты, 6,9% – на устные [1].

Большими достижениями в сфере корпусной лингвистики обладает университет Ёнсе, где работы по составлению корпусов ведутся с 1986 г. На специализированной страничке университета представлен список из 26 корпусов объёмом более 1 млрд 148 млн словоупотреблений. Репрезентативность обеспечивается разнообразием корпусов, представляющих различные жанры литературы, газетные тексты, материалы социальных сетей, учебные материалы школьных курсов, устную речь и другое. Особенностью системы корпусов Университета Ёнсе является возможность свободного поиска: на специализированной странице представлены 4 корпусных менеджера, каждый из которых обеспечивает поиск по нескольким связанным друг с другом корпусам [20].

Репрезентативным и открытым является также словарь и корпус Седжона, созданный в Сеульском национальном университете [14]. Корпус Седжона представляет собой крупномасштабный размеченный NLP-инструмент для таких задач, как синтаксический или грамматический анализ. Кроме того, недавно были выпущены размеченные корпуса объёмом около 300 миллионов словоупотреблений, предназначенные для решения задач машинного обучения.

Наряду с компьютерными корпусами, созданными под запросы человека, в Южной Корее ведётся большая работа по созданию наборов данных для машинного обучения, в который вовлечены не столько гуманитарные, сколько технические вузы и научные организации.

Корейский институт передовых технологий (KAIST) разработал и разместил в свободном доступе морфосинтаксический аннотированный корпус объёмом около 70 миллионов словоупотреблений. Он включает корпусы художественной литературы, публицистики, специально профессиональной литературы, параллельные корпуса (для китайского и английского языков) и т.д. [8]. Корейский корпус KAIST основан на независимо собранных 30000 предложений, аннотированных в соответствии со схемой древовидного тегирования для корейского языка. Корпуса KAIST доступны для скачивания только после регистрации, онлайн-менеджер в них отсутствует.

Наряду с языковыми корпусами ведётся работа по созданию наборов данных для машинного обучения. Они размещаются на различных платформах, в частности созданной Национальным агентством по вопросам информационного общества (NIA) платформой AI HUB [5]. Наборы данных создаются в рамках различных государственных задач, чтобы способствовать развитию искусственного интеллекта. Ведутся разработки моделирования разговорной речи. Также в свободном доступе находится открытый словарь NIAdic, предоставленный K-ICT Big Data Center [9].

Наборы данных готовят как исследователи-энтузиасты, так и крупные институты. Обучение искусственного интеллекта переводу и ответам на вопросы требует большого объёма информации, представленных в виде параллельных корпусов и наборов данных, содержащих вопросы и ответы. В целях развития машинного обучения собирают и речевые корпуса, включающие разговоры по телефону, аудиокниги и даже пхансори. Эти наборы данных также размещаются на различных платформах сообществ IT-специалистов –Github, Kaddle [10].

Таким образом, в настоящее время как в свободном доступе, так и в ограниченном находятся большие объёмы данных в виде многочисленных корпусов южного варианта корейского языка, которые могут быть использованы как для исследований и преподавания, так и для машинного обучения.

Обработка естественного языка в КНДР

О достижениях информационных технологий в КНДР по понятным причинам известно немного. Тем не менее нет сомнений, что такие исследования ведутся, и важной задачей остаётся их интеграция в международные исследования. По причине существенных языковых различий использовать для обработки северокорейского варианта языка указанные выше корпуса южного варианта корейского языка не вполне корректно (хотя и такие исследования ведутся, о чем будет сказано ниже).

Разработки в сфере искусственного интеллекта в КНДР стартовали более 25 лет назад с программирования компьютерных игр. В 1997 г. была разработана программа для игры в го "Серебряная звезда", благодаря которой северокорейская команда одержала победу на международных соревнованиях в 1998 г. В это время "Серебряная звезда" считалась лучшей программой для игры в го в мире, в середине 2000-х гг. северокорейские разработчики продали её Южной Корее [12].

Активизация работ в сфере обработки естественного языка в КНДР относится к концу 2006 г., когда Ким Чен Ир поручил команде учёных из университета имени Ким Ир Сена создать программу машинного перевода. Первые результаты были представлены в 2008 г. в виде программы "Рённамсан" (получившей название по

имени района, где расположен Университет). Есть большие основания полагать, что работа эта получила развитие, и в настоящее время инструменты машинного перевода активно используются в северокорейском интранете или национальной операционной системе "Красная звезда". 28 августа 2014 г. в "Нодон синмун" вышла статья о том, что исследователь Ким Кванхёк из университета имени Ким Ир Сена получил почётную молодежную награду имени Ким Чен Ира за разработку программы перевода, основанной на технологии ИИ [12].

Крупнейший вуз КНДР, Университет имени Ким Ир Сена, является лидером цифровых разработок. В нём действует несколько кафедр и центров, занимающихся вопросами информационных технологий, а в научном журнале Университета выходят статьи на тему компьютерной лингвистики.

В одной из работ проведен анализ морфологических и синтаксических характеристик устной речи северного варианта корейского языка, таких как опущение и изменение порядка слов, а также предложен метод автоматического создания корпуса устной речи. Языковые модели, используемые в эксперименте, были построены из набора данных "Нодон синмун" (письменный стиль) и сборников кинолитературы и драматических произведений (устный стиль). Упоминаемые в статье наборы данных письменных и устных текстов содержат 98 000 и 18 000 словоупотреблений соответственно [17, с. 11]. Считать их полноценными корпусами ввиду небольшого объёма некорректно, однако автор использует слово "корпус" для их обозначения.

В другой статье того же автора рассказывается о методах создания корпуса спонтанных высказываний через корпус письменного и устного языков. Отмечается, что создание большого корпуса устного языка, как правило, нецелесообразно из-за дороговизны сбора информации и записи. Поэтому корпусы, представляющие характеристики конкретной задачи, например, газеты, могут использоваться в сочетании с корпусами, представляющими характеристики спонтанной речи [16, с. 3].

Другая группа исследователей КНДР предлагает метод фильтрации для параллельного корпуса английского и корейского языков, в результате эксперимента получая более высокий уровень аккуратности перевода [13]. В другой работе исследователи университета Ким Ир Сена предлагают методы обработки естественного языка, а именно построение глагольного каркаса в предложении, таким образом занимаясь вопросом генерации текста [22].

Важную роль в развитии информационных технологий играет также Пхеньянский университет компьютерных технологий. В июне 2019 г. появилось сообщение о том, что кафедра программной инженерии этого вуза была переименована в кафедру интеллектуальных информационных технологий. С 2016 г. команда ученых этого университета ведёт разработку применения технологий ИИ в голосовом поиске.

В КНДР регулярно проводятся соревнования и выставки, где представлены достижения в сфере ИТ. В 2013 г. прошли 24-е соревнования по программированию и выставка, на которых был представлен Исследовательский институт ИИ Бюро Информационных технологий. Результатом работы этого исследовательского института является развлекательная площадка "Рюгён" для северокорейского интранета, где можно поиграть в го, шахматы и другие игры, а также программа проверки норм орфографии пхеньянского литературного языка [12].

Крупным событием в сфере информационных технологий в КНДР, связанным с ИИ в КНДР, является национальная выставка достижений информатизации (*чонгукчонбохвасонгвачолламхве*), которая проходит в Пхеньяне. Известно, что такие выставки проходили осенью 2019 и 2022 года.

Темой выставки 2019 г. была "цифровая экономика". На выставке проходили соревнования в программировании ИИ, на которых северокорейские предприятия и организации состязались в различных областях, которые кроме всего прочего включали программы распознавания лиц, программы голосового распознавания, программы текстового распознавания, программы машинного перевода,

программы распознавания отпечатков пальцев, программы распознавания номеров машин [12].

В октябре 2022 г. выставка проходила в виртуальной форме на базе Бюро информационных технологий Министерства информационной индустрии. На ней было представлено 1400 образцов, в том числе программы для операционной системы "Красная звезда" (*пультыгиппёль*), облачные вычисления, технологии больших данных, интернет вещей. Научно-исследовательский институт информационных технологий Института развития передовых технологий Университета Ким Ир Сена представил комплексную систему управления производством программного обеспечения и систему распознавания биометрической информации [21].

Таким образом, исследования и практические разработки в сфере лингвистики и обработки естественного языка, равно как и международное сотрудничество в этой сфере может стать для российских университетов одним из направлений сотрудничества с северокорейскими вузами.

Зарубежные исследования северного варианта корейского языка

С момента разделения Кореи прошло почти 80 лет, и за эти годы языки государств Корейского полуострова стали существенно отличаться друг от друга. Актуальность приобретает вопрос перевода с одного языка на другой. Появляются онлайн словари, осуществляющие такой перевод. Известным и доступным переводчиком-словарём является "Кыльтонму" (*кор.* "товарищ по языку") [15]. Аналогичные приложения-переводчики разработаны и для смартфонов, например, "На-рамаль понёкки" (*кор.* "переводчик языка нашей страны"), выпущенное в 2018 г. и обновлённое в 2021 г. Оба эти приложения механически меняют слова, принятые в одном варианте языка, на другие либо так же заменяют грамматические конструкции. Такие приложения эффективны для простых бытовых фраз, однако для сложных текстов не применимы.

Для обработки естественного языка требуется большое количество языковых наборов данных. Для языка КНДР по многим причинам такие ресурсы дефицитны, что очень затрудняет разработку моделей перевода или генерации текста.

Большинство языковых исследований пытаются обойти проблему дефицита ресурсов либо полагаясь на ручное чтение экспертами предметной области статей о КНДР, либо сосредотачивая внимание на англоязычных статьях, предоставленных Центральным телеграфным агентством Кореи (ЦТАК). Использование методов NLP во всех этих исследованиях, как правило, построены на поиске ключевых слов (наиболее часто используемых слов в тексте).

Проблему нехватки ресурсов северокорейского варианта корейского языка поднимают в своих работах зарубежные специалисты. Например, учёные из Японии занимаются тем, что также создают доступный корпус северокорейского языка, а также проводят эксперименты по созданию машинного выравнивания предложений. Они, в частности, отметили проблему, что северокорейские слова с начальным "ㄹ" (например, *립장, 룡군*) не могут быть адекватно переведены современными средствами машинного перевода [7]. Они же посвятили свою работу по составлению параллельного корпуса северокорейского варианта языка на базе сайта Комитета по мирному объединению родины (известному как "*Уриминждоккири*"), которая публикует статьи на нескольких языках (английском, китайском, русском и японском).

Специалисты из Токийского Университета, обращаясь к проблеме нехватки лингвистических ресурсов северного варианта корейского языка, предлагают большой набор данных, используют его для обучения языковой модели BERT. Актуальными задачами, с которыми выступают исследователи, остаются поиск инструментов для веб-скрапинга ресурсов КНДР, создание языковых моделей, параллельных корпусов [6].

Любопытные результаты получили исследователи из Токийского университета, которые методом веб-скрапинга создали базу текстов газеты "Нодон синмун" с 2018 г. и включающую около 50 тысяч статей [6, с. 5596]. Они получили набор данных из 27401 документов общим объемом 471 417 предложений. Они поль-

зовались не сайтом газеты, а сайтом ЦТАК, который ежедневно печатает тексты "Нодон синмун" как на корейском, так и на английском языках. Второй набор данных, которые изучали исследователи, состоял из новогодних обращений руководителей КНДР 1946 – 2019 гг. в текстовом формате (за исключением 1957 г.). Этот набор данных составил 73 документа объёмом 5709 предложений.

В результате исследования авторы пришли к выводу о том, что использование корейского языка в новогодних речах руководителей КНДР гораздо больше напоминает южный вариант корейского языка по сравнению с новостными статьями "Нодонсинмун". С другой стороны, в новостных статьях "Нодонсинмун" корейский язык используется гораздо более индивидуально и разнообразно [6].

К вопросу о корпусном преподавании в корееведении

В российском корееведении, на наш взгляд, пока недостаточно представлены научные и педагогические работы, основанные на методологии корпусной лингвистики. При этом доступность корпусов корейского языка даёт немало возможностей для применения корпусного подхода не только в преподавании, но и в проектной и научной работе студентов. Такой опыт в ДВФУ уже имеется. Пионером корпусной лингвистики в корееведении ДВГУ был преподаватель кафедры корейской филологии В.Н. Кожемяко, который в конце 1990-х – начале 2000-х гг. вёл активную работу по внедрению в учебный процесс новых информационных технологий, в том числе корпусной лингвистики. Несмотря на то что цели по созданию системы автоматизированного перевода не удалось достичь, корпусный подход показал себя эффективным и действенным способом вовлечь студентов в языковые исследования, повысить мотивацию к учёбе.

Корпусные данные дают возможность получить доступ к обширному массиву аутентичных материалов, увидеть язык в действии, верифицировать или уточнить идеи о языковых закономерностях и многое другое. При этом корпусный подход в преподавании особенно актуален для наглядного представления таких аспектов языка, как историческая, географическая и социальная вариативность, а также для анализа тенденций развития языковой системы.

Корпусная лингвистика может быть применена в преподавании для разработки учебных материалов, заданий для обучающихся, а также в научно-исследовательской и проектной работе студентов. Эксперименты показывают, что использование корпусов как учебного инструмента показало себя очень эффективным [4].

Определённый задел для учебной и исследовательской работы создан на базе Национального корпуса русского языка. На сайте НКРЯ размещены двуязычные пары параллельных корпусов, в том числе для таких восточных языков, как китайский и корейский. Объём корейского корпуса небольшой – 185 документов, 12 300 предложений, 73 752 слова. Составлен он из публицистических текстов южнокорейского варианта корейского языка и их переводов на русский язык. Параллельный корпус представляет собой важный инструмент для научных исследований, например, в области типологии, контрастивной лингвистики, внутриязыкового варьирования, а также для исследований по теории и практике перевода [3].

Заключение

В Южной Корее исследования в сфере обработки естественного языка идут в большом масштабе. Различные направления работы: создание корпусов естественного языка, в том числе параллельных, для преподавания и исследований, создание наборов данных для машинного обучения – ведут государственные исследовательские институты, университеты, инициативные группы исследователей. В настоящее время существует несколько обширных корпусов корейского языка, доступ к которым полностью открыт. Их можно использовать как в обучении корейскому языку на аутентичных материалах, так и в изучении различных аспектов корейского языка.

Что касается КНДР, то здесь ведутся исследования распознавания речи, создаются наборы данных для машинного обучения, однако в очень скромном масшта-

бе. Зарубежные учёные, прежде всего в Южной Корее и Японии, также работают с проблемой машинного перевода северокорейских текстов на базе корпусов южнокорейского варианта языка. Актуальными задачами остаются поиск инструментов для веб-скрапинга ресурсов КНДР, создание языковых моделей и параллельных корпусов

Литература

1. Коврова С.Н. О Корпусе изучающих корейский язык // Гуманитарные науки. Студенческий научный форум. Электронный сборник статей по материалам XXXVI студенческой международной научно-практической конференции. Москва: МЦНО. 2021. № 1 (36). С. 50–59. URL: [https://nauchforum.ru/archive/SNF_humanities/1\(36\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/SNF_humanities/1(36).pdf)(дата обращения: 18.11.2020).
2. Кузьмина А.А. и др. Методы компьютерной лингвистики и обработки естественного языка: возможности и ограничения для задач психологии личности/ А.А. Кузьмина, М.А. Лифшиц, В.Ю. Костенко // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 1. С. 104–115. <https://doi.org/https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110110>
3. Параллельный корпус (корейский) // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=kor> (дата обращения: 26.04.2023).
4. Хорошилова С.П. Корпусное преподавание как средство совершенствования исследовательской компетенции студентов// Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2022. Т. 16. № 2. С. 112–117.
5. AIHub. URL: <https://www.aihub.or.kr/aihubdata/data/list.do?currMenu=115&topMenu=100&srchDataRealmCode=REALM002> (дата обращения: 18.11.2022).
6. Akdemir Arda et al. Developing Language Resources and NLP Tools for the North Korean Language/ AkdemirArda, Jeon Yeojoo, Shibuya Tetsuo // Proceedings of the 13th Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2022), Marseille. 20–25.06.2022. P. 5595–5600. URL: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2022/index.html> (дата обращения: 26.04.2023).
7. Kim Hwicheon et al. Learning How to Translate North Korean through South Korean / Kim Hwicheon, Moon Sangwhan, Okazaki Naoaki, Komachi Mamoru // Proceedings of the 13th Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2022), Marseille. 20–25.06.2022. P. 6711–6718. URL: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2022/index.html> (дата обращения: 26.04.2023).
8. KAIST Corpus // SemanticWebResearchCenter. URL: http://semanticweb.kaist.ac.kr/home/index.php/KAIST_Corpus (дата обращения: 18.11.2022).
9. NIA Data Intelligence Cloud // K-ICTBigDataCenter. URL: https://kbig.kr/portal/kbig/knowledge/files/bigdata_report.page?bltnNo=10000000016451 (дата обращения: 18.11.2022).
10. Cho Won Ik et al. Open Korean Corpora: A Practical Report /Cho Won Ik, Sangwhan Moon, Youngsook Song // ACL Anthology. URL: <https://aclanthology.org/2020.nlposs-1.12.pdf> (дата обращения: 18.11.2022). <https://doi.org/10.48550/arXiv.2012.15621>
11. 2021년. 한국어-외국어병렬말뭉치구축사업 // 국립국어원. 2022 = 2021 год. Проект по созданию параллельного корпуса корейского и иностранного языков // Национальный институт корейского языка. 2022. URL: https://korean.go.kr/front/reportData/reportDataView.do?mn_id=207&searchOrder=years&report_seq=1090&pageIndex=1 (дата обращения: 26.04.2023).
12. 강진규. 조선인공지능인민공화국?... 북한은 이미 AI 열풍 // NK경제, 2020.01.20 = Кан Чингю. Корейская информационная технологическая республика?... Бум ИИ в Северной Корее // NKEconomics. URL: <http://www.nkeconomy.com/news/articleView.html?idxno=2415> (дата обращения: 26.04.2023).
13. 김준규, 신혁철. 병렬코퍼스자동구축체계에서영-조병렬코퍼스러과의한가지방법/김일서종합대학학보. 주체110(2021)년. 제67권. 제1호. 55–58쪽= Ким Чунгю, Син Хёкчхоль. Один из способов автоматического построения англо-корейского параллельного корпуса в системе автоматического построения параллельных корпусов // Вестник Университета имени Ким Ир Сена, 2021. Т. 67. № 1. С. 55–58. URL: <http://www.gyongnamsan.edu.kp/univ/plugins/pdfviewer/web/viewer.html?file=618faa1728eb2ef6e3733645273ab145koj> (дата обращения: 26.04.2023).
14. 꼬꼬마세종말뭉치활용시스템 // 꼬꼬마= Система использования корпуса Маленький Седжон// KKMA. URL: <http://kkma.snu.ac.kr/#/> (дата обращения: 18.11.2022).
15. 남북한어번역기 // 글동무= Северо- и южнокорейский переводчик // Кьльтонму. URL: <https://www.geuldongmu.org/> (дата обращения: 18.11.2022).
16. 리혁철. 조선어입말체본문코퍼스생성을위한글말체와입말체토사이의대응결정방법/김일서종합대학학보. 주체 111(2022)년제68권. 제2호. 3–7 쪽= Ри Хёкчхоль. Способ определения соответствия между формальным и неформальным стилем для создания корейского корпуса с неформальным разговорным стилем // Вестник Университета имени Ким Ир Сена, 2022. Т. 68. № 2. С. 3–7. URL: <http://www.gyongnamsan.edu.kp/univ/plugins/pdfviewer/web/viewer.html?file=bb4abc56ac2093f48c7c26980ec4a4c0koj> (дата обращения: 26.04.2023).
17. 리혁철. 조선어자연발화음성인식에서토의생략과어순바꿈을모방한입말체본문코퍼스의생성방법. 김일

서중함대학학보. 주체 111(2022)년제68권. 제4호. 9–13쪽 = Ри Хёкчхоль. Способ определения соответствия между формальным и неформальным стилем для создания корейского корпуса с неформальным разговорным стилем // Вестник Университета имени Ким Ир Сена, 2022. Т. 68. № 2. С. 9–13. URL: <http://www.ryongnamsan.edu.kp/univ/plugins/pdfviewer/web/viewer.html?file=016669d2649ea531365419cc792ef8b3koj> (дата обращения: 26.04.2023).

18. 문화체육관광부국립국어원= Национальный институт корейского языка// Corpus.korean. URL: <https://corpus.korean.go.kr/> (дата обращения: 18.11.2022).

19. 연세말뭉치용례검색시스템 // 연세대학교언어정보연구원= Система поиска в корпусах университета Ёнсе // Институт языка и лингвистических исследований Ёнсе. URL: <https://ilis.yonsei.ac.kr/corpus/#/> (дата обращения: 18.11.2022).

20. 연세말뭉치 // 연세대학교언어정보연구원= Корпус Ёнсе // Институт языка и лингвистических исследований Ёнсе. URL: <https://ilis.yonsei.ac.kr/콘텐츠/연세말뭉치> (дата обращения: 18.11.2022).

21. 정보화실현을위해일마나관심하고폼을들이고있는가. 전국정보화성과전람회 – 2022// 로동신문. 25.10.2022. 4쪽 = Насколько вы заинтересованы и готовы к осуществлению информатизации? Национальная выставка достижений информатизации 2022 // НодонСинмун. 25.10.2022. С. 4. URL: <http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?M2TJAMJyMi0xMC0yNS10MDE4QDExQDBA7KCE6rWt7KCV67O07ZmU7ISx6rO87KC E656M7ZqMQDBAMw> (дата обращения: 26.04.2023).

22. 최성로. 코퍼스를통한동사격률자동구축에서나서는한가지방법 // 김일서중함대학학보. 주체 111(2022)년. 제68권. 제2호. 37–46 쪽 =Чхе Сонно. Один из способов автоматического построения структур глаголов на основе корпуса // Вестник Университета имени Ким Ир Сена. 2022. Т. 68. № 2. С. 37–46. URL: <http://www.ryongnamsan.edu.kp/univ/plugins/pdfviewer/web/viewer.html?file=8e50baf642bd6685e593bf238aa27051koj> (дата обращения: 26.04.2023).

23. 한국어학습자말뭉치나눔터= Корпус изучающих корейский язык// Kcorpus. URL: <https://kcorpus.korean.go.kr/> (дата обращения: 18.11.2020).

References

1. Kovrova S.N. About the Corps of Students Learning Korean Language // Humanities. Student Scientific Forum. Electronic Collection of Articles Based on the Materials of the 36th International Student Scientific and Practical Conference. Moscow: MCNO, 2021. № 1 (36). P. 50–59. URL: [https://nauchforum.ru/archive/SNF_humanities/1\(36\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/SNF_humanities/1(36).pdf) (accessed 18.11.2020) (In Russ.).

2. Kuzmina A. A. et al. Methods of Computer Linguistics and Natural Language Processing: Opportunities and Limitations for Personality Psychology Tasks / A.A. Kuzmina, M.A. Lifshits, V. Yu. Kostenko // Journal of Modern Foreign Psychology. 2022. Vol. 11. No. 1. P. 104–115. <https://doi.org/https://doi.org/10.17759/jmpf.2022110110> (In Russ.).

3. Parallel Corpus (Korean) // National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=kor> (accessed 26.04.2023). (In Russ.).

4. Khoroshilova S.P. Corpus Teaching as a Means of Improving Students' Research Competence // Topical Issues of Philology and Methods of Foreign Language Teaching. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 112–117. (In Russ.).

5. AI Hub. URL: <https://www.aihub.or.kr/aihubdata/data/list.do?currMenu=115&topMenu=100&srchDataRealmCode=REALM002> (accessed 18.11.2022).

6. Akdemir Arda et al. Developing Language Resources and NLP Tools for the North Korean Language / Akdemir Arda, Jeon Yeojoo, Shibuya Tetsuo // Proceedings of the 13th Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2022), Marseille. 20–25.06.2022. P. 5595–5600. URL: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2022/index.html> (accessed 26.04.2023).

7. Kim Hwihanet al. Learning How to Translate North Korean through South Korean / Kim Hwihan, Moon Sangwhan, Okazaki Naoaki, Komachi Mamoru // Proceedings of the 13th Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2022), Marseille. 20–25.06.2022. P. 6711–6718. URL: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2022/index.html> (accessed 26.04.2023).

8. KAIST Corpus // Semantic Web Research Center. URL: http://semanticweb.kaist.ac.kr/home/index.php/KAIST_Corpus (accessed 18.11.2022).

9. NIA Data Intelligence Cloud // K-ICT Big Data Center. URL: https://kbig.kr/portal/kbig/knowledge/files/bigdata_report.page?bltnNo=1000000016451 (accessed 18.11.2022). (In Kor.).

10. Cho Won Ik et al. Open Korean Corpora: A Practical Report /Cho Won Ik, Sangwhan Moon, Youngsook Song // ACL Anthology. URL: <https://aclanthology.org/2020.nlposs-1.12.pdf> (accessed 18.11.2022). (In Kor.). <https://doi.org/10.48550/arXiv.2012.15621>

11. 2021. Korean-Foreign Language Parallel Corpus Construction Project // National Institute of Korean Language. 2022. URL: https://korean.go.kr/front/reportData/reportDataView.do?mn_id=207&searchOrder=years&report_seq=1090&pageIndex=1 (accessed 26.04.2023). (In Kor.).

12. Kang Jin-kyu. The Democratic People's Republic of AI?...North Korea is Already in the AI Craze // NK Economy. URL: <http://www.nkeconomy.com/news/articleView.html?idno=2415>(accessed26.04.2023). (In Kor.).

13. Kim Jun-kyu, Shin Hyuk-cheol. One Method of Evaluating English-Korean Parallel Corpus in an Automatic

Parallel Corpus Construction System // Kim Il-sung University Bulletin. 2021. Vol. 67. Issue 1. P. 55–58. URL: <http://www.ryongnamsan.edu.kp/univ/plugins/pdfviewer/web/viewer.html?file=618faa1728eb2ef6e3733645273ab145koj> (accessed 26.04.2023). (In Kor.).

14. The System of Using the Little Sejong Corpus// KKMA. URL: <http://kkma.snu.ac.kr/> /#/ (accessed 18.11.2022). (In Kor.).

15. North and South Korean Translator // Kultongmu. URL: <https://www.geuldongmu.org/> (accessed 18.11.2022). (In Kor.).

16. Ri Hyuk-chol. Method for determining correspondences between written and spoken styles for creating a corpus of colloquial Korean speech // Kim Il-sung University Journal, 2022. Vol. 68, № 2. P. 3–7 URL: <http://www.ryongnamsan.edu.kp/univ/plugins/pdfviewer/web/viewer.html?file=bb4abc56ac2093f48c7c26980ec4a4c0koj> (accessed 26.04.2023)(In Kor.).

17. Ri Hyuk-chol. Method for determining correspondences between written and spoken styles for creating a corpus of colloquial Korean speech // Kim Il-sung University Journal, 2022. Vol. 68, № 2. P. 9–13. URL: <http://www.ryongnamsan.edu.kp/univ/plugins/pdfviewer/web/viewer.html?file=016669d2649ea531365419cc792ef8bcko> (accessed 26.04.2023). (In Kor.).

18. The Ministry of Culture, Sports and Tourism, National Institute of Korean Language // Corpus.korean. URL: <https://corpus.korean.go.kr/> (accessed 18.11.2022). (In Kor.).

19. Yonsei Corpus Search System // Yonsei University Language Information Research Institute. URL: <https://ilis.yonsei.ac.kr/corpus/#/> (accessed 18.11.2022). (In Kor.).

20. The Yonsei Corpus // Yonsei University Language Information Research Institute. URL: <https://ilis.yonsei.ac.kr/콘텐츠/연세말공치> (accessed 18.11.2022). (In Kor.).

21. How Much Attention and Effort is Being Invested for the Realization of Information Society? National Information and Communications Technology Achievements Exhibition – 2022 // Rodong Sinmun. 25.10.2022. P. 4. URL: <http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?MTJAMjAyMi0xMC0yNS1OMDE4QDEsQDBA7KCE6rWt7KCV67O07ZmU7ISx6rO87KCE656M7ZqMQDBAMw> (accessed 26.04.2023). (In Kor.).

22. Choi Seong-ro. One Method of Moving Beyond Verb Case Frame Construction through Corpus// Kim Il-sung University Bulletin. Vol. 68. Issue 2. P. 37–46. URL: <http://www.ryongnamsan.edu.kp/univ/plugins/pdfviewer/web/viewer.html?file=8e50baf642bd6685e593bf238aa27051koj> (accessed 26.04.2023). (In Kor.).

23. Korean Learner Corpus Sharing Platform // Kcorpus. URL: <https://kcorpus.korean.go.kr/> (accessed 18.11.2020) (In Kor.).

Марина Петровна КУКЛА, канд. экон. наук, доцент кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kukla.mp@dvfu.ru

Юлия Сергеевна КУЗЮРА, студентка Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kuziura.ius@students.dvfu.ru

Marina P. KUKLA, Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kukla.mp@dvfu.ru

Yuliya S. KUZUYURA, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuziura.ius@students.dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 24.05.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 09.11.2023

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2023

Лингвостилистические особенности романа Кавабата Ясунари "Снежная страна"

Александр Игоревич ПЕТРЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, petrenko.aig@students.dvfu.ru

Аннотация. В данной работе анализируются языковые и стилистические средства создания индивидуального авторского стиля Кавабата Ясунари в романе "Снежная страна". В ходе исследования выявлены языковые средства (прежде всего лексические), задействованные в образно-речевой конкретизации и участвующие в реализации эстетической задачи автора, а также представлено описание стилистических средств выразительности, используемых автором для воплощения эстетического замысла. Методом исследования является лингвостилистический с применением приёмов контекстологического, семантико-стилистического анализа.

Ключевые слова: лексическая репрезентация, метод "слово-образ", художественный стиль, концептуальный анализ, образ Комако, образ Йоко, образ Млечного пути

Для цитирования: Петренко А.И. Лингвостилистические особенности романа Кавабата Ясунари "Снежная страна" // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 100–109. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/100-109>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/100-109>

Characteristics of language and style in Kawabata Yasunari's novel "Snow country"

Alexander I. PETRENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, petrenko.aig@students.dvfu.ru

Abstract. This article examines the linguistic and stylistic means of creating the individual author's style of Kawabata Yasunari in the novel "Snow Country". The study identified linguistic means (primarily lexical) involved in the figurative-speech concretization and participating in the implementation of the author's aesthetic task, as well as a description of the stylistic means of expression used by the author to realize the aesthetic intention. The research method is linguo-stylistic with the use of methods of contextological and semantic-stylistic analysis.

Keywords: lexical representation, "word-image" method, art style, conceptual analysis, Komako character, Yoko character, Milky Way character

For citation: Petrenko A.I. Characteristics of language and style in Kawabata Yasunari's novel "Snow country" // Oriental Institute Journal. 2023. № 4. P. 100–109. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/100-109>

Введение

Кавабата Ясунари – одна из знаковых фигур японской литературы XX века, лауреат Нобелевской премии по литературе, творчество которого развивается в рамках направления "Неосенсуализм", а художественные особенности произведений отражают национальные культурные традиции и мировоззрение дзен-буддизма [4, с. 69].

М.П. Герасимова, рассуждая о "традиционности" и в то же время "специфичности" творчества Кавабата Ясунари, указывает на такие взаимосвязанные явления, как "философская поэтичность" и многоплановость. По мнению исследовательницы, в целом произведениям Кавабата характерно наличие трех планов: с одной стороны, это традиционное для японского искусства сочетание плана космографического, соотносимого с Вечностью, и плана повседневного, мирского, с другой – весьма выразительного и четко прослеживаемого во многих текстах Кавабата плана ассоциативного подтекста. Соотношение этих планов и их проявление в произведениях автора может варьироваться [2, 3].

О многоплановости произведения Кавабата Ясунари также пишет американский исследователь Джеймс Т. Араки, отмечая в своей работе, что суггестивное свойство, характеризующее стиль "Снежной страны", придает роману глубину, которую можно изучать неоднократно [1, с. 331–349].

Высоконтекстуальность культуры Японии и имплицитный характер традиционного японского искусства в целом – особенности, на которые также ссылаются исследователи, отмечая, что именно ими обуславливаются такие черты художественного стиля Кавабата Ясунари, как высокий уровень недосказанности и скрытый символизм. Это, в частности, становится проблемой художественного перевода [5, с. 594–595].

Представляется важным отметить, что исследования художественных произведений Кавабата Ясунари в большинстве своем носят литературоведческий или культурологический характер. В связи с этим новизну данного исследования составляет обращение к лингвистическому аспекту изучения текстов данного автора, в частности к описанию лингвостилистических особенностей.

В данной статье представлена попытка исследования одного из самых успешных произведений Кавабата Ясунари – романа "Снежная страна", текст которого, на наш взгляд, обладает языковым и художественно-стилевым своеобразием. Предметом исследования являются разноуровневые языковые средства и стилистические средства выразительности, служащие для вербализации центральной художественной идеи (художественного гиперконцепта) и создания образной системы произведения, а также участвующие в формировании индивидуального стиля писателя.

Цель работы состоит в описании и интерпретации языковых и стилистических средств создания индивидуального авторского стиля Кавабата Ясунари в романе "Снежная страна", которая достигается последовательностью задач, среди которых формулирование эстетической (идейно-художественной) задачи автора произведения; выделение в тексте романа и описание языковых средств (прежде всего лексических), задействованных в образно-речевой конкретизации и участвующих в реализации эстетической задачи автора, а также интерпретация стилистических средств выразительности (тропов и риторических фигур), используемых автором для воплощения эстетического замысла.

Исследование осуществляется с помощью лингвостилистического метода с применением приёмов контекстологического, семантико-стилистического анализа и метода "слово-образ" [1, с. 445–468].

В статье использованы фрагменты из текста произведения "Снежная страна" на языке оригинала [8], а также их перевод на русский язык, выполненный З. Рахимом [7].

Ключевую художественную идею произведения Кавабата Ясунари "Снежная страна" мы можем сформулировать как *одиночество вследствие неспособности любить*. Основными образами, репрезентирующими художественный замысел автора, являются: "снег", "холод", "ночь" – образы, олицетворяющие одиночество, нераскрытые чувства, отсутствие любви. Место действия всех событий – заснеженная провинция в горном районе на севере Японии. Оно становится художественным пространством, в котором успешно раскрываются волнующие автора образы.

Ещё одним концептообразующим образом в тексте произведения является образ *Млечного пути*. *Млечный путь*, который "с грохотом низвергается" на главного героя в финале романа, реализует идеи неотвратимости, вселенского фатума, приводящие к осознанию невозможности любви. Образ *Млечного пути*, бесконечного звездного неба, падающего на Симамура, ярко подчёркивает идею духовного поражения, мощного опустошающего эмоционального переживания и гибели идеального непорочного чистого мира. Это своеобразный катарсис, освобождение от всего ненужного, несущественного, что преследовало главного героя на протяжении всей его жизни.

Специфичным в романе оказывается и художественное время, разворачивающееся одновременно в настоящем и в прошлом героя, что создаёт эффект эфемерности происходящего. Так, в тексте произведения делается акцент на поток чувств, преодолевающих главного героя, на скоротечность и иллюзорность наблюдаемого мира, на постоянные воспоминания. Такой приём находит своё отражение

в структуре произведения, части которой не имеют между собой чётких и ясных границ, за счёт чего создаётся эффект замешательства, и местами читателю трудно провести черту между воспоминанием и действительностью.

Отдельно стоит выделить два диалектически противопоставленных образа женских персонажей, на которых сконцентрирована рефлексия героя в романе: Комако и Йоко.

Персонаж Комако олицетворяет образ реального мира. В тексте отношения главного героя и девушки Комако характеризуются полным спектром живых человеческих чувств и переживаний: от физического влечения, ссор, лжи, раздражения и стыда до дружбы, взаимопонимания, заботы и нежности. Её реальность, не призрачность, осязаемость подчёркивается наличием эпитетов, описывающих физические проявления красоты девушки. Так, в тексте не раз упоминается необыкновенная чистота Комако, снежная белизна её кожи, удивительно холодные густые чёрные волосы девушки, но при этом обращается внимание на её склонность заливаться ярко-красной краской смущения и стыда.

Персонаж Йоко олицетворяет образ идеального (ирреального) мира, утратившего связь с окружающим. На протяжении всего текста произведения главный герой практически совсем не контактирует с героиней Йоко напрямую. Большую часть времени он рефлексировал над её образом, увиденным в отражении оконного стекла поезда, и вспоминает её "до боли прекрасный голос". В описании данного персонажа делается акцент на его иллюзорном, фантастическом характере восприятия – восприятия сквозь призму прозрачного отражения. Сквозным в отношении персонажа Йоко является мотив огня: в тексте прослеживается параллель между "огоньком, засветившимся где-то вдаль", который "вспыхнул на лице девушки", и охваченным пожаром зданием, со второго этажа которого "свободно и безжизненно" падало тело Йоко.

Таким образом, основная художественная идея автора, на наш взгляд, реализуется в таком структурном соотношении центральных образов: концепт одиночества репрезентируется через образы снега, холода и ночи; концепт неспособности любить выражен в тексте, с одной стороны, в противопоставлении женских образов Комако и Йоко, воплощающих чувственность и платоническую любовь, с другой стороны, введением образа *Млечного пути*.

Средства лексической репрезентации образа Млечного пути. Рассмотрим контексты романа "Снежная страна", в которых реализуется образ *Млечного пути*, и проанализируем авторские приёмы его лексической репрезентации. Методикой сплошной выборки нами были выделены пять фрагментов, представляющих собой, в терминологии Н.С. Болотновой, расширенный контекст функционирования номинации "Млечный путь" [1, с. 449].

1) 「天の河。きれいねえ」

駒子はつぶやくと、その空を見上げたまま、また走り出した。

ああ、天の河と、島村も振り仰いだとたんに、天の河のなかへ体がふうと浮き上ってゆくようだった。天の河の明るさが島村を掬い上げそうに近かった。旅の芭蕉が荒海の上に見たのは、このようにあざやかな天の河の大きさであったか。裸の天の河は夜の大地を素肌で巻こうとして、すぐそこに降りて来ている。恐ろしいなまめかしさだ。島村は自分の小さい影が地上から逆に天の河へ写っていそうに感じた。天の河にいっぱい星が一つ一つ見えるばかりでなく、ところどころ光雲の銀砂子も一粒一粒見えるほど澄み渡り、しかも天の河の底なしの深さが視線を吸い込んで行った。

" – Млечный Путь... Как красиво... – сказала Комако, взглянув на небо, и опять побежала.

"А-а... Млечный Путь..." – подумал Симamura, тоже бросив взгляд на небо. И у него сразу возникло такое чувство, словно его тело вливается в этот Млечный Путь. Млечный Путь был совсем близко, он притягивал. Может быть, Басё, плывя по бурному морю, видел ту же яркую бесконечность над своей головой?.. Млечный Путь лнул к земле всей своей наготой и стекал вниз. Он был тут, совсем рядом. До сумасшествия обольстительный. Настолько прозрачный и ясный, что была видна каждая серебристая пылинка светящихся туманностей. И все же взгляд утопал в бездонной глубине Млечного Пути".

2) 天の河は二人が走って来たうしろから前へ流れおきて、駒子の顔は天の河のなかで照らされるように見えた。

しかし、細く高い鼻の形も明かでないし、小さい唇の色も消えていた。空をあふれて横切る明りの層が、こんなに暗いのかと島村は信じられなかった。薄月夜よりも淡い星明りなのだろうが、どんな満月の空よりも天の河は明るく、地上になんの影もないほのかさに駒子の顔が古い面のように浮んで、女の匂いのすることが不思議だった。

見上げていると天の河はまたこの大地を抱こうとしておりて来ると思える。

大きい極光のようでもある天の河は島村の身を浸して流れて、地の果てに立っているかのようにも感じさせた。しいんと冷える寂しさでありながら、なにかなまめかしい驚きでもあった。

"Млечный Путь брал начало там, откуда они шли, и тек в одном с ними направлении. Лицо Комако, казалось, плыло в Млечном Пути."

И всё же её тонкий прямой нос сейчас не имел чёткого контура, губы потеряли цвет. Симауре просто не верилось, что вокруг так темно, несмотря на сияние, заливавшее все небо. Звёздный свет, вероятно, бледнее луны в новолуние, но Млечный Путь гораздо ярче самой полной луны, и было странно, что сейчас, в бледном мерцании, когда на земле нет ни одной тени, лицо Комако смутно проступает из тьмы, как старинная маска, и что он, Симаура, чувствует рядом с собой женщину.

Симаура смотрел на Млечный Путь, и ему снова стало казаться, что он надвигается на землю.

Казалось, Млечный Путь, похожий на огромное северное сияние, течет и омывает его тело. А сам Симаура словно бы стоит на краю земли. И Млечный Путь наполняет его леденящей, пронизывающей тоской и в то же время обольщает, обольщает..."

3) 駒子はちよっと左手を上げてから走った。後姿が暗い山の底に吸われて行くようだった。天の河はその山波の線で切れるところに裾をひらき、また逆にそこから花やかな大ききで天へひろがってゆくようだったから、山はなお暗く沈んでいた。

"Комако взмахнула левой рукой и побежала. Её фигура растворилась на фоне чёрной горы. Волнистые контуры горы были окутаны подолом Млечного Пути, и эти же контуры, казалось, отталкивают его и заставляют разливаться по всему небу необозримым сиянием. И гора, черная, делалась еще чернее и тонула в собственном мраке"

4) その火の子は天の河のなかにひろがり散って、島村はまた天の河へ掬い上げられてゆくようだった。煙が天の河を流れるのと逆に天の河がさあっと流れ下りて来た。屋根を外れたポンプの水先が揺れて、水煙となつて薄白いのも、天の河の光が映るかのようだった。

いつのまに寄って来たのが、駒子が島村の手を握った。島村は振り向いたが黙っていた。駒子は火の方を見たまま、少し上気した生真面目な顔に焰の呼吸がゆらめいていた

"Искры, рассыпавшись в Млечном Пути, гасли, и Симауре снова казалось, что он wpłyвает в Млечный Путь. Как только дым попадал в русло Млечного Пути, сам Млечный Путь начинал с шумом низвергаться вниз. Из шланга была колеблющаяся струя воды, отскакивала от крыши и, взвиваясь белесым фонтаном, словно бы отражала сияние Млечного Пути."

Комако, неизвестно когда очутившаяся рядом с Симаурой, взяла его за руку. Он обернулся к ней, но ничего не сказал. Она смотрела на огонь. На её чуть возбужденном серьёзном лице играли отблески пламени"

5) 踏みこたえて目を上げたとき、さあと音を立てて天の河が島村のなかへ流れ落ちるようであった。

"Когда он, едва устояв на ногах, поднял глаза, Млечный Путь, с грохотом низвергаясь, надвигался прямо на него"

Образ Млечного пути реализует идеи неотвратимости и вселенского фатума. Этимология лексемы, обозначающей понятие "Млечный путь", складывается из значений двух иероглифов: 天 – 'небо' и 河 – 'река'. Поэтому в репрезентации образа *Млечного пути* активное участие принимают глаголы с общей семой 'плыть/течь' – '浮き上ってゆく, 流れおいて, 浸して流れて, 流れ落ちる'. Соответственно, употребление в тексте глаголов "зачерпывать", "идти (о дожде/снеге)", "втягивать/вбирать/поглощать", (掬い上げる, 降りて来ている, 吸い込んで行った) также семантически обусловлено. Такие глаголы работают на воплощение образа расширяющейся Вселенной, характеризуя постоянное приближение неотвратимости и роковую сущность *Млечного пути*. Почти все глаголы находятся в форме деепричастия длительного вида, за счёт чего автор акцентирует внимание читателя на **процессе** восприятия главным героем Млечного пути.

Для описания *Млечного пути* автор активно использует сравнительные конструкции, реализующие такой троп, как метафора: 天の河のなかへ体がふうと浮き上ってゆ

くようだった ("И у него сразу возникло такое чувство, словно его тело вливается в этот Млечный Путь"), 島村はまた天の河へ掬い上げられてゆくようだった ("Симамуре снова казалось, что он вливается в Млечный Путь"), さあと音を立てて天の河が島村のなかへ流れ落ちるようであった ("Млечный Путь, с грохотом низвергаясь, надвигался прямо на него"), 大きい極光のようでもある天の河 ("Казалось, Млечный Путь, похожий на огромное северное сияние"), 地の果てに立っているかのようにも感じさせた ("А сам Симamura словно бы стоит на краю земли"). В данном случае на грамматическом уровне мы видим, что автор использует сравнительную конструкцию *よう*, которая служит основным инструментом для построения метафор.

Также следует обратить внимание на то, что, описывая *Млечный путь*, автор нередко прибегает к использованию не существительных, а субстантивированных прилагательных, чтобы сделать акцент не на самом предмете, а на его качестве, свойствах, состоянии: 天の河の明るさ ("Млечный Путь был совсем близко, он притягивал"), 恐ろしいなまめかしさ ("До сумасшествия *обольстительный*"), あざやかな天の河の天の河の大きさ ("Может быть, Басё, плывя по бурному морю, видел ту же яркую бесконечность над своей головой"), 天の河の底なしの深さ ("взгляд утонул в бездонной глубине Млечного Пути"), 冷える寂しさ ("И Млечный Путь наполняет его леденящей, пронизывающей тоской"). В качестве субстантиватора выступает суффикс *さ*.

Помимо использования метафор и сравнений, в тексте также употребляется художественный приём олицетворения в отношении *Млечного пути*: 裸の天の河は夜の大地を素肌で巻こうとして ("Млечный Путь *льнул* к земле всей своей *наготой*"), 天の河はまたこの大地を抱こうとしておりて来る ("и ему снова стало казаться, что он [Млечный путь] *надвигается* на землю"). На это указывает использование следующих лексических единиц: полупредикативного прилагательного 裸 (な) – 'голый, обнаженный', существительного 素肌 – 'голая кожа', глагола 抱く – 'обнимать/держат в объятиях'.

Таким образом, мы видим, что все лексические и грамматические единицы, тропы, употребляемые автором произведения при вербализации образа *Млечного пути*, направлены на то, чтобы показать не само природное явление, как таковое, а выразить его суть, передать процесс, состояние, настроение, реализуя идею бесконечности, которой не может противостоять человек. Автор целенаправленно детально описывает *Млечный путь*, который в тексте выступает как полноценный персонаж, живой организм, субстанция, находящаяся в непрерывном движении и влияющая на чувства и сознание главных героев. Благодаря такому подходу в образе *Млечного пути* автору удается реализовать идею неотвратимой судьбы и духовного катарсиса.

Средства лексической репрезентации образов Комако и Йоко. Представим расширенные контексты, в которых репрезентируются образы женских персонажей:

Йоко

悲しいほど美しい声であった。高い響きのまま夜の雪から木魂して来そうだった。

"Её голос был до боли прекрасен. Казалось, он рассыпается эхом по снежной простыне ночи, но не теряет своего высокого звучания".

2) 彼女等が汽車に乗り込んだ時、なにか涼しく刺すような娘の美しさに驚いて

"Когда он садился в поезд, красота девушки, какая-то прохладная и пронзительная, поразила его".

3) 鏡の底には夕景色が流れていて、つまり写るものと写す鏡とが、映画の二重写しのように動くのだった。登場人物と背景とはなんのかわりもないのだった。しかも人物は透明のはかなさで、風景は夕闇のおぼろな流れで、その二つが融け合いながらこの世ならぬ象徴の世界を描いていた。殊に娘の顔のただなかに野山のともし火がともった時には、島村はなんともいえぬ美しさに胸が顫えたほどだった。

遥かの山の空はまだ夕焼の名残の色がほのかだったから、窓ガラス越しに見る風景は遠くの方までものの形が消えてはいなかった。しかし色はもう失われてしまっていて、どこまで行っても平凡な野山の姿がなおさら平凡に見え、なにもも際立って注意を惹きようがないゆえに、かえってなにかぼろっと大きい感情の流れであった。むしろそれは娘の顔をそのなかに浮べていたからである。姿が写る部分だけは窓の外が見えないけれども、娘の輪郭のまわりを絶えず夕景色が動いているので、娘の顔も透明のように感じられた。しかしほんとうに透明かどうかは、顔の裏を流れてやまぬ夕景色が顔の表を通るかのように錯覚されて、見極める時がつかめないのだった。

"В глубине зеркала струился вечерний пейзаж, то есть не сам пейзаж, а тоже его отражение, и обе отражённые картины наплывали двойным кадром, как в кинофильме. Между фоном и действующими лицами отсутствовала какая бы то ни было связь, прозрачная иллюзорность действующих лиц и зыбкий бег пейзажа растворялись друг в друге и создавали мистический мир символики. Это ощущение было настолько сильным, что Симамура застыл от восторга, когда на лице девушки вдруг вспыхнул огонёк, засветившийся где-то в поле.

После захода солнца небо над далекими горами ещё сохраняло бледную розоватость и пейзаж за оконными стёклами ещё не полностью расплылся во мгле. Но у пейзажа остались только контуры, краски исчезли, и всё вокруг: горы, поля – казалось очень унылым, обыденным, лишённым каких-либо примечательных черт. И всё же была в этом пейзаже некая страстная напряжённость, как в неуловимом потоке чувств. Из-за лица девушки, конечно. Отражённое в стекле лицо закрывало часть пейзажа за окном, но вокруг постоянно мелькали образы вечера, и поэтому лицо казалось прозрачным. И всё же невозможно было из-за непрерывного мелькания убедиться, действительно ли прозрачно это лицо. Создавалась иллюзия, что вечерний пейзаж бежит не на заднем плане, а прямо по лицу девушки".

4) 汽車のなかもさほど明るくはなし、ほんとうの鏡のように強くはなかった。反射がなかった。だから、島村は見入っているうちに、鏡のあることをだんだん忘れてしまって、夕景色の流れのなかに娘が浮んでいるように思われて来た。

そういう時彼女の顔のなかにももし火がともったのだった。この鏡の映像は窓の外のももし火を消す強さはなかった。ともし火も映像を消しはしなかった。そうしてともし火は彼女の顔のなかを流れて通るのだった。しかし彼女の顔を光り輝かせるようなことはしなかった。冷たく遠い光であった。小さい瞳のまわりをぼうっと明るくしながら、つまり娘の眼と火とが重なった瞬間、彼女の眼は夕闇の波間に浮ぶ、妖しく美しい夜光虫であった。

"В вагоне было не очень светло и зеркало было ненастоящим, оно не отбрасывало света, не давало отчётливого изображения. И Симамура, смотревший в зеркало, постепенно забыл о нём, он видел только девушку, плывущую в потоке вечернего пейзажа.

Именно в этот момент на лице девушки и вспыхнул огонёк. Отражённый огонёк был слабым и не погасил настоящего огонька за окном, но и тот, настоящий, не погасил своего отражения. Огонёк проплыл сквозь её лицо, однако не осветил его – это был холодный, далёкий свет. И всё же зрачок вдруг вспыхнул в тот момент, когда огонёк наплыл на отражённый в стекле глаз, и это был уже не глаз, а прекрасный, загадочный, фосфоресцирующий светлячок, плывущий в волнах вечерних сумерек".

5) 島村は表に出ても、葉子の目つきが彼の額の前に燃えていそうでならなかった。それは遠いとももし火のように冷たい。なぜならば、汽車の窓ガラスに写る葉子の顔を眺めているうちに、野山のももし火がその彼女の顔の向うを流れ去り、ともし火と瞳とが重なって、ぼうっと明るくなった時、島村はなんともいえず美しさに胸が顫えた、その昨夜の印象を思い出すからであろう。それを思い出すと、鏡のなかといったいの雪のなかに浮んだ、駒子の赤い頬も思い出されて来る。

"Выйдя наружу, Симамура никак не мог отделаться от ощущения, что взгляд Йоко, холодный, как далекий свет, всё ещё мерцает на его лице. И он вспомнил свой восторг тогда, в поезде, когда отражённый в стекле глаз Йоко совместился с дальним огоньком в поле и её зрачок вспыхнул и стал невыразимо прекрасным. Должно быть, увидев сейчас Йоко, он вспомнил свое тогдашнее впечатление, а оно в свою очередь вызвало в памяти яркие щеки Комако, плывавшие в зеркале на фоне снега".

Комако

1) 帯を結び終ってからも、女は立ったり坐ったり、そうしてまた窓の方ばかり見て歩き廻った。それは夜行動物が朝を恐れて、いらいら歩き廻るような落ちつきのなさだった。妖しい野性がたかぶって来るさまであった。

"Завязав оби, она продолжала расхаживать по комнате. Садилась, вставала и снова ходила их угла в угол. Поглядывала на окно. Словно дикое ночное животное, напуганное, раздражённое близящимся рассветом. Животное, которое никак не может успокоиться и мечется, мечется... Будто в ней пробудились какие-то загадочные древние инстинкты".

2) 島村はその方を見て、ひょっと首を縮めた。鏡の奥が真白に光っているのは雪である。その雪のなかに女の真赤な頬が浮んでいる。なんともいえず清潔な美しさであった。

もう日が昇るのか、鏡の雪は冷たく燃えるような輝きを増して来た。それにつれて雪に浮ぶ女の髪もあざやかな紫光りの黒を強めた。

"Симамура посмотрел в её сторону и втянул голову в плечи. Глубина зеркала была совершенно белой – отражала снег, а на этом белоснежном фоне алело, пылало лицо женщины. Удивительная, невыразимо чистая красота.

Должно быть, солнце уже начало подниматься из-за горизонта – снег в зеркале вдруг засверкал, загорелся холодным пламенем. И в этом холодном снежном пламени густо чернели волосы женщины, приобретая все более яркий фиолетовый оттенок".

В художественной ткани текста эти образы воплощаются с помощью таких средств выразительности, как параллелизм, антитеза, эпитеты, метафоры. Образы уточняются за счёт использования контекстуальных синонимов:

Йоко:

美しい声 – 'прекрасный голос'

美しさ – 'красота'

鏡 – 'зеркало'

顔 – 'лицо'

夕景色 – 'вечерний вид'

流れる – 'плыть/течь'

写る – 'отражаться'

風景 – 'пейзаж'

夕闇 – 'сумерки'

ともし火 – 'свет/огонёк'

殊に娘の顔のただなかに野山のともし火がともった時には、島村はなんともいえぬ美しさに胸が顫えたほどだった – "Симамура застыл от восторга, когда на лице девушки вдруг вспыхнул огонёк, засветившийся где-то в поле".

娘の顔も透明のように感じられた – "лицо казалось прозрачным"

冷たく遠い光 – "холодный, далёкий свет"

Комако:

夜行動物 – 'ночное животное'

鏡 – 'зеркало'

真白 – 'белоснежный/совсем белый'

光っている – 'сверкать/блестеть'

雪 – 'снег'

女の真赤な頬 – "алые щёки женщины"

なんともいえぬ清潔な美しさ – "невыразимо чистая красота"

鏡の雪は冷たく燃えるような輝きを増して来た – "снег в зеркале вдруг засверкал, загорелся холодным пламенем"

雪に浮ぶ女の髪もあざやかな紫光りの黒を強めた – "И в этом холодном снежном пламени густо чернели волосы женщины, приобретая всё более яркий фиолетовый оттенок"

В портретных описаниях обеих героинь присутствует лексема "**зеркало**", которая представляет собой предмет, через который главный герой наблюдает и восхищается красотой девушек. При этом в авторском изображении Йоко данная лексема обозначает не само зеркало в прямом его значении – как предмет быта, а зеркальную поверхность прозрачного оконного стекла поезда. Таким образом, в описании женщин прослеживаются параллели. Также автор и в том, и в другом случае не раз использует такую речевую конструкцию, как: "なんともいえぬ美しさ" – "невыразимая красота". В целом лексема "美しさ – **красота**" становится неотъемлемой частью в описании Комако и Йоко.

Однако важно отметить, что между этими двумя образами женских персонажей прослеживается противопоставление на основе категории "**Реальное – Ирреальное**". Подтверждением этому тезису служат обилие таких лексем, используемых в описании персонажа Йоко, как глагол "流れる", который имеет значение 'плыть/течь' и в контексте работает на создание особой атмосферы эфемерности и скоротечности происходящего. Вся сцена построена на описании отражения лица Йоко, а именно прозрачного, призрачного отражения "娘の顔も透明のように感じられた – лицо казалось прозрачным", на фоне которого проплывают пейзажи вечера за окном. Соответствующими средствами лексической репрезентации являются сле-

дующие лексемы: "夕景色 – вечерний вид", "風景 – пейзаж", "夕闇 – сумерки", которые в свою очередь образуют ряд контекстуальных синонимов. Также в сцене описания Йоко особое место занимает лексема "огонёк". В тексте мы находим упоминание "огонька – тоもし火", засветившегося где-то в поле и наплывшего на зрачок девушки, отражённый в стекле, но не осветившего его, поскольку это был "холодный, далёкий свет – 冷たく遠い光". "Симамура застыл от восторга, когда на лице девушки вдруг вспыхнул огонёк, засветившийся где-то в поле – 殊に娘の顔のただなかに野山のともし火がともった時には、島村はなんともいえぬ美しさに胸が顫えたほどだった". Данное описание является важным, поскольку лексема "тоもし火" репрезентирует образ далекого призрачного огня, который в отношении персонажа Йоко является сквозным и имеющим определённую смысловую параллель – в конце романа героиня выбрасывается со второго этажа в результате пожара. Таким образом, лексические единицы, используемые при создании портрета Йоко, в семантическом отношении связаны с категорией "Ирреального" – в отличие от образа Комако.

Персонаж Комако связан с категорией "Реального". Репрезентация этого женского образа осуществляется с помощью таких экспрессивно-окрашенных полу-предикативных прилагательных, как "真白 – белоснежный" и "真赤 – алый". "鏡の奥が真白に光っているのは雪である。その雪のなかに女の真赤な頬が浮んでいる – Глубина зеркала была совершенно белой – отражала снег, а на этом белоснежном фоне алею, пылало лицо женщины". В данной сцене делается акцент на контраст между белоснежным фоном зеркала и пылающими алыми щеками Комако. В этом случае уже не идет речи о прозрачности и иллюзорности наблюдаемой картины, наоборот, лицо женщины, отражённое в зеркале, отчётливо и реально, и создает тот контраст, который так восхищает главного героя. Также стоит отметить, что контраст усиливается за счёт употребления лексем, антонимичных друг другу ("冷たく – холодно", "燃える – гореть/пылать"). Иначе говоря, использованием такого тропа, как оксюморон: "鏡の雪は冷たく燃えるような輝きを増して来た – снег в зеркале вдруг засверкал, загорелся холодным пламенем". "それにつれて雪に浮ぶ女の髪もあざやかな紫光りの黒を強めた – И в этом холодном снежном пламени густо чернели волосы женщины, приобретая всё более яркий фиолетовый оттенок". В вербализации образа Комако, кроме того, автор использует такую очень сильную лексему, как "夜行動物 – ночное животное", создавая метафору, позволяющую подчеркнуть страсть этого персонажа, не находящую выхода и покоя. Таким образом, в данном случае мы видим, что все средства лексической репрезентации, используемые для создания образа Комако, направлены на то, чтобы акцентировать её реальность, осязаемость и телесность.

Итак, в данной работе с применением общефилологических методов, контекстологического, компонентного и концептуального, а также частных исследовательских приёмов: семантико-стилистического и метода "слово-образ" – проведено исследование языка и стиля Ясунари Кавабата в романе "Снежная страна".

Ключевая художественная идея сформулирована как "**одиночество вследствие неспособности любить**", которая концептуализируется такими основными образами, как образ *Млечного пути* и образы женских персонажей Комако и Йоко.

Методом сплошной выборки в тексте произведения выделены фрагменты, расцениваемые как расширенные контексты употребления лексических единиц, тропов и стилистических фигур. Сами лексемы, обладающие в выделенных контекстах и в ткани всего произведения художественным наращением смысла, их сочетаемость, функционирование в составе тропов и стилистических фигур представляют собой возможности лексической репрезентации ключевых образов романа Кавабата Ясунари.

Так, все лексические единицы и их грамматическое оформление, тропы, употребляемые автором произведения при вербализации образа *Млечного пути*, направлены на то, чтобы показать не само природное явление как таковое, а выразить его суть, передать процесс, состояние, настроение, реализуя категорию бесконечности, которой не может противостоять человек.

Типичными для автора романа способами репрезентации образа *Млечного пути* становятся:

- использование глагольных лексем с общим лексическим компонентом 'плыть/течь' в семной структуре, морфологически оформленных как деепричастия длительного вида, в грамматической семантике которых реализована идея процессности;

- использование метафоры в широком смысле, которая реализуются собственными лексическими средствами – в этом случае автор использует олицетворение, создаваемое с помощью лексем с семами человеческого действия, качества, состояния, и синтаксически – как фигура сравнения;

- использование субстантивированных прилагательных, общим компонентом грамматической семантики которых является значение состояния, качества, свойства.

Для репрезентации женских образов, Йоко и Комако, концептуально противопоставленных на основе категории "Реальное – Ирреальное" характерно использование следующих средств репрезентации:

- стилистических фигур повтора, антитезы и параллелизма, воплощающих противопоставление женских образов, использование постоянных характерных для каждой героини тропов: эпитетов, оксюморона и метафор;

- использование контекстуальных синонимов, характерных для описания каждой девушки и вписывающихся в противопоставление реального – ирреального, подчеркивающих эфемерность одной и телесность другой.

Литература

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н.С. Болотнова. 4 изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.

2. Герасимова М.Г. ИмPLICITность японского искусства. Причины и следствия / М.Г. Герасимова // Японские исследования. 2017. № 4. С. 62–79.

3. Герасимова М.Г. Кавабата Ясунари / М.Г. Герасимова. // Писатели Востока – лауреаты Нобелевской премии. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 45–100.

4. Коробова Е.В. Отражение идей буддизма в творчестве Ясунари Кавабаты / Е.В. Коробова, К.В. Козловская // Актуальные проблемы филологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, Курган, 25 декабря 2017 года / отв. ред. Е.Р. Ратушная. Курган: Курганский государственный университет, 2018. С. 68–73.

5. Кривошеева Е.И. Майборода Н.А. Передача имPLICITности при переводе на русский язык литературных произведений японских авторов (на материале новеллы "Снежная страна" К. Ясунари) / Е.И. Кривошеева Н.А. Майборода // Мир культуры, науки, образования. 2021. № 3 (88). С. 594–596.

6. Кавабата, Ясунари. Снежная страна // Электронная библиотека Royallib.com. URL: https://royallib.com/book/kavabata_yasunari/snegnaya_strana.html (дата обращения: 15.09.2022).

7. Araki, James T. KAWABATA AND HIS 'SNOW' COUNTRY // The Centennial Review. 1969. Vol. 13, No. 4. P. 331–349.

8. 川端 康成. 雪国 = Кавабата, Ясунари. Снежная страна // Free ELibrary Original. URL: <https://originalbook.ru/snezhnaya-strana-ya-kavabata-na-yaponskom-yazyke/> (дата обращения: 15.09.2022).

References

1. Bolotnova N.S. Philological analysis of the text: textbook. allowance / N.S. Bolotnova. 4th ed. M.: Flinta: Nauka, 2009. 520 p. (In Russ.).
2. Gerasimova M.G. The implicitness of Japanese art. Causes and effects / M.G. Gerasimova // Japanese studies. 2017. No. 4. P. 62–79. (In Russ.).
3. Gerasimova M.G. Kawabata Yasunari / M.G. Gerasimova. // Writers of the East – Nobel Prize winners. M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2012. P. 45–100. (In Russ.).
4. Korobova E.V. Reflection of the ideas of Buddhism in the work of Yasunari Kawabata / E.V. Korobova, K.V. Kozlovskaya // Actual problems of philology: Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference, Kurgan, December 25, 2017 / ed. E.R. Ratushnaya. Kurgan: Kurgan State University, 2018. P. 68–73. (In Russ.).
5. Krivosheeva E.I. Maiboroda N.A. Transmission of implicitness in the translation into Russian of literary works of Japanese authors (on the material of the short story "Snow Country" by K. Yasunari) / E.I. Krivosheeva, N.A. Maiboroda // World of Culture, science, education. 2021. No. 3 (88). P. 594–596. (In Russ.).
6. Kawabata, Yasunari. Snow country // Electronic library Royallib.com. URL: https://royallib.com/book/kawabata_yasunari/snegnaya_strana.html (accessed 15.09.2022). (In Russ.).
7. Araki, James T. KAWABATA AND HIS 'SNOW' COUNTRY // The Centennial Review. 1969. Vol. 13, No. 4. P. 331–349.
8. Kawabata, Yasunari. Snow Country // Free ELibrary Original. URL: <https://originalbook.ru/snezhnaya-strana-ya-kavabata-na-yaponskom-yazyke/> (accessed 15.09.2022). (In Jap.).

Александр Игоревич ПЕТРЕНКО, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: petrenko.aig@students.dvfu.ru

Alexander I. Petrenko, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: petrenko.aig@students.dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 11.02.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 22.11.2023

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2023

Научная статья
УДК 327.3
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/110-121>

АСЕАН: особенности современной социально-демографической неоднородности

Виктория Анатольевна ДЕНИСЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, Denisenko.va@dvfu.ru

Наталья Денисовна БОГДАНОВА

Владивосток, Россия, Bogdanovanata01@yandex.ru

Аннотация. В работе дана краткая характеристика демографической и социально-экономической ситуации в странах Юго-Восточной Азии, представлены результаты группировки государств АСЕАН по основным демографическим показателям. Авторами выделены три группы стран в зависимости от темпов демографического перехода. Подчеркивается, что несмотря на чувствительность АСЕАН к воздействию глобальных мегатрендов, сохраняется значительная внутрирегиональная социально-демографическая асимметрия, при этом следование принципу невмешательства ограничивает региональное регулирование.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, кластерный анализ, региональная политика, социально-экономическая асимметрия, типология государств, демографический дивиденд АСЕАН

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-93005 "Развитие стратегического партнерства России и Китая в Восточной Азии".

Для цитирования: Денисенко В.А., Богданова Н.Д. АСЕАН: особенности современной социально-демографической неоднородности // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 110–121. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/110-121>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/110-121>

ASEAN: features of current socio-demographic asymmetry

Viktoriya A. DENISENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, Denisenko.va@dvfu.ru

Natalia D. BOGDANOVA

Vladivostok, Russia, Bogdanovanata01@yandex.ru

Abstract. The paper gives region demographic and socio-economic situation brief description, presents ASEAN countries distribution by groups according to the main demographic indicators. The authors have identified three groups of countries depending on demographic transition pace. It is emphasized that despite ASEAN sensitivity to impact of global megatrends, intraregional socio-demographic asymmetry is preserved. At the same time, the principle of non-interference following limits regional regulation.

Keywords: Southeast Asia, ASEAN, cluster analysis, regional policy, socio-economic asymmetry, typology of states, ASEAN's demographic dividend

This research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-511-93005 "The development of the Russia-China strategic partnership in East Asia."

For citation: Denisenko V.A., Bogdanova N.D. ASEAN: features of current socio-demographic asymmetry // Oriental Institute Journal. 2023. № 4. P. 110–121. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/110-121>

Введение

Демографическая "старость" развитых и "молодость" многих развивающихся стран по-прежнему является одним из ключевых трендов современного мира, оказывающим серьезное влияние на международные отношения. Стремительный демографический рост, начавшийся в 1960-е гг. в государствах Азии, Африки и Латинской Америки, привел к преобладанию молодежи в возрастной структуре населения. Со временем темпы рождаемости закономерно стали снижаться: в одних странах практически незаметно, в других – достаточно существенно. Значитель-

ное повышение уровня жизни или демографическая политика, направленная на изменение репродуктивного поведения населения; неспособность государственной власти обеспечить доступ к социальным благам или постоянные конфликты – эти или другие "регуляторы" численности населения привели к появлению существенных различий в демографических характеристиках стран мира.

Юго-Восточная Азия находится на особом положении среди регионов, еще не полностью переступивших порог демографической "старости". С одной стороны, страны Юго-Востока Азии достаточно оперативно реагируют на воздействие глобальных мегатрендов, с другой – в "портрете" региона сконцентрированы специфические черты, отражающие социально-демографические особенности крайне неоднородных государств. В первую очередь, одной из основных причин подобной уникальности является Ассоциация стран Юго-Восточной Азии – интеграционная группировка, чья пятидесятилетняя история успеха, в том числе в условиях, когда наличие "молодежного пузыря" выступает одним из источников повышенной конфликтности [2], традиционно привлекает внимание как российских, так и зарубежных исследователей [3; 13; 14]. Тем не менее в совокупности современных исследований, посвященных рассмотрению демографических и миграционных проблем региона, в большинстве случаев представлены работы, не предусматривающие использование многомерных статистических методов.

АСЕАН достигла многого на пути построения Экономического и Социокультурного сообществ, а также Сообщества политики и безопасности. Принят ряд программных документов, в первую очередь Инициатива интеграции АСЕАН. Однако, несмотря на предпринимаемые шаги, ассоциации пока не удалось значительно снизить асимметрию регионального социально-экономического пространства.

Безусловно, неоднородность развития в определенной мере является "естественным" явлением. Однако высокий уровень асимметрии влечет за собой внутри- и внешнеполитические риски, в том числе обусловленные неравными возможностями для молодых поколений в различных государствах объединения. Очевидна необходимость выработки более координированной региональной политики, а также формирования согласованных подходов к регулированию социально-демографических и миграционных процессов на основе учета специфики ситуации в различных группах стран региона.

Вследствие этого возникает ряд вопросов. Каковы особенности социально-демографического развития стран-участниц АСЕАН? Можно ли выделить сравнительно однородные группы государств региона в зависимости от стадии демографического перехода? Насколько они отличаются друг от друга, чем обусловлены данные различия? Решение подобных задач, как правило, выступает одним из предварительных этапов процесса формирования взвешенной региональной политики.

Методология

Настоящая работа посвящена проблеме социально-демографической асимметрии стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. В статье использованы системно-аналитические, а также статистические методы, в том числе метод кластерного анализа (взвешенный центроидный (медиана) метод кластеризации, расстояние евклидово, программный комплекс "STATISTICA"). Хронологические рамки кластерного анализа – 2001–2021 гг. В качестве источников статистической информации выступили материалы АСЕАН, ресурсы ООН и Всемирного банка.

АСЕАН: социально-экономическая и демографическая ситуация

Демографические процессы в Азии, как верно отмечают J. На и S.-Н. Lee, чрезвычайно чувствительны к уровню развития [9]. Со времени подписания Бангкокской декларации страны АСЕАН прошли путь, который кардинальным образом изменил социально-экономические характеристики региона. В 1967 г. ВВП АСЕАН-5 (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд, Сингапур) составил 23 млн долларов США (на душу населения – 122 доллара), в 1984 г., когда Бруней стал шестым членом региональной организации, ВВП вырос до 216 млн долларов. В знаменатель-

ном для объединения 1999 г. (состав АСЕАН принял современный вид – АСЕАН-10) ВВП стал насчитывать уже 577 млн долларов [5]. В настоящее время, несмотря на кризисные явления последних лет, совокупная экономика АСЕАН остается в ряду крупнейших, сохраняя за собой почетное пятое место в мире (ВВП 2021 г. – 3,3 триллиона долларов [5]). К примеру, ВВП КНР как экономической сверхдержавы в 2021 г. составил 17,82 триллиона долларов, Европейского Союза – 17,19, Индии – 3,15, Великобритании – 3,12 триллиона долларов [8].

Стабильный экономический рост стал своеобразной визитной карточкой экономики Юго-Восточной Азии. Отрицательные значения показателя, отражающего изменение совокупного ВВП ассоциации, наблюдались лишь во время азиатского финансового кризиса 1990-х гг. и пандемии 2020 г. Показательна в этом отношении динамика роста ВВП в отдельных странах АСЕАН (табл. 1). С одной стороны, лидером после падения 2020 г. традиционно выступает богатейший Сингапур, с другой – в эпоху "экономической турбулентности", по меткому определению К. Mahbubani [13], большинство членов регионального объединения (кроме Брунея и Мьянмы) смогло выйти на положительные темпы развития экономики. Более того, Вьетнам и Лаос сохранили позитивную динамику и в период пандемии COVID-19.

Вместе с тем экономическая и социальная неоднородность, а также "безудержная бедность" [12] по-прежнему присущи странам региона. Особенно ярко проявляется асимметрия регионального пространства при сравнении макроэкономических показателей стран – "старых" и "новых" членов интеграционного объединения. Так, если в Сингапуре ВВП в 2021 г. достиг значения 72794 долларов США на душу населения, показав наиболее высокий в АСЕАН уровень благосостояния, то Мьянма и Камбоджа по-прежнему остаются беднейшими государствами региона (табл. 2). Значение показателя для данных стран не превышает 1209–1625 долларов США при АСЕАН-совокупном в 5024 долларов (2021 г.). Таким образом Мьянма и Камбоджа (последняя, в том числе несмотря на значительную финансовую помощь со стороны КНР) фактически находятся по данному показателю на уровне 2005 г., когда ВВП на душу населения для ассоциации в целом составлял 1641 доллар.

Подчеркнем, что коэффициент Джини, отражающий степень экономического неравенства, в 2021 г. варьировался в странах АСЕАН от 0,29 до 0,44 [5].

Безусловно, было бы неверно утверждать, что АСЕАН игнорирует проблемы внутрирегиональной асимметрии. Инициатива интеграции АСЕАН, Декларация "АСЕАН-2025: вместе в будущее", концепция "Видение АСЕАН-2025", "Взаимосвязанность АСЕАН-2025" – в этих документах пристальное внимание уделяется неравномерности социально-экономического развития региона. Утверждается, что ассоциация достигла значительного прогресса в сокращении "разрыва" между странами [11]. Однако, как показывает практика деятельности АСЕАН, приоритет национального законодательства, а также зачастую влияние внешних по отношению Юго-Восточной Азии акторов, затрудняет решение сложных региональных задач, требующих выработки координированного подхода. Принципы невмешательства и консенсуса как ключевые особенности "Пути АСЕАН" в эпоху усиления противостояния великих держав превращаются в фактор, в определенной мере замедляющий дальнейшее развитие многостороннего сотрудничества в рамках организации.

Динамика ключевых социальных индикаторов также указывает на наличие межстрановой асимметрии в Юго-Восточной Азии. "Разрыв" в уровне социально-экономического развития подтверждают данные индекса человеческого развития, представленные в таблице 3. Индекс человеческого развития как интегральный показатель, агрегирующий индикаторы, характеризующие смертность, уровень жизни и степень образованности общества, несмотря на определенный субъективизм, достаточно наглядно свидетельствует о состоянии социальной сферы государства.

При этом, невзирая на значительные различия, на данный момент большинство стран АСЕАН, в том числе Камбоджа и Мьянма, находятся в диапазоне средне-

Страна	Год							
	1967	1970	1980	1990	2000	2010	2020	2021
Бруней	-	-	-7,0	1,1	2,8	2,6	1,2	-1,6
Камбоджа	-	-	-	-	10,0	6,0	-3,1	3,0
Индонезия	1,4	7,6	9,9	7,2	4,9	6,2	-2,1	3,7
Лаос	-	-	-	6,7	5,8	8,5	0,4	2,5
Малайзия	3,9	6,0	7,4	9	8,9	7,4	-5,6	3,1
Мьянма	-5,9	5,0	7,9	2,8	13,7	9,6	-10,0	-17,9
Филиппины	5,3	3,8	5,1	3,0	4,4	7,3	-9,6	5,7
Сингапур	12,5	13,9	10,1	9,8	9,0	14,5	-5,4	7,6
Таиланд	8,6	11,4	5,2	11,2	4,5	7,5	-6,1	1,5
Вьетнам	-	-	-	5,1	6,8	6,4	2,9	2,6

Табл. 1. Рост ВВП в странах АСЕАН, % (1967–2021 гг.).

Источник: [5].

Table 1. GDP growth in ASEAN countries, % (1967–2021).

Source: [5].

го значения показателя (от 0,5 до 0,8) в одном ряду с такими странами, как, например, Китай (0,768). Сингапур характеризуется очень высоким уровнем индекса, Таиланд и Малайзия – высоким (от 0,8 до 0,9). И в том, и в другом случае ключевую роль сыграли демографические составляющие социально-экономического развития государств АСЕАН (прежде всего процессы смертности), особенности которых серьезно отличают Юго-Восточную Азию от других регионов мира с преимущественно развивающимися странами.

Одним из составляющих индекса человеческого развития является ожидаемая продолжительность жизни, определяемая как среднее количество лет, на которое новорожденный может рассчитывать, если в течение всей его жизни смертность будет такой же, как на момент рождения. В странах АСЕАН начиная с 1950-х гг. рост ожидаемой продолжительности жизни превратился в стабильную тенденцию. В 2002 г. значение показателя ожидаемой продолжительности жизни для Юго-Восточной Азии (оба пола) составляло 68,5 лет, в 2010 г. – 71,1 лет, в 2021 г. – уже 72,4 года. При этом ожидаемая продолжительность жизни мужчин – 70,1 лет, женщин – 75,4 лет. Однако на значение данного показателя оказывает влияние ряд факторов, включая эффективность государственного управления, особенно в сфере здравоохранения, вследствие чего для региона все же присуща межстрановая неоднородность. Так, в 2021 г. лидером ожидаемо выступал Сингапур (82,7 лет), аутсайдером – Мьянма (65,6 лет) [5]. Для сравнения: в Китае, традиционно занимающем "особое положение" по отношению к АСЕАН, значение этого показателя в 2021 г. составляло 78,6 лет.

Помимо уменьшения смертности, в Юго-Восточной Азии происходит процесс снижения рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости в 2021 г. в странах АСЕАН не превышал 2,7 детей на одну женщину репродуктивного возраста. Уменьшение рождаемости с достаточно высоких значений в 2000 г. (более 4 детей на одну женщину) до наблюдаемых в 2021 г. свидетельствует о повышении уровня социально-экономического развития стран региона и является индикатором определенной эффективности программ планирования семьи во многих странах ассоциации. Разумеется, данные программы не носили настолько жесткий харак-

Страна	Год					
	2000	2005	2010	2015	2020	2021
Бруней	18012	26105	35270	31385	25885	31449
Камбоджа	300	474	785	1190	1528	1625
Индонезия	780	1263	3122	3347	3929	4332
Лаос	325	475	1140	2161	2636	2535
Малайзия	4043	5587	9040	9603	10328	11109
Мьянма	99	216	1018	1140	1286	1209
Филиппины	1072	1244	2217	3015	3324	3460
Сингапур	23852	29961	47237	55646	59785	72794
Таиланд	2007	2894	5076	5973	7362	7066
Вьетнам	390	687	1317	2099	2785	3756

Табл. 2. ВВП на душу населения в странах АСЕАН, долларов США (2000–2021 гг.).

Источник: [8].

Table 2. GDP per capita in ASEAN countries, US dollars (2000–2021).

Source: [8].

тер, как в КНР, однако определенный эффект наблюдается. К тому же рост уровня образования увеличил экономическую активность женщин.

Тренд на снижение темпов рождаемости изменил возрастную структуру населения АСЕАН. В 2021 г. 24,9% населения региона составляли дети в возрасте от 0 до 14 лет, 11,5% – пожилые люди [16]. Сравнительно недавно, в 2010 г., соотношение между населением младше и старше трудоспособного возраста наблюдалось на уровне 27,9% и 8,1% соответственно. Если в 2000 г. доля молодого поколения до 19 лет насчитывала 40,8%, то в 2021 г. – 32,8%. Соответственно, в течение всего периода происходило увеличение численности населения трудоспособного возраста. Подобные тенденции, с одной стороны, в какой-то мере способствуют экономическому росту, с другой – увеличивают конкуренцию на рынке труда.

Очевидно, что изменение репродуктивного поведения населения Юго-Восточной Азии, ведущее в обозримом будущем к снижению численности населения региона, с одной стороны, уменьшит отрицательную нагрузку на окружающую среду, повысит уровень образования граждан стран АСЕАН; с другой стороны, может привести к старению населения и появлению сопутствующих ему проблем – увеличение нагрузки на социальную сферу, снижение производительности труда и др.

Что касается динамики миграционных процессов в регионе, то демографические, а также экономические изменения в Юго-Восточной Азии привели к повышению мобильности населения. Численность международных мигрантов в регионе в 2020 г., по данным ООН, превысила 10 млн человек. Пандемия внесла свои коррективы в течение миграционных процессов в регионе. Однако после отмены ограничений на передвижения миграционные потоки вновь активизировались. Причем в процессах перемещений в Юго-Восточную Азию, внутри нее и из нее преобладает нелегальная миграция [1], что все более актуализирует необходимость эффективной миграционной политики АСЕАН. В то же время определенная серьезная работа в данной области уже проведена. Так, странами ассоциации в 2017 г. подписано соглашение о защите и продвижении прав трудовых мигрантов.

В целом можно констатировать, что совокупная экономика АСЕАН в достаточной мере справляется с негативными последствиями мирового кризиса. Опре-

Страна	Год					
	2000	2005	2010	2015	2020	2021
Бруней	0,808	0,825	0,846	0,865	0,830	0,829
Камбоджа	0,425	0,499	0,533	0,563	0,596	0,593
Индонезия	0,595	0,632	0,662	0,689	0,709	0,705
Лаос	0,470	0,510	0,542	0,586	0,606	0,607
Малайзия	0,721	0,767	0,774	0,789	0,806	0,803
Мьянма	0,410	0,460	0,526	0,556	0,600	0,585
Филиппины	0,633	0,658	0,669	0,682	0,688	0,699
Сингапур	0,831	0,875	0,911	0,925	0,939	0,939
Таиланд	0,653	0,706	0,720	0,740	0,802	0,800
Вьетнам	0,588	0,633	0,655	0,683	0,710	0,703

Табл. 3. Индекс человеческого развития в странах АСЕАН.

Источник: [10].

Table 3. Human Development Index in ASEAN countries.

Source: [10].

делённое значение имеет также тот факт, что в настоящее время период демографического дивиденда в Юго-Восточной Азии полностью еще не завершен. Суммарная численность населения региона уступает только Индии и Китаю, достигнув к 2021 г. 663,9 млн человек. Вместе с тем Юго-Восточная Азия – регион, в котором демографический переход происходит чрезвычайно быстрыми темпами – касается ли это снижения рождаемости, старения населения или процесса урбанизации [6]. Но региональное разнообразие проявляется в том числе и в темпах демографического развития.

Группировка государств АСЕАН по основным демографическим показателям

В настоящее время задача выделения однородных групп исследуемых объектов может решаться с помощью различных статистических способов, каждый из которых имеет свои плюсы и недостатки. Наличие удобного программного обеспечения и возможность оперирования несколькими признаками при разбиении на кластеры обусловили выбор метода многомерного анализа для данного исследования.

В качестве основных демографических показателей, используемых для распределения государств АСЕАН по группам, в работе применялись общий коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни и коэффициент интенсивности миграции.

Ценность показателя ожидаемой продолжительности жизни – в обобщающем характере представления процесса смертности. Вместе с тем, несмотря на серьезную значимость этого показателя, следует подчеркнуть, что описание демографической ситуации на основе одного индикатора, как это сделано при расчете индекса человеческого развития, вряд ли отвечает принципу комплексности. Не останавливаясь детально на вопросе, какие показатели следует использовать для подобной оценки, все же отметим, что естественное воспроизводство населения включает в себя не только смертность, но также и рождаемость. Вследствие этого считаем необходимым включение в совокупность показателей для кластеризации характеристику рождаемости.

Кроме того, учитывая влияние на демографическую ситуацию миграционных процессов (миграция тесно связана с демографическими процессами, но является

внешним по своей сути явлением), оправдано, на наш взгляд, присутствие в данной совокупности коэффициента интенсивности миграции. Безусловно, общие коэффициенты обладают рядом недостатков, однако источники для их расчета имеются даже в странах, не обладающих надежной официальной статистикой.

В результате проведенная кластеризация показала следующее. Ход анализа обусловил выделение трех кластеров, количество которых было определено прежде всего темпами воспроизводства населения Юго-Восточной Азии. При этом очевидно наличие существенных демографических различий между странами региона, вошедших в состав разных групп.

Для первого кластера характерны весьма низкий уровень рождаемости, высокая ожидаемая продолжительность жизни и достаточно существенные положительные значения показателя миграции (табл. 4). Второй кластер отличается средними для региона демографическими показателями, при этом фиксируется миграционный приток населения. Третий кластер обращает на себя внимание высоким уровнем рождаемости, миграционным оттоком и невысокой, в сравнении с первым и вторым кластерами, ожидаемой продолжительностью жизни.

Таким образом, в одном регионе фиксируется как очень низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий простое воспроизводство (первый кластер), так и способствующий определенному росту населения (третий кластер). Только в 2021 г. разброс общего коэффициента рождаемости в регионе представлял широкий диапазон от 21,3 рождений на тысячу человек населения в Брунее до 8,6‰ в Сингапуре [5].

Кроме того, кластеризация выделила существенные различия в динамике ожидаемой продолжительности жизни стран Юго-Восточной Азии. На одном "полюсе" оказался первый кластер, где значение показателя в Сингапуре достигло отметки в 82,7 года, на другом – третий кластер с минимальным для АСЕАН значением в 65,6 лет в Мьянме. Хотя в целом, как уже отмечалось, интеграционное объединение добилось значительных успехов в снижении смертности – общий коэффициент смертности в самых бедных странах региона в последние годы не превышал 8‰.

Миграция также стала значимой характеристикой для группировки стран Юго-Восточной Азии. Объединяющими, помимо демографических, параметрами для стран третьего кластера выступили отрицательные значения общего коэффициента интенсивности миграции, присущие странам-экспортерам рабочей силы. Так, в 2021 г. миграционный отток продемонстрировали в том числе Камбоджа, Мьянма, Лаос – государства с невысоким уровнем социально-экономического развития.

В целом сравнение показателей 2001 г. и 2021 г. подтверждает тезис о быстрых темпах изменения демографической "картины" региона. Несмотря на социальные, религиозные, культурные и экономические различия стран АСЕАН, все кластеры отличает тенденция к уменьшению рождаемости и смертности.

Вместе с тем, несмотря на серьезные сдвиги в сторону следующей ступени демографического перехода, для стран Юго-Восточной Азии присуща определенная нестабильность на пути к постпереходному будущему (табл. 5). Как показывает анализ, состав кластеров может отличаться в зависимости от года. Так, в 2001 г. первый кластер состоял из одной страны, второй кластер включал шесть государств, третий кластер – три. В период до 2021 г. количество стран в третьем кластере наблюдалось на уровне 3-4. В 2021 г. первый кластер увеличился до двух объектов, однако одновременно изменилось и количество стран в третьем кластере, поднявшись до пяти. Подобная ситуация может объясняться негативным влиянием пандемии COVID-19, в силу которой снизились значения показателя ожидаемой продолжительности жизни.

Стоит отметить, что наибольшую последовательность в своем демографическом развитии продемонстрировал Сингапур. На протяжении практически всего исследуемого периода, кроме 2002–2004 гг., данное государство оставалось в составе первого кластера.

2001 г.			
Показатель	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
Общий коэффициент рождаемости	10,4	20,2	23,9
Ожидаемая продолжительность жизни (оба пола)	79,1	71,5	59,8
Общий коэффициент интенсивности миграции	7,8	1,7	- 3,0
2021 г.			
Показатель	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
Общий коэффициент рождаемости	8,0	14,6	19,3
Ожидаемая продолжительность жизни (оба пола)	80,7	74,3	68,0
Общий коэффициент интенсивности миграции	1,6	0,3	- 0,8

Табл. 4. Средние кластерные значения показателей для 2001 г. и 2021 г.

Источник: рассчитано авторами.

Table 4. Average cluster values of indicators for 2001 and 2021.

Source: calculated by the authors.

Таиланд, в котором процессы уменьшения рождаемости начались позже, несколько более нестабилен. Тем не менее темпы демографических изменений в Таиланде достаточно быстрые, хотя ожидаемая продолжительность жизни в данном государстве пока ниже, чем в Сингапуре. В 2021 г. возрастная структура населения как Сингапура, так и Таиланда характеризовалась значительной долей населения старше 60 лет (23% и 22% соответственно) и небольшой – детей в возрасте до 15 лет (11,8% и 15,5% соответственно) [16]. При этом охват образованием молодого населения в этих странах весьма велик, более того, Сингапур – один из лидеров региона. Помимо этого, высокая экономическая привлекательность Сингапура обусловила стабильно положительное сальдо миграции островного государства. Таиланд, в том числе в силу специализации национальной экономики, также традиционно выступает страной, "принимающей" мигрантов.

Далее следует выделить Филиппины. В течение 2004–2020 г. это государство "присутствовало" в составе второго кластера, несмотря на высокие показатели рождаемости. По уровню рождаемости Филиппины, благодаря сильному влиянию католицизма, долгое время не приветствовавшего использование контрацептивов, находится на втором месте после Лаоса. Возрастная структура населения страны намного ближе к прогрессивному типу, чем у остальных "старых" и даже "новых" членов регионального объединения (население старше 60 лет составляет 8,6%, дети до 15 лет – 30,2%). В итоге по данным 2021 г. Филиппины вошли в третий кластер при незначительном снижении рождаемости и росте смертности ввиду пандемии. Замедление прогресса в снижении смертности свидетельствует о наличии существенной дифференциации в организации национальных систем здравоохранения региона. Отметим, что в 2020 г. на 10 тысяч населения Филиппин приходилось 0,30 врачей [5]. Слабость социальной инфраструктуры затрудняет использование демографического дивиденда в полной мере.

Лаос также характеризуется возвратом в 2021 г. в состав третьего кластера. Значимыми характеристиками в данном случае выступили не только высокая рождаемость, но и миграционный отток, а также снижение значения показателя ожидаемой продолжительности жизни. Особо следует подчеркнуть, что дети и граждане старше 60 лет составляют 30,6% и 7,2 % населения Лаоса соответственно. При этом страна отличается не только значительной для региона детской смертностью, но и невысокой долей учащихся – недостаточный уровень образования не способствует быстрому снижению рождаемости. Стоит согласиться с P. Enzmann и M. Moesli [7], что здоровое население с более высокой ожидаемой про-

Страна	Кластер										
	2001	2003	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2017	2019	2021
Бруней	2	1	3	3	3	3	3	3	3	3	2
Вьетнам	2	1	3	3	3	3	3	3	3	3	2
Индонезия	2	3	2	2	2	2	2	2	2	3	3
Камбоджа	3	3	2	2	2	2	2	2	2	2	3
Лаос	3	3	2	2	2	2	2	2	2	2	3
Малайзия	2	1	3	3	3	3	3	3	3	3	2
Мьянма	3	3	2	2	2	2	2	2	2	2	3
Сингапур	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Таиланд	2	1	3	3	3	3	3	1	1	1	1
Филиппины	2	3	2	2	2	2	2	2	2	2	3

Табл. 5. Результаты кластеризации стран АСЕАН в 2001–2021 гг.

Источник: рассчитано авторами.

Table 5. Results of clustering of ASEAN countries in 2001–2021.

Source: calculated by the authors.

должительностью жизни имеет больше стимулов инвестировать в образование. Конкуренция на рынке низкоквалифицированного труда весьма существенна.

Но наиболее остро подобная ситуация проявляется в Камбодже, где наблюдается крайне низкий охват детей системой образования. Возрастная структура Камбоджи весьма схожа с Лаосом (население старше 60 лет – 9,7%, дети до 15 лет – 28,9%), демографические и миграционные процессы протекают практически в одном ключе. Вследствие этого Камбоджа и Лаос на протяжении всего периода входили в состав одного кластера. Однако в Камбодже фиксируется более низкая доля детей, которые участвуют в организованном обучении.

Между тем в идеале рост населения предполагает рост уровня образования, в противном случае превращаясь в бремя для экономики [15]. С одной стороны, молодое население (даже с невысоким уровнем образования) является достаточно привлекательным фактором при инвестировании в развитие производств, не требующих использования высоких технологий. С другой стороны, значительная доля молодежи в обществах с высокой стратификацией населения может стать причиной осложнения внутривнутриполитической обстановки, и в дальнейшем негативно повлиять на внешнеполитическую ситуацию в регионе.

Что касается Индонезии и Мьянмы, которые в 2021 г. также вошли в состав третьего кластера, то они, прежде всего, отличаются сравнительно невысоким уровнем рождаемости, тем не менее обеспечивающим простое воспроизводство. Обеим странам несмотря на то, что Индонезия входит в АСЕАН-6, присущи высокие для региона показатели материнской и детской смертности. Вместе с тем Мьянма обращает на себя внимание не только низким уровнем развития всей социальной сферы, но и наиболее существенной в АСЕАН долей населения, живущего за порогом бедности (24,8% в 2020 г. [5]). Кроме того, как Индонезия, так и Мьянма традиционно выступают в качестве "отдающих" мигрантов стран. Однако миграционный отток в Мьянме обусловлен не только экономическими факторами, например, большую известность в мире получила проблема беженцев мусульман-рохинджа.

Бруней, Вьетнам и Малайзия в зависимости от рассматриваемого периода фиксировались как в первом, так и во втором и третьем кластерах. В 2021 г. эти страны

включены в состав второй группы прежде всего благодаря значениям показателей рождаемости – несколько меньшим, чем это необходимо для простого воспроизводства. Доля детей в населении этих стран остается на уровне 22%. Причем изменение репродуктивного поведения населения Брунея и Малайзии произошло в течение сравнительно небольшого периода. На наш взгляд, основным фактором уменьшения рождаемости выступил рост благосостояния населения. Несмотря на ислам как доминирующую религию данных государств, экономический аспект оказался решающим даже в Брунее, где вступили в силу законы шариата. Снижение темпов экономического роста, характерное для Брунея в последние годы, не оказало значительного влияния на тенденции рождаемости. Вьетнаму также удалось добиться серьезных успехов в реализации стратегии экономического развития: черту бедности в этой стране в 2020 г. переступило лишь 4,8% населения [5].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало как сходные тенденции, так и значительные различия в демографическом развитии стран АСЕАН: выделены три группы государств региона в зависимости от темпов демографического перехода.

В первую группу вошли Сингапур и Таиланд, демографическому развитию которых свойственны "постпереходные" черты. Сингапур приблизился к Японии – лидеру по старению населения. Таиланд также на протяжении всего исследуемого периода показывает уровень рождаемости ниже простого воспроизводства. Общим государствам присуща возрастная структура с характерными особенностями регрессивного типа.

Вторая группа стран со средними для региона темпами демографического перехода – Бруней, Вьетнам и Малайзия. Показатели рождаемости близки к уровню воспроизводства, демографический дивиденд пока еще сохраняется, но глубокая "демографическая старость" возможна в обозримом будущем. Возрастная структура населения в странах второй группы имеет определенные черты, свойственные стационарному типу. Возможно, перешагнув порог демографического старения, для сохранения высоких темпов экономического развития страны первой и второй группы решатся, подобно Китаю, перейти от ограничения к стимулированию рождаемости.

Третья группа – страны со сравнительно низкими темпами демографического перехода (Индонезия, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Филиппины). Уровень рождаемости обеспечивает простое (Индонезия, Мьянма) и расширенное воспроизводство населения (Камбоджа, Лаос, Филиппины). В данном случае очевидно влияние на рождаемость как экономических и политических факторов, так и культурных и религиозных норм, по-прежнему определяющих репродуктивное поведение населения. Однако именно уровень экономического благосостояния напрямую связан с типом воспроизводства населения в этих государствах. В целом в странах этого кластера наблюдается все еще значительный демографический дивиденд.

В итоге следует констатировать наличие существенной социально-демографической внутрирегиональной неоднородности в Юго-Восточной Азии. Высокая скорость темпов демографического перехода, характерная для региона в целом, не исключает отличия в демографическом развитии стран АСЕАН: социально-демографический "разрыв" по-прежнему остается одной из самых уязвимых характеристик ассоциации.

Сокращение данного "разрыва" предполагает активизацию действий, направленных на углубление дальнейшей интеграции государств АСЕАН. Государственная политика даже беднейших стран АСЕАН не должна игнорировать приоритет стратегий развития здравоохранения, образования, демографического и миграционного регулирования. Тем не менее, несмотря на декларативные заявления, зачастую наблюдается ориентация стран ассоциации на национальное законодательство и собственный, порой весьма скромный, потенциал. При этом возможности регионального регулирования достаточно ограничены: невмешательство – стержневой принцип "Пути АСЕАН" – превратилось в замедляющий фактор, за-

трудная выработку единого видения скоординированной региональной политики. Чрезмерная осторожность в отношении надгосударственности, характерная для многих стран Юго-Восточной Азии, также усложняет решение проблем, закономерно возникающих на пути демографического перехода. Вследствие этого весьма желательно изменение позиции ассоциации по ключевым вопросам институциональной организации. Эффективное решение задачи снижения асимметрии развития государств Юго-Восточной Азии возможно в ходе реализации соответствующих проектов ассоциации под контролем региональных институтов и в соответствии с согласованной региональной стратегией, имеющей приоритетное значение по отношению к национальным актам. Несмотря на существенные отличия, вызванные политической, конфессиональной, культурной и экономической спецификой стран АСЕАН, построение действительно успешного инклюзивного сообщества предполагает не только активную координацию, но и приоритет регионального перед национальным.

Литература

1. Доклад о миграции в мире 2022 / Международная организация по миграции. Женева, 2022. 556 с.
2. Лукин А.Л. Ждет ли нас "демографический мир"? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 4. С. 79–88.
3. Мосяков Д.В. АСЕАН – Россия: "момент истины" в двусторонних отношениях // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022. № 3 (56). С. 30–39. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2022-3-3-56-030-039>
4. Трансформация механизмов стрессоустойчивости АСЕАН: аспекты безопасности / А.С. Королёв, Е.А. Васенёва, Лю Синтао // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022. № 4 (57). С. 21–29. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-021-029>
5. ASEAN Statistical Publication by Years // ASEAN Main Portal. (сайт). URL: <https://www.aseanstats.org/ebooks/ebook-publication-by-year/> (дата обращения: 31.03.2023).
6. Chongsuvivatwong V. et al. Health and health-care systems in southeast Asia: diversity and transitions // *The Lancet*. 2011. № 4. P. 429–437.
7. Enzmann P., Moesli M. Seizing opportunities: ASEAN country cluster readiness in light of the fourth industrial revolution // *Asia and the Global Economy*. 2022. № 2. <https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2021.100021>
8. GDP per capita (current US\$) // Worldbank. (сайт). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (дата обращения: 31.03.2023).
9. Ha J., Lee S.-H. Demographic dividend and Asia's economic convergence towards the US // *The Journal of the Economics of Ageing*. 2016. № 8. P. 28–41.
10. Human Development Index // Human Development Reports (сайт). URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 31.03.2023).
11. Initiative for ASEAN Integration & Narrowing Development Gap (IAI & NDG) // ASEAN Main Portal. (сайт). URL: <https://asean.org/our-communities/initiative-for-asean-integration-narrowing-development-gap-iai-ndg/> (дата обращения: 31.03.2023).
12. Kampan P., Tanielian A.R. Thailand's role in updating ASEAN immigration policy // *Kasetsart Journal of Social Sciences*. 2017. № 38. P. 233–241.
13. Mahbubani K., Sng J. *The ASEAN Miracle: A Catalyst for Peace*. Ridge Books, 2017. 286 p.
14. Narine S. *The New ASEAN in Asia Pacific and beyond*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers Inc., 2018. 308 p.
15. Nasir M., Wibowo A., Yansyah D. The determinants of economic growth: empirical study of 10 Asia pacific countries // *Jurnal Ilmu Ekonomi*. 2021. № 10 (1). P. 149–160.
16. Population, surface area and density // UNdata (сайт). URL: https://data.un.org/_Docs/SYB/PDFs/SYB65_1_202209_Population,%20Surface%20Area%20and%20Density.pdf (дата обращения: 31.03.2023).
17. Tuccio M. Determinants of Intra-ASEAN Migration // *Asian Development Review*. 2017. № 34 (1). P. 144–166.

References

1. World Migration Report 2022 / International Organization for Migration. Geneva, 2022. 556 p. (In Russ.).
2. Lukin Shall A. We See "Demographic Peace"? // *World Economy and International Relations*. 2011. № 4. P. 79–88. (In Russ.).
3. Mosyakov D.V. ASEAN – Russia: "Moment of Truth" in Bilateral Relations // *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*. 2022. № 3 (56). С. 30–39. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2022-3-3-56-030-039> (In Russ.).
4. The Transformation of ASEAN Resilience Mechanisms: Security Aspects / Korolev A.S., Vaseneva E.A., Liu Xingtao. L. // *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*. 2022. № 4 (57). P. 21–29. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-021-029> (In Russ.).
5. ASEAN Statistical Publication by Years // ASEAN Main Portal. (сайт). URL: <https://www.aseanstats.org/ebooks/ebook-publication-by-year/> (accessed 31.03.2023).
6. Chongsuvivatwong V. et al. Health and health-care systems in southeast Asia: diversity and transitions // *The Lancet*. 2011. № 4. P. 429–437.
7. Enzmann P., Moesli M. Seizing opportunities: ASEAN country cluster readiness in light of the fourth industrial revolution // *Asia and the Global Economy*. 2022. № 2. <https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2021.100021>
8. GDP (current US\$) // Worldbank. (сайт). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (accessed 31.03.2023).
9. Ha J., Lee S.-H. Demographic dividend and Asia's economic convergence towards the US // *The Journal of the Economics of Ageing*. 2016. № 8. P. 28–41.
10. Human Development Index // Human Development Reports (сайт). URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (accessed 31.03.2023).
11. Initiative for ASEAN Integration & Narrowing Development Gap (IAI & NDG) // ASEAN Main Portal. (сайт). URL: <https://asean.org/our-communities/initiative-for-asean-integration-narrowing-development-gap-iai-ndg/> (accessed 31.03.2023).
12. Kampan P., Tanielian A.R. Thailand's role in updating ASEAN immigration policy // *Kasetsart Journal of Social Sciences*. 2017. № 38. P. 233–241.
13. Mahbubani K., Sng J. *The ASEAN Miracle: A Catalyst for Peace*. Ridge Books, 2017. 286 p.
14. Narine S. *The New ASEAN in Asia Pacific and beyond*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers Inc., 2018. 308 p.
15. Nasir M., Wibowo A., Yansyah D. The determinants of economic growth: empirical study of 10 Asia pacific countries // *Jurnal Ilmu Ekonomi*. 2021. № 10 (1). P. 149–160.
16. Population, surface area and density // UNdata (сайт). URL: https://data.un.org/Docs/SYB/PDFs/SYB65_1_202209_Population,%20Surface%20Area%20and%20Density.pdf (дата обращения: 31.03.2023).
17. Tuccio M. Determinants of Intra-ASEAN Migration // *Asian Development Review*. 2017. № 34 (1). P. 144–166.

Виктория Анатольевна ДЕНИСЕНКО, канд. экон. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: Denisenko.va@dvfu.ru

Наталья Денисовна БОГДАНОВА, бакалавр международных отношений, г. Владивосток, Россия, e-mail: Bogdanovanata01@yandex.ru

Viktoriya A. DENISENKO, Candidate of Economics, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: Denisenko.va@dvfu.ru

Natalia D. BOGDANOVA, Bachelor of International Relations, Vladivostok, Russia, e-mail: Bogdanovanata01@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 27.04.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 01.12.2023

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2023

Позиция США и их тихоокеанских союзников по отношению к Тайваньскому вопросу

Цивэнь СУН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, sun.tciv@students.dvfu.ru

Иван Николаевич ЗОЛОТУХИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zolutukhin.in@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается отношение США и их тихоокеанских союзников к Тайбэю на современном этапе, уделяется особое внимание тайваньскому вопросу. Анализ последних действий различных сторон показывает, что отношение властей США, Японии, Южной Кореи, Австралии и Филиппин к тайваньскому вопросу неодинаково. Соединенные Штаты продолжают вооружать своих союзников, чтобы дать им возможность еще больше истощить мощь Китая и затормозить его развитие в возможном будущем конфликте. Однако союзники Америки также имеют свои собственные соображения и в какой-то степени пойдут на соглашение с Вашингтоном, но не до такой степени, чтобы поступиться собственными интересами и соответствовать американским ожиданиям.

Ключевые слова: Тайваньский вопрос, США, Япония, Южная Корея, Австралия, Филиппины

Для цитирования: Сун Цивэнь, Золотухин И.Н. Позиция США и их тихоокеанских союзников по отношению к Тайваньскому вопросу // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 122–130. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/122-130>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/122-130>

Position of the United States and its Pacific allies on the Taiwan issue

Qiwen SONG

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, sun.tciv@students.dvfu.ru

Ivan N. ZOLOTUKHIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zolutukhin.in@dvfu.ru

Abstract. The article examines the attitude of the United States and its Pacific allies toward Taipei at the present stage, paying special attention to the Taiwan issue. An analysis of recent actions by various parties shows that the attitudes of the U.S., Japanese, South Korean, Australian, and Philippine authorities toward the Taiwan issue are not the same. The United States continues to arm its allies to enable them to further drain China's power and stall its development in a possible future conflict. But America's allies also have their own considerations and will agree to some extent with Washington, but not to the extent that they will compromise their own interests and meet American expectations.

Keywords: The Taiwan issue, USA, Japan, South Korea, Australia, Philippines

For citation: Song Qiwen, Zolutukhin I.N. Position of the United States and its Pacific allies on the Taiwan issue // Oriental Institute Journal. 2023. No. 4. P. 122–130. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/122-130>

После образования КНР в 1949 году США всегда рассматривали Тайвань как благоприятный инструмент для сдерживания и подавления Китая. Геостратегическое положение Тайваня чрезвычайно важно, поскольку США построили три цепи островов в западной части Тихого океана для блокады Китая, из которых Тайвань является ядром первой цепи островов. Цепь островов была предложена бывшим госсекретарем США Даллесом в 1951 г. как "цепь военных", использующая цепь островов в качестве военной базы с целью подавления и блокады социалистических стран путем уменьшения размеров Мирового океана и ослабления морских прав. Данная цепь островов в настоящее время не имеет идеологического значения и на практике реализуется как "цепь" блокады, которая окружает и изолирует воды Китая с целью сдерживания его экономического и военного развития и обеспечения безопасности. США используют эти три цепи островов для эффективного сдерживания расширения военно-морской мощи Китая в центре Тихого океана, не давая возможности полностью развернуть морские стратегические силы Китая.

Несмотря на совместное коммюнике 1979 года, устанавливающее дипломатические отношения на уровне послов, и публичное признание Вашингтоном принципа "одного Китая", официальные отношения между США и Тайванем не были полностью разорваны и оставались неоднозначными. Начиная с администрации Картера и заканчивая нынешней администрацией Байдена, не прекращались продажи оружия Тайваню, особенно администрацией Буша-младшего, которая за восемь лет своего правления продала Тайваню оружия и оборудования на общую сумму 29 938 миллионов долларов США, что является самым большим показателем среди всех администраций США [10]. Очевидно, что Соединенные Штаты хотят вооружить Тайвань как колесницу, которая может представлять определенную военную угрозу для материкового Китая.

На самом деле, США уже отреагировали на рост Китая в 2000 году. Во времена Буша-младшего неравенство сил двух стран было таково, что сотрудничество было главной опорой их отношений, а конкуренция – дополнением. Буш-младший в начале своего президентства предлагал "стратегическое соревнование" с Китаем, но общие интересы торгово-экономического сотрудничества двух стран позволяют ему сменить стратегию на "контакт" и "уравновешенность" и в сочетании с событиями терактов 11 сентября США оказались втянуты в водоворот антитеррористической борьбы и не смогли уделить время Китаю. Только в 2010 году, когда ВВП Китая обогнал ВВП Японии и стал второй по величине экономикой мира, правительство США начало принимать меры по сдерживанию развития Китая в западной части Тихого океана, причем Тайвань был самым важным оружием.

В США всегда существовало две школы мысли по поводу политики в отношении Тайваня: школа стратегической двусмысленности и школа стратегической ясности. Здесь мы разбираем подходы различных политических групп и правительств внутри США к отношению к Тайваню. Фракция стратегической двусмысленности доминировала на уровне разработки политики США до 2010 года. В лице таких фигур, как Курт Кэмпбелл, координатор по вопросам по делам Индо-Пацифики, и Аврил Хейнс, директор разведки США, они утверждают, что эта политика гарантирует, что ни Пекин, ни Тайбэй не могут быть уверены в участии США в межпространственном конфликте, что успешно снижало риск того, что Вашингтон может быть втянут в войну с Китаем за возвращение Тайваня. Эта политика основывалась на условии, что Китай не обладает военной способностью для прямой или косвенной угрозы Тайваню. Но очевидно, что реальность изменилась, и китайские вооруженные силы теперь вполне способны вступить в войну с США в западной части Тихого океана с точки зрения одной только военной мощи. Вот почему политика "стратегической ясности" набирает обороты со времен администрации Обамы, эту фракцию представляют журнал *The Economist* (статья "Тайвань – самое опасное место на земле"), Джозеф Боско, бывший референт по Китаю в офисе министра обороны США и в последние годы высшие политические деятели в правительстве США публично подчеркивают свое отношение к Тайваню. В октябре 2021 и мае 2022 года президент Джо Байден заявил, что Вашингтон предпримет прямое вмешательство, если Китай нападет на Тайвань, а после начала СВО в Украине усилилась приверженность США военной поддержке региона [8]. Хотя все эти заявления были впоследствии опровергнуты Белым домом, нет сомнений в том, что позиция президента США была направлена на устрашение Пекина.

С одной стороны, американские аналитики считают, что если вашингтонские власти продолжают проводить политику "стратегической двусмысленности", то нынешняя военная мощь Пекина позволит ему избежать войны с США путем быстрого и успешного вторжения на Тайвань, что совершенно не соответствует реалистичным интересам США. С другой стороны, некоторые ученые и чиновники считают, что США должны принять стратегию сдержанности в Восточной Азии. Ведущий мировой аналитический центр – корпорация RAND – в 2021 году выпустил доклад, в котором среди прочего рекомендовал США проводить политику стратегической сдержанности, что американские военные не должны вмешивать-

ся, когда материковый Китай объединит Тайвань, а также острова Дяоюйдао, и что необходимо отказаться от Тайваня и укрепить союз США в Восточной Азии [6].

В феврале 2023 года американский известный радиоведущий Гарланд Никсон написал в Твиттере, что, по словам инсайдеров Белого дома, Байден раскрыл план США по уничтожению Тайваня, что позже было опровергнуто Белым домом [2]. Однако ряд шагов Вашингтона уже предвещал его намерение использовать Тайвань в качестве бомбы, чтобы взорвать путь подъема Китая. Уже в конце 2022 года компания TSMC начала строить второй литейный завод в США и переносить значительную часть своих мощностей по производству чипов высокого класса; в тот же период, власти Тайваня приняли законопроект о продлении военной службы до одного года; США попросили Тайвань купить ракеты Stinger; США планируют направить на Тайвань чиновников, которые войдут в правительство.

Последние три администрации США проводили различные политики и стратегии по сдерживанию и подавлению Китая. В эпоху Обамы правительство США проводило стратегию "Перебалансировки", стремясь укрепить порядок безопасности под руководством США, затормозить процесс региональной интеграции в Восточной Азии, сдерживать развитие Китая, но не стимулировать его чрезмерно. В 2017 году Трамп выдвинул стратегию "Индо-Пацифики" – западная часть Тихого океана и Индийский океан как стратегический регион, направленный на всестороннее сдерживание и подавление Китая, а на среднем и позднем этапах своего президентского срока – на развязывание торговой войны с Китаем и ухудшение отношений с ним. После прихода к власти администрации Байдена США доработали свою китайскую политику, основной смысл которой заключается в следовании стратегии "Индо-Пацифики", использовании многосторонней дипломатии, союзнических отношений, ценностной дипломатии и международных правил под руководством США для связывания Китая по рукам и ногам, ослаблении международного влияния Китая и продолжении технологической войны с ним. Однако политика трех администраций по отношению к Китаю не имела большого эффекта, разрыв между Китаем и США становится все меньше и меньше, а психологическое давление на Вашингтон все больше и больше. В вопросе Тайваня Вашингтон часто провоцирует и испытывает Пекин на прочность, чрезмерно стимулируя материковый Китай, что наносит большой ущерб общей ситуации в Тайваньском проливе и усиливает аргументацию Пекина в пользу объединения Тайваня силой.

Следует ожидать, что США не будут вкладывать слишком много энергии в будущее воссоединение Тайваня силой против Пекина, но Вашингтон заставит Тайбэй сопротивляться до конца, что в определенной степени лишит силы китайскую армию, а после войны объединит многие страны для введения санкций против Пекина в различных областях, осуждая его с высоты "демократии" и "свободы", стремясь свалить Китай на экономическом уровне и взбудоражить его на социальном уровне, тем самым ища возможность действительно победить его.

В вопросе Тайваня Токио, союзник Вашингтона, также вел себя агрессивно. Это объясняется главным образом двумя факторами. С одной стороны, играет роль исторический фактор: китайско-японская война закончилась в 1895 году, династия Цин потерпела поражение и уступила Тайвань Японии, и только в 1945 году Тайвань был возвращен Китаю. В течение 50 лет Япония колонизировала местное население Тайваня, практикуя полную японизацию, изучение японской культуры и языка и т.д. Поэтому до сих пор отношения между Японией и Тайванем были очень деликатными. С другой стороны, существует геополитический фактор. Тайвань расположен в центре западной цепи островов Тихого океана, с Японией на севере и Юго-Восточной Азией на юге. Хотя общие условия в Японии относительно неплохие, ее крайне скудные внутренние ресурсы будут сдерживать ее собственное развитие. Она полностью полагается на морской транспорт для ежедневного снабжения, особенно на нефть, которая на 90% импортируется, а необходимым местом для морских транспортных путей является Тайваньский пролив или пролив Бус вблизи острова Тайвань. Япония не только сильно зависит от импорта, но и является экономикой, сильно зависящей от экспорта. Китай и страны АСЕАН

являются наиболее важными экспортными направлениями для Японии. Западно-тихоокеанский маршрут также является естественным выбором для экспорта промышленных товаров Японии. Будь то экспортный или импортный маршрут, Япония не может обойти остров Тайвань. 1 декабря 2021 года бывший премьер-министр Японии Синдзо Абэ в своей речи по приглашению одного из тайваньских учреждений заявил, что "чрезвычайная ситуация на Тайване – это чрезвычайная ситуация для Японии" [1].

В настоящее время Токио также проводит избыточное развертывание войск в ответ на напряженность в Тайваньском проливе. В конце 2022 года администрация Фумио Кисиды утвердила три политических документа – Стратегию национальной безопасности (СНБ), Стратегию национальной обороны и План оборонного строительства, – которые юридически разрешают Силам самообороны Японии иметь "способность наносить контрудары", что является разрывом с предыдущей относительно сдержанной оборонительной позицией Японии. Япония также планирует к марту 2024 года разместить в США крупный заказ на 500 крылатых ракет "Томагавк", которые вполне способны представлять угрозу для прибрежных районов Китая; в марте 23 года Япония вновь усилила развертывание войск на юго-западных островах, открыв военную базу в острове Исигаки и развернув современные противокорабельные ракеты берегового базирования и зенитные ракеты средней дальности. Все эти действия указывают на намерения Японии в отношении Тайваньского пролива.

Международный статус Японии не соответствует ее силе. Япония, как страна, потерпевшая поражение во Второй мировой войне, была ограничена в военном отношении, не имела армии и не могла объявлять войну иностранным государствам, была сильно стеснена США, и, даже будучи уже третьей по величине экономикой мира и высокоразвитой капиталистической страной, Япония не могла иметь высокий международный статус. А превращение в "нормальную" страну было постоянной целью японского правительства с момента окончания Второй мировой войны. Нынешнее ухудшение ситуации в Тайваньском проливе позволило Японии использовать это как предлог для постоянного стремления "развязать себе руки", покупая у Вашингтона большое количество современного оружия и боеприпасов для модернизации своих вооруженных сил.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что японское правительство придает большое значение тайваньскому вопросу, и любые изменения в Тайваньском проливе затронут напряженные нервы Японии. В случае военного конфликта между США и Китаем в регионе Япония примет в нем активное участие, используя дипломатические и военные средства для получения максимальной выгоды.

Республика Корея, еще один важный союзник США в западной части Тихого океана, гораздо более неоднозначно и нерешительно, чем Япония, относится к тайваньскому вопросу. С одной стороны, политики РК хотели бы быть на стороне США и наращивать темпы развития ситуации в Тайваньском проливе, но, с другой стороны, Республика Корея не может оставаться в стороне от Китая, одна из главных причин – КНР является важнейшим международным экономическим и торговым партнером Республики Кореи, к тому же Тайвань не имеет для РК такого геополитического значения, как для Японии. По данным за 2021 год, экспорт РК в КНР составил 162,92 млрд долларов США, в то время как экспорт РК в США за тот же период составил 96,31 млрд долларов США [9]. В ответ южнокорейские СМИ единодушно считают, что связи РК с КНР в плане экономической торговли гораздо крепче, чем связи между РК и США, ее самым важным военным и политическим союзником.

Помимо экономического аспекта, в политическом и военном плане у Сеула также есть большая проблема с северным соседом. РК политики всегда надеялись, что Китай поможет ей примирить проблемы стабильности на полуострове. Но очевидно, что если РК всегда будет обсуждать полуостров с КНР в качестве "помощника" Соединенных Штатов, то отношение КНР к этому вопросу явно не будет развиваться в том направлении, которого хочет РК.

В феврале 2023 года министр иностранных дел РК Пак Чжин заявил в интервью CNN, что "южнокорейская сторона выступает против одностороннего изменения статус-кво в Тайваньском проливе с помощью силы, поскольку это будет иметь прямое влияние на южнокорейскую сторону". Он также сказал, что, если что-то произойдет в Тайваньском проливе, южнокорейской стороне необходимо поддерживать мир и стабильность на полуострове [3]. Подход Пак Чжина можно рассматривать как некую цель дать РК больше рычагов влияния в ее "переговорах" с КНР и США. С точки зрения прямых отношений военный конфликт в Тайваньском проливе не окажет существенного влияния на РК и может быть сдержан до определенной степени, но "позиция" РК в данный момент времени может оказать влияние на развитие конфликта в Тайваньском проливе. Если РК будет твердо стоять на стороне США, или даже пошлет войска на помощь США, или предоставит США военные базы или порты, или поможет Тихоокеанскому флоту США материально-техническими поставками, это может еще больше осложнить конфликт в Тайваньском проливе или даже затянуть его, чего Пекин не хочет видеть, и что, по мнению РК, является самой большой ценностью, которую она может сыграть в конфликте в Тайваньском проливе.

После прихода к власти Юн Сок Ёля РК продолжила сближение с США, и для того, чтобы сотрудничать с США в создании трехстороннего военного союза между США, Японией и Южной Кореей, РК правительство пошло на уступки в вопросе компенсации РК рабочим во Второй мировой войне, чтобы достичь примирения с Японией, и две страны возобновили "челночную дипломатию" с целью укрепления отношений между лидерами двух стран. Однако это не направлено против Китая, а в основном является ответом на угрозу со стороны КНДР. Что касается высказываний Юн Сок Ёля о тайваньском вопросе как о проблеме глобальной безопасности и его диктата по отношению к внутренним делам Китая, то это можно рассматривать как знак лояльности РК правительства по отношению к США.

В целом тайваньский вопрос является очень трудным и сложным для РК. Столкнувшись с экономическим и политическим давлением, Сеул занял более гибкий и прагматичный подход к этому вопросу, проявляя неопределенность и осторожность в отношении тайваньского вопроса.

Австралия долгое время считалась верным союзником США, и Канберра всегда оказывала большую поддержку Вашингтону в международном сообществе. В 2021 году бывший министр обороны Австралии Питер Даттон заявил, что если США направят войска в Тайваньский пролив, то Австралия также примет участие в военных операциях США. Однако менее чем через два года отношение австралийского правительства изменилось. Согласно Guardian, заместитель премьер-министра и министр обороны Ричард Марлес заявил, что Австралия "абсолютно не" обещала США, что она присоединится к своему главному союзнику по безопасности в возможной будущей войне за статус Тайваня в рамках переговоров по AUKUS [5]. Заявление Марлеса о позиции Австралии показывает, с одной стороны, что Австралия не желает вмешиваться в дела Тайваньского пролива и не обязательно поддержит США в этом вопросе. С другой стороны, это также косвенно показывает, что Австралия не привязана к США и что австралийская сторона по-прежнему ценит свои национальные интересы больше, чем союзнические. На самом деле, в августе 2022 года премьер-министр Австралии Албанизе разъяснил позицию Австралии по вопросу Тайваньского пролива, заявив, что он согласен с принципом "одного Китая" и надеется, что в Тайваньском проливе сохранится мирный статус-кво, утверждая, что преувеличение вопроса Тайваньского пролива не пойдет на пользу миру во всем мире.

Стоит отметить, что отношение австралийского правительства также должно быть связано с внутривнутриполитической обстановкой в стране. Предыдущий премьер-министр Австралии Моррисон был более жестким в своем отношении к Китаю и шел по стопам США в подавлении Китая, что привело к экономической реакции со стороны Китая и в конечном итоге к отставке Моррисона. Нынешний премьер-министр, Албанизе, стал более гибким и прагматичным в своем подходе к отноше-

ниям между Китаем и Австралией. В экономическом аспекте Австралия является страной-экспортером ресурсов, а Китай – крупнейшим торговым партнером Австралии, между двумя странами существуют тесные экономические и торговые связи.

Однако, хотя правительство Австралии заявило, что будет ставить свои интересы на первое место, это не означает, что Австралия отбросила свою враждебность по отношению к Китаю. На самом деле, Австралия всегда рассматривала Китай как соперника и всегда настороженно относилась к сотрудничеству Китая со странами южной части Тихого океана, особенно к соглашению о безопасности с Соломоновыми островами. Австралия также очень зависит от США в вопросах обороны и безопасности, и маловероятно, что Австралия легко "предаст" США, две страны тесно сотрудничают в военном отношении, часто организуя совместные военные учения. Кроме того, в 2022 году Австралия подписала новое соглашение о сотрудничестве с США, позволяющее ей разместить четыре бомбардировщика на своих военных базах в соответствии с военной стратегией США. В марте 2023 года страны AUKUS провели переговоры и объявили о планах поставки Австралии атомных подводных лодок, в дополнение к которым Великобритания и США начнут размещать свои подводные лодки в Западной Австралии на ротационной основе с 2027 года [4].

Таким образом, легко заметить, что отношение Австралии к тайваньскому вопросу очень похоже на отношение Республики Корея, но разница в том, что Австралия сделала несколько существенных шагов, которые сыграли более позитивную роль во вмешательстве США в Тайваньский пролив.

Как одна из ключевых стран Юго-Восточной Азии, Филиппины являются чрезвычайно важным стратегическим партнером США в регионе и острым мечом для сдерживания развития Китая на юг. Основу военного союза США и Филиппин составляют три крупных договора: Договор о взаимной обороне между США и Филиппинами 1951 года, Соглашение о взаимном посещении 1999 года, которое разрешает проведение крупномасштабных военных учений, и соглашение об обороне 2014 года, которое разрешает размещение американских войск и вооружений на пяти филиппинских военных базах. Однако, когда президент Родриго Дутерте вступил в должность в 2016 году, он заявил, что выступает за прекращение действия соглашения 1999 года и возможную отмену условий соглашения 2014 года в рамках усилий по "отделению" от США и улучшению отношений с Китаем. После прихода к власти Маркос-младший продолжал укреплять и развивать союзы с США и их союзниками.

2 февраля 2023 года США и Филиппины объявили о соглашении, которое позволит американским войскам получить доступ к четырем дополнительным военным базам в этой стране Юго-Восточной Азии, расположенным в непосредственной близости от острова Тайвань, и которое доведет размер американского военного присутствия на Филиппинах до самого высокого уровня за последние десятилетия [7]. Сразу же после этого, 14 февраля, в день завершения государственного визита в Японию, Маркос-младший публично высказался о результатах визита, заявив, что нет причин, по которым Филиппины не должны подписывать с Японией Соглашение о взаимном посещении. В то же время он сказал, что нет причин, по которым Филиппины не должны быть втянуты в конфликт в Тайваньском проливе, учитывая географическое положение между Филиппинами и Тайванем. Речь Маркоса-младшего ясно дала понять, что Филиппины намерены вмешаться в ситуацию в районе Тайваньского пролива. Как только Соглашение о взаимном посещении будет окончательно реализовано, это означает, что в будущем Япония и Филиппины смогут размещать свои войска на территории друг друга, формируя военно-стратегическую взаимную оборону. Затем, 11 апреля, в ответ на трехдневные военные учения Китая против Тайваня, Филиппины и США провели совместные военные учения "плечом к плечу", крупнейшие в их истории, с участием более 17 000 военнослужащих с обеих сторон, а также австралийских и японских солдат.

Однако отношение Манилы к Пекину было совсем другим несколькими месяцами ранее, когда Маркос-младший посетил Китай в начале января 2023 года. После визита Маркос-младший также заявил, что Китай является важным партнером в восстановлении экономики Филиппин, и эти обещания доброй воли были вознаграждены 22,8 млрд долларов китайских инвестиций и решением Китая импортировать больше филиппинских фруктов, сократив дефицит торгового баланса между двумя странами [11].

Однако теперь Маркос-младший резко изменил свое отношение к Китаю и за короткий период времени заключил ряд соглашений с США и Японией, которые повлияют на китайско-филиппинские отношения. Ранее считалось, что Маркос-младший мог унаследовать идею Дутерте о китайско-филиппинской дружбе по той причине, что он был мишенью для санкций со стороны США, но очевидно, что Маркос-младший – очень активный президент, который считает, что сотрудничество с США и Японией сильнее и больше соответствует интересам Филиппин. На самом деле, основное намерение Филиппин – воспользоваться тем, что США создают кризис в Тайваньском проливе в то время, когда, по их мнению, Китаю некогда беспокоиться о Южно-Китайском море, и затем извлечь из этого выгоду.

Предсказуемо, что Филиппины станут плацдармом для будущего военного вмешательства США в конфликт в Тайваньском проливе, а также стратегическим запасным каналом. Отношение Манилы к тайваньскому вопросу полностью совпадает с позицией Вашингтона. Как страна с важным геополитическим положением в Юго-Восточной Азии, Филиппины создадут массу проблем для будущего возвращения Тайваня материковым Китаем.

Приняв решение соперничать с Китаем на всех фронтах, США в полной мере использовали вопрос Тайваня, чтобы держать Китай в узде, и внесли стратегическое регулирование в Тихоокеанском регионе. США приняли модель "большой круг в малом круге" для своего западно-тихоокеанского расположения: при наступлении они используют Японию в качестве ядра и первую островную цепь в качестве "малого круга", чтобы окружить Китай; при отступлении они используют Австралию в качестве своей базы и опираются на вторую островную цепь в качестве "большого круга" для поддержания власти США в Тихом океане.

Заручившись поддержкой Японии, Республики Корея, Австралии, Филиппин и других стран, США надеются создать большой международный импульс в отношении вопроса Тайваня и усилить давление на Китай. С точки зрения США, вопрос Тайваня затрагивает вопросы региональной стабильности и безопасности. США обеспокоены тем, что усиление Китая может повлиять на региональный баланс и создать угрозу американским интересам. Поэтому США продолжают оказывать подавляющее влияние на своих тихоокеанских союзников и резко сокращают их самостоятельность в целях сплочения коалиции для противодействия Китаю в расчете на то, что союзники смогут потерять как можно больше китайской силы в будущей войне, которая разразится между США и Китаем, в то время как сами США должны сделать все возможное, чтобы выиграть войну с минимальными потерями.

Надеемся, что в решении вопроса Тайваня все стороны будут проявлять сдержанность и спокойствие и урегулировать свои разногласия путем диалога и консультаций. Военная конфронтация и напряженность только усугубят региональную неопределенность и риски. В этих условиях все страны должны укреплять многостороннее сотрудничество и диалог, разрешать региональные споры и разногласия путем создания эффективного механизма.

Литература

1. Blanchard B. Former PM Abe says Japan, U.S. could not stand by if China attacked Taiwan / B. Blanchard // Reuters: website. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/former-pm-abe-says-japan-us-could-not-stand-by-if-china-attacked-taiwan-2021-12-01/> (дата обращения: 25.04.2023).
2. Distrust grows toward Washington amid revelation of US' 'destruction of Taiwan' plan // Global Times: website. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202302/1286179.shtml> (дата обращения: 21.04.2023).
3. Exclusive: North Korea a 'clear and present danger,' says South Korean Foreign Minister / P. Hancocks,

- B. Lendon, Y. Seo, D. Hawley, C. Miller // CNN: website. URL: <https://edition.cnn.com/2023/02/22/asia/south-korea-foreign-minister-interview-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 20.04.2023).
4. Fact Sheet: Trilateral Australia-UK-US Partnership on Nuclear-Powered Submarines // The White House official website. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/fact-sheet-trilateral-australia-uk-us-partnership-on-nuclear-powered-submarines/> (дата обращения: 25.04.2023).
5. Hurst D. Australia has 'absolutely not' committed to join US in event of war over Taiwan, Marles says / D. Hurst // The Guardian: website. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/mar/19/australia-has-absolutely-not-committed-to-join-us-in-event-of-war-over-taiwan-marles-says> (дата обращения: 25.04.2023).
6. Implementing Restraint: Changes in U.S. Regional Security Policies to Operationalize a Realist Grand Strategy of Restraint / M. Priebe, B. Rooney, N. Beauchamp-Mustafaga, J. Martini, S. Pezard // RAND Center for Analysis of U.S. Grand Strategy: website. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA739-1.html (дата обращения: 21.04.2023).
7. Lendon B. US military to gain expanded access to Philippines bases in efforts to counter China / B. Lendon, J. Hansler // CNN: website. URL: <https://edition.cnn.com/2023/02/01/asia/us-philippines-base-access-agreement-intl-hnk-ml/index.html> (accessed 25.04.2023).
8. McDonald J. Biden: US would defend Taiwan against Chinese invasion / J. McDonald // AP News: website. URL: <https://apnews.com/article/taiwan-biden-china-nancy-pelosi-government-and-politics-abe8b7b0c6600e5fa869effae0d76ef2> (дата обращения: 20.04.2023).
9. South Korea Exports By Country // Trading Economics online data base website. URL: <https://tradingeconomics.com/south-korea/exports-by-country> (дата обращения: 20.04.2023).
10. US Arms Sales to Taiwan // Forum on the arms trade: website. URL: <https://www.forumarmstrade.org/ustaiwan.html> (дата обращения: 20.04.2023).
11. 习近平同菲律宾总统马科斯举行会谈 // 新华网, 2023年1月4日 = Xi Jinping holds talks with Philippine President Marcos // Xinhua: website. URL: <https://m.huanqiu.com/article/4B9ZXhvP8Or> (дата обращения: 25.04.2023).

References

1. Blanchard B. Former PM Abe says Japan, U.S. could not stand by if China attacked Taiwan / B. Blanchard // Reuters: website. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/former-pm-abe-says-japan-us-could-not-stand-by-if-china-attacked-taiwan-2021-12-01/> (accessed 25.04.2023).
2. Distrust grows toward Washington amid revelation of US' 'destruction of Taiwan' plan // Global Times: website. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202302/1286179.shtml> (accessed 21.04.2023).
3. Exclusive: North Korea a 'clear and present danger,' says South Korean Foreign Minister / P. Hancocks, B. Lendon, Y. Seo, D. Hawley, C. Miller // CNN: website. URL: <https://edition.cnn.com/2023/02/22/asia/south-korea-foreign-minister-interview-intl-hnk/index.html> (accessed 20.04.2023).
4. Fact Sheet: Trilateral Australia-UK-US Partnership on Nuclear-Powered Submarines // The White House official website. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/fact-sheet-trilateral-australia-uk-us-partnership-on-nuclear-powered-submarines/> (accessed 25.04.2023).
5. Hurst D. Australia has 'absolutely not' committed to join US in event of war over Taiwan, Marles says / D. Hurst // The Guardian: website. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/mar/19/australia-has-absolutely-not-committed-to-join-us-in-event-of-war-over-taiwan-marles-says> (accessed 25.04.2023).
6. Implementing Restraint: Changes in U.S. Regional Security Policies to Operationalize a Realist Grand Strategy of Restraint / M. Priebe, B. Rooney, N. Beauchamp-Mustafaga, J. Martini, S. Pezard // RAND Center for Analysis of U.S. Grand Strategy: website. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA739-1.html (accessed 21.04.2023).
7. Lendon B. US military to gain expanded access to Philippines bases in efforts to counter China / B. Lendon, J. Hansler // CNN: website. URL: <https://edition.cnn.com/2023/02/01/asia/us-philippines-base-access-agreement-intl-hnk-ml/index.html> (accessed 25.04.2023).
8. McDonald J. Biden: US would defend Taiwan against Chinese invasion / J. McDonald // AP News: website. URL: <https://apnews.com/article/taiwan-biden-china-nancy-pelosi-government-and-politics-abe8b7b0c6600e5fa869effae0d76ef2> (accessed 20.04.2023).
9. South Korea Exports By Country // Trading Economics online data base website. URL: <https://tradingeconomics.com/south-korea/exports-by-country> (accessed 20.04.2023).
10. US Arms Sales to Taiwan // Forum on the arms trade: website. URL: <https://www.forumarmstrade.org/ustaiwan.html> (accessed 20.04.2023).
11. Xi Jinping holds talks with Philippine President Marcos // Xinhua: website. URL: <https://m.huanqiu.com/article/4B9ZXhvP8Or> (accessed 25.04.2023).

Цивэнь СУН, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: sun.tciv@students.dvfu.ru

Иван Николаевич ЗОЛОТУХИН, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: zolotukhin.in@dvfu.ru

Qiwen SONG, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: sun.tciv@students.dvfu.ru

Ivan N. ZOLOTUKHIN, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zolotukhin.in@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 22.05.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 28.11.2023

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2023

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/131-139>

Саммит "Центральная Азия – Китай": региональные аспекты и геополитические последствия

Умедджон Хайдар ИБРОХИМЗОДА

Общественная организация "Тахлил", Душанбе, Таджикистан, lbrohizmoda.umed98@gmail.com

Марина Олеговна ДМИТРИЕВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, dmitrieva.mo@dvf.u.ru

Шерали Шукруллозода РИЗОЁН

Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан, sherali.rizoyon@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу становления и развития формата "Центральная Азия + Китай". Авторы приходят к выводу, что стремительное наполнение взаимодействия региона с КНР с помощью формулы "5+1" свидетельствует о намерении Пекина создать платформу для более глубокого сотрудничества и реализации собственной повестки в Центральной Азии. В этом контексте государствам Центральной Азии необходимо разработать более прагматичную и тщательно проработанную внешнюю политику, учитывая имеющиеся возможности и потенциальные риски с целью предотвращения возможных негативных последствий.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, 5+1, саммит Центральная Азия – Китай, институционализация сотрудничества

Для цитирования: Иброхимзода У.Х., Дмитриева М.О., Ризоён Ш.Ш. Саммит "Центральная Азия – Китай": региональные аспекты и геополитические последствия // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 131–139. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/131-139>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/131-139>

Central Asia-China Summit: Regional aspects and geopolitical implications

Umedjon H. IBROHIMZODA

Public organization "Tahlil", Dushanbe, Tajikistan, lbrohizmoda.umed98@gmail.com

Marina O. DMITRIEVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, dmitrieva.mo@dvf.u.ru

Sherali Sh. RIZOYON

Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan, sherali.rizoyon@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation and development of the format "Central Asia + China". The authors come to the conclusion that the rapid expansion of the region's interaction with China using the 5+1 formula indicates Beijing's intention to create a platform for deeper cooperation and the implementation of its own agenda in Central Asia. In this context, the Central Asian States need to develop a more pragmatic and carefully elaborated foreign policy, taking into account the available opportunities and potential risks, in order to prevent possible negative consequences.

Keywords: China, Central Asia, 5+1, Central Asia–China Summit, institutionalization of cooperation

For citation: Ibrokhimzoda U.K, Dmitrieva M.O., Rizoen Sh.Sh. Central Asia-China Summit: Regional aspects and geopolitical implications // Oriental Institute Journal. 2023. № 4. P. 131–139. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/131-139>

Введение

Геополитическая неопределенность и глобальный экономический кризис подталкивают государства различных частей мира к более тесному сотрудничеству вплоть до институционализации отношений. Целью такого сотрудничества выступают как совместное решение внутрорегиональных проблем, так и сверка позиций по глобальной повестке дня. Стоит отметить, что сближение государств в рамках различных форматов не является новым явлением, и на практике наблюдаются как действенные, так и менее дееспособные примеры. В этом контексте

© Иброхимзода У.Х., Дмитриева М.О., Ризоён Ш.Ш., 2023

глобальные и региональные игроки, учитывая свои национальные интересы, создадут новые механизмы сотрудничества для реализации своей внешней политики.

В Центральной Азии после запуска формата консультативных встреч межгосударственные отношения стран региона значительно улучшились. 14-15 сентября 2023 года в Душанбе состоялась Пятая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии, на которой стороны озвучили более 40 предложений и инициатив по углублению регионального сотрудничества. Одной из центральных озвученных инициатив стало то, что на сегодняшний день сформировано более 10 форматов "Центральная Азия +", и странам региона необходимо запустить формат постоянных консультаций на уровне глав внешнеполитических ведомств для согласования позиций в системе отношений с внешними игроками [2]. Таким образом, в Центральной Азии есть понимание того, что все больше внешних игроков намерены запустить форматы "Центральная Азия+" и региону необходимо воспользоваться своим историческим шансом.

В 2004 году Япония стала первой страной, запустившей формат многостороннего сотрудничества с государствами Центральной Азии. Впоследствии такие механизмы начали использовать Европейский Союз и Южная Корея (2007), США (2015), Индия (2018), Россия и Китай (2020), арабские государства Персидского залива (2022) и Германия (2023). Ожидается, что диалог "Азиатско-Тихоокеанский регион + Центральная Азия" состоится в ближайшее время [15]. Таким образом, сотрудничество вышеназванных стран и регионов с государствами Центральной Азии имеет своё арифметическое составляющее, специфику и динамику развития.

Формат "Китай-Центральная Азия" привлекает внимание широкого круга экспертов и исследователей как из самого Центральноазиатского региона, так и в странах партнерах и конкурентах Поднебесной. Таким образом, целью статьи является общая оценка формата сотрудничества 5+КНР как нового подхода Китая в отношении стран региона, а также определение вызовов и возможностей для государств Центральной Азии. Важность такого подхода заключается в том, что в обозримом будущем крупные державы и отдельные регионы предпринимают шаги по запуску формата "Центральная Азия +". Для достижения этой цели были поставлены задачи: выделить отличительные особенности взаимодействия в рамках этой структуры; перечислить основные инициативы (механизмы) и обозначить перспективы и существующие ограничения.

Таким образом, в статье будет раскрыт подход КНР в формате "5+1", что в современных условиях обладает научно-практической значимостью, поскольку современная стратегия КНР подталкивает других акторов, имеющих формат сотрудничества "5+1", к институционализации и расширению сотрудничества.

Данный формат сотрудничества стал объектом пристального внимания академического и экспертного сообщества. К настоящему времени накоплен определенный пласт работ, анализирующих как формирование определенного состава "5+1" (этому посвящены труды Е. Гарбузаровой [3], О. Парамонова, О. Пузановой [8]), так и сравнение этих группировок между собой. Здесь мы можем отметить Е. Алексеенкову [1], О. Карпович, С. Кондакова [6], Ф. Хакимова [14] и Ш. Ризоёна [11]. Формат "Китай-Центральная Азия" интересен широкому кругу экспертов и исследователей как из самого Центральноазиатского региона, так и в странах партнерах и конкурентах Поднебесной, однако в силу сравнительно недавнего его запуска наблюдается недостаточный объем академических изысканий по теме.

О форматах "Центральная Азия+" как инструменте многостороннего сотрудничества

В последние годы наблюдается повышенный интерес региональных и глобальных игроков к Центральной Азии. Интерес проявляется не только к двустороннему сотрудничеству, но и к многосторонним взаимодействиям с государствами региона. Возросший интерес был переформатирован в создание новых платформ сотрудничества, ключевым из которых можно считать "Центральная Азия+".

Формат "Центральная Азия+", обозначаемый формулой "5+1" – это механизм регулярного диалога между пятью странами региона и одним внешним партнё-

ром, таким как Япония, Южная Корея, Европейский Союз, США, Индия, Россия, Китай, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива и Германия.

США были первой сверхдержавой, начавшей взаимодействовать с государствами Центральной Азии в этом формате, запустив механизм "5+1". Справедливости ради следует отметить, что по мере снижения интересов Вашингтона в Центральной Азии этот формат все больше напоминал номинальные встречи, где больше говорили о намерениях углублять взаимоотношения. Когда Россия и Китай начали взаимодействовать с центральноазиатской пятёркой в этом формате, стало ясно, что США заметно отстают от своих глобальных конкурентов. Осенью 2022 года в Астане состоялся первый саммит глав государств "Россия+Центральная Азия", весной 2023 в Сиане был организован саммит глав государств "Китай-Центральная Азия". С точки зрения масштаба и размаха углубления взаимоотношений саммит в Сиане был беспрецедентным, где китайское руководство, основываясь на глубоком изучении потребностей и возможностей стран Центральной Азии, осуществило индивидуальный подход к странам и предложило больше, чем можно было ожидать. В свою очередь, Соединенные Штаты провели первый саммит "5+1" на полях 78-ой Генеральной ассамблеи ООН. Мероприятие уступило как по уровню проведения, так и по значимости принятых решений, однако стало примером партнерам Вашингтона, т.к. стало известно, что Япония и Германия также собираются провести саммиты с центральноазиатской пятёркой.

Следует отметить, что укрепление регионального сотрудничества между государствами Центральной Азии положительно сказалось на расширении многосторонних взаимодействий с региональными и мировыми игроками, способствуя восприятию данного региона как самостоятельного субъекта на мировой арене. Следовательно, повышенный интерес к Центральной Азии и растущая популярность форматов по формуле "5+1" могут быть рассмотрены как внешнее восприятие региона как данности.

Запуск формата "Китай – Центральная Азия" и ее отличительные особенности от других подобных инициатив

Китай, принимая во внимание активизацию и растущий интерес других игроков к Центральной Азии, создал свой формат взаимодействия со странами региона чуть позже других. С лета 2020 года диалог "Китай-Центральная Азия" начал проводиться на уровне глав внешнеполитических ведомств, в мае 2022 года в режиме онлайн состоялся саммит глав государств, который был посвящен 30-летию установления дипломатических отношений между этими странами.

Отличительные особенности китайского формата "5+1" от других аналогичных инициатив можно охарактеризовать следующим образом:

Во-первых, симптоматично, что Пекин тоже заинтересовался новомодной платформой несмотря на то, что уже существуют китаецентричные форматы, такие как ШОС и инициатива "Пояс и Путь" [13], направленных на развитие многостороннего сотрудничества и диалога с государствами Центральной Азии. Тем не менее КНР конструировал свой формат "5+1", что свидетельствует о ее стремлении создать платформу для более глубокого сотрудничества и реализации собственной повестки дня в Центральной Азии.

Во-вторых, формат "Китай-Центральная Азия" за последнее время достиг больших практических результатов. В отличие от аналогичных действующих форматов он продемонстрировал свою актуальность и востребованность. Среди них отметим саммит глав государств, а также разработку Дорожной карты по развитию регионального сотрудничества на 2022–2025 годы. Данный фундаментальный документ по своей сути раскрывает наиболее приоритетные сферы сотрудничества государств. В частности, в его рамках запланированы различного рода мероприятия в семи конкретных стратегических направлениях [15].

В-третьих, в отличие от других аналогичных инициатив, китайский формат "5+1" имеет потенциал создать новую региональную архитектуру в Центральной Азии. Эта новая реальность может базироваться на китайской концепции "Шелкового пути XXI века", ориентированной на развитие экономического и торгового

сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии. Китай уже играет важную роль в экономике государств региона, а также имеет статус главного инвестора. Формат "5+1" может способствовать укреплению позиции Китая в Центральной Азии и превращению Поднебесной в доминирующего актора в регионе.

На основе перечисленного можно отметить, что формат "Китай-Центральная Азия" выделяется среди аналогичных платформ своей динамичностью и всеохватывающим характером. Эти особенности делают формат более интегральным и перспективным для сотрудничества с государствами Центральной Азии в долгосрочной перспективе.

Основные инициативы Китая и стран Центральной Азии в ходе саммита "5+1"

Первая офлайн встреча на высшем уровне состоялась в городе Сиань 18-19 мая 2023 года, и стала беспрецедентной с точки зрения выдвинутых инициатив и созданных механизмов для расширения сотрудничества между Поднебесной и государствами Центральной Азии [10]. В ходе саммита "Китай-Центральная Азия" было подписано множество документов, принята "Сианьская декларация", а также выдвинуты ряд инициатив и предложений главами государств Китая и Центральной Азии, из числа которых можно выделить следующие:

Во-первых, в ходе саммита стороны заявили, что будет создан механизм встреч глав государств Центральной Азии и Китая. Саммит будет проходить раз в два года поочередно в Китае и в одном из государств Центральной Азии в алфавитном порядке [12]. Такой подход отражает динамичность данного формата и позволяет сторонам в рамках последующих саммитов и встреч совместно разработать общее видение дальнейшего сотрудничества. Следующий саммит "Китай-Центральная Азия" запланирован в 2025 году в Казахстане. Следует подчеркнуть, что главы государств рассмотрели возможность учреждения Секретариата "5+1" в целях всестороннего продвижения сотрудничества между сторонами и функционирования соответствующих механизмов [12]. Создание такого института, как Секретариат, может способствовать всестороннему развитию сотрудничества между Китаем и государствами Центральной Азии и обеспечить эффективное функционирования существующих механизмов, поскольку одной из задач Секретариата является мониторинг реализации выдвинутых инициатив и предложений и также разработка совместных согласованных мер и путей решений появившихся проблем.

Во-вторых, учитывая доминирующее положение Китая в экономиках стран Центральной Азии, на саммите было особое внимание уделено созданию общей стратегии нового экономического диалога между Китаем и Центральной Азией, которая предусматривает принятие конкретных мер, направленных на облегчение торговли и увеличение объемов экспорта товаров из стран региона в Поднебесную. Такая инициатива, в свою очередь, способствует формированию общего пространства для промышленного сотрудничества.

В-третьих, особое внимание было уделено активизации транспортных коридоров "Китай – Центральная Азия", развитие мультимодальных транзитно-транспортных перевозок по направлениям Китай-Центральная Азия-Южная Азия, Китай-Центральная Азия-Ближний Восток, Китай-Центральная Азия-Европа, в том числе по маршруту Китай-Казахстан-Туркменистан-Иран и Транскаспийским маршрутам с использованием морских портов Актау, Курык и Туркменбаши, а также транзитно-транспортных возможностей города Термез [12]. Вместе с тем была подчеркнута значимость завершения ТЭО проекта железной дороги "Китай – Кыргызстан -Узбекистан" и скорейшего начала ее строительства, а также важность строительства казахстанско-китайской железной дороги Аягуз – Тачэн, обеспечения бесперебойного функционирования автодороги "Китай – Кыргызстан – Узбекистан", осуществления регулярной работы автодороги "Китай – Таджикистан – Узбекистан" и автомагистрали "Западный Китай – Западная Европа".

Инициативы и предложения, прозвучавшие в ходе саммита, способствуют укреплению сотрудничества в различных областях. Создание Секретариата формата "5+1" и обсуждение общей стратегии экономического диалога свидетель-

ствуют о стремлении углубить и расширить сотрудничество. Однако существуют и потенциальные вызовы, такие как экономическая зависимость стран региона от Китая, геополитические сложности и экологические проблемы, связанные с деятельностью совместных предприятий, созданные с участием китайского капитала. Управление этими вызовами станет ключевой задачей для обеспечения устойчивости и долгосрочного успеха в сотрудничестве между Китаем и государствами Центральной Азии.

Таким образом, саммит "5+1" отражает стремление сторон углубить свои отношения и создать новый формат сотрудничества, однако его успех будет зависеть от эффективного управления рисками и реализации обсуждаемых инициатив.

Институционализация формата "Китай – Центральная Азия"

Саммит "Китай – Центральная Азия" проходил параллельно с встречей "Большой семёрки", и, пока в Хиросиме обсуждали сдерживание растущего влияния Китая, председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с коллегами из стран Центральной Азии предложил расширить трансграничную торговлю и пообещал выделить государствам региона \$3,7 млрд помощи [5]. В этом ключе Китай, продвигая свои инициативы, переходит к более узкому региональному сотрудничеству с государствами Центральной Азии.

Создавая новые механизмы и расширяя свои инструменты, Поднебесная постепенно институционализирует формат "5+1". Структурированный и продуманный подход позволяет Китаю инициировать ряд механизмов, в том числе Форум индустриально-инвестиционного сотрудничества "Центральная Азия-Китай"; механизм встреч на уровне глав ведомств, курирующих вопросы индустриально-инвестиционного сотрудничества "Центральная Азия-Китай"; механизм совещания министров образования "Центральная Азия-Китай"; механизм диалога о сотрудничестве в области электронной торговли "Центральная Азия-Китай"; альянс индустрии здравоохранения "Центральная Азия-Китай"; сеть сотрудничества национальных административных академий "Центральная Азия-Китай"; деловой совет "Центральная Азия-Китай". и т.д. [9]. Таким образом, формат "5+1" характеризуется всеохватывающим подходом и способствует пересмотру отношений между государствами Центральной Азии и Китаем, открывая новый путь к сотрудничеству.

На сегодняшний день в рамках формата "5+1" уже запущен Форум информационных агентств "Центральная Азия-Китай", что может интегрировать медиапространства стран и обеспечивать более тесное взаимодействие государственных СМИ и обмен информацией между ними. Учитывая роль экспертного сообщества в современных условиях, создан Форум государственных аналитических центров "Центральная Азия-Китай" [7], что может содействовать поиску путей решения существующих проблем, пониманию рисков и угроз, касающихся обеспечения региональной безопасности. Так 21-22 сентября прошел третий Форум, на котором были обсуждены итоги Сианьского саммита и приоритетные направления сотрудничества.

Итоги первого саммита "5+1" и его геополитические последствия

Оценки и анализ экспертного сообщества Центральной Азии в отношении первого офлайн саммита "5+1" носили противоположный характер. С одной стороны, были опубликованы аналитические материалы, где рассуждалось о новом этапе китайской экспансии в Центральной Азии, обозначались реальные и потенциальные риски и вызовы. С другой стороны, восхищались "китайской щедростью" и новыми возможностями для стран региона. Очевидно, такие противоположные оценки будут встречаться и в будущем, поскольку информационный фон, созданный странами конкурентами для Китая, укоренился в сознании лидеров мнений. Несмотря на это, Китай системно продвигает свое видение в Центральной Азии и на фоне действий/противодействий других крупных акторов предлагает реальные инвестиции и проекты странам региона. По итогам первого саммита "Китай-Центральная Азия" можно отметить следующее:

Во-первых, выступая с программной речью, председатель КНР заявил, что "Мы должны действовать в рамках Глобальной инициативы по безопасности и твердо противостоять внешним попыткам вмешательства во внутренние дела региональных стран или разжигания цветных революций. Мы должны сохранять нулевую терпимость к трем силам – терроризму, сепаратизму и экстремизму, и стремиться к решению проблем безопасности в регионе. Мы должны работать вместе, чтобы в нашем сообществе не было конфликтов и царил прочный мир" [10]. Заявление Си Цзиньпина можно рассматривать в сторону лидеров западных государств, которые ввиду сложившихся геополитических обстоятельств, объявили экономическую войну Китаю. Кроме того, подчёркивается последовательная приверженность Китая собственной концепции противодействия трем "измам" – экстремизму, терроризму и сепаратизму.

Во-вторых, прошедший саммит показал, что Китай тщательно подготовился и изучил каждую страну Центральноазиатского региона в отдельности и, исходя из их нужд и потребностей, продвигает свои инициативы, проекты и выделяет финансовые средства. С каждой страной Китай запустил ряд проектов в области инфраструктуры, энергоносителей, электроэнергетики, цифровой экономики и производства. Свидетельством этого являются выделенные Китаем долгосрочные кредиты каждой стране Центральной Азии, инвестиции в их экономику, инициация совместных трансграничных проектов, объявление о безвизовом режиме с Казахстаном, снятие ограничений для визита граждан Узбекистана в Китай и предоставление "безвозмездной помощи" в размере 57 миллионов долларов Таджикистану. Индивидуальный подход проявляется и в открывающихся в странах ЦА так называемых "мастерских Лу Баня" – учреждений профессионального образования, которые призваны помочь в подготовке персонала для реализации инфраструктурных проектов.

В-третьих, в рамках данного саммита Си Цзиньпин в своем программном выступлении вновь озвучил свои глобальные инициативы, которые следует рассматривать как важные составляющие китайской внешней политики. Представленные Китаем глобальные инициативы, такие как Инициативы по глобальной безопасности, Инициативы глобальной цивилизации и Инициативы общего развития, несмотря на их обобщенные формулировки, оставляющие некоторые аспекты неопределенными, могут быть рассмотрены как потенциальные риски для государств Центральной Азии. Поскольку Пекин придерживается стратегического подхода в своей внешней политике, он может постепенно конкретизировать и развивать свои инициативы после их принятия странами региона. Таким образом, фактор Китая формирует ряд вызовов и возможностей странам региона. В таком контексте возникает дилемма для стран Центральной Азии в случае ухудшения международной обстановки – решать, следует ли им быть с Китаем или нет?

В-четвертых, если в Центральной Азии будет наблюдаться рост антикитайского дискурса, Центральноазиатские государства не смогут отказаться от сотрудничества с Поднебесной. Поскольку за последние три десятилетия произошло расширение отношений во всех сферах: политической, экономической, культурно-гуманитарной и в сфере обеспечения безопасности. Если взять двусторонний товарооборот стран Центральной Азии с Китаем, то он составляет значительную часть и выше, чем с другими партнерами. На данный момент нет реальных альтернатив и механизмов для расширения торгово-экономических связей с другими государствами. Республики Центральной Азии не могут отказаться от своих реальных национальных интересов в угоду нарисованных приоритетов. Несмотря на заявления высокопоставленных чиновников и экспертов из стран конкурентов Китая, для Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана большой интерес имеет реальное экономическое сотрудничество и привлечение прямых инвестиций. Китай сегодня является таким партнером, который предлагает реальные инвестиции и углубление политико-экономического взаимодействия.

В-пятых, формат "5+1" может иметь значительные геополитические последствия, так как в случае запуска инициированных механизмов способствует интеграции и более углублённому сотрудничеству между Китаем и государствами Центральной Азии в различных сферах, включая экономику, безопасность и развитие новых транспортных и железнодорожных коридоров. Это может способствовать укреплению влияния Китая в регионе и формированию новых геополитических реалий, а также сделает регион более зависимым от своего восточного соседа. В этом контексте государствам Центральной Азии необходимо разработать более прагматичную и тщательно проработанную внешнюю политику, учитывая имеющиеся возможности и потенциальные риски, с целью предотвращения возможных негативных последствий.

Заключение

Формат "5+КНР" выделяется своими особенностями от других аналогичных платформ. Первый саммит "Китай-Центральная Азия" в городе Сиань подчеркнул уникальность данного механизма, а его разносторонний и динамичный характер позволяет Китаю и государствам Центральной Азии наращивать сотрудничество во многих сферах. Несмотря на растущее влияние Китая в регионе, странам Центральной Азии необходимо придерживаться своей главной концепции, основанной на принципе "сбалансированной равноудалённости от глобальных центров силы", т.е. многовекторности во внешней политике, чтобы избежать подверженности влиянию другой нарастающей мировой державы.

Литература

1. Алексеенкова Е.С. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов "5+1" (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) // *Международная Аналитика* 2017. № 1 (19). С. 29–41. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-1-29-41>
2. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на Пятой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии // Национальное информационное агентство Таджикистана "Ховар": сайт. URL: <https://khovar.tj/rus/2023/09/vystuplenie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rahmona-na-pyatoy-konsultativnoj-vstreche-glav-gosudarstv-tsentralnoj-azii/> (дата обращения: 21.09.2023).
3. Гарбузарова Е.Г. Приоритеты внешней политики Д. Трампа в Центральной Азии // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 455. С. 97–103. <https://doi.org/10.17223/15617793/455/14>
4. Иброхимзода У.Х. Китайский формат С+С5: взгляд из Душанбе // *Central Asian Bureau for Analytical Reporting (CABAR.asia)*: сайт. URL: <https://cabar.asia/ru/kitajskij-format-s-s5-vzglyad-iz-dushanbe> (дата обращения: 15.09.2023).
5. Итоги Саммита "Китай – Центральная Азия" // *Euronews*: сайт. URL: <https://ru.euronews.com/2023/05/19/central-asia-summit-concludes> (дата обращения: 15.09.2023).
6. Карпович О., Кондаков С. Центральная Азия: регион геополитической конкуренции или партнёрства? // *Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer*. 2021. № 5. С. 59–70.
7. Мухаммадзода П.А. "Центральная Азия – Китай" как новая модель практического регионального сотрудничества для совместного развития // *Международные отношения и безопасность*. 2023. № 1 (5). С. 84–90.
8. Парамонов О. Г., Пузанова О.В. Евразийская дипломатия Токио: успехи и неудачи (1997–2017 гг.) // *Сравнительная Политика*. 2018. Т. 9. № 3. С. 42–60. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-42-60>
9. Перечень договорённостей и инициатив в рамках формата "Китай – Центральная Азия" // *Международное информационное агентство "DKNews"*: сайт. URL: <https://dknews.kz/ru/shelkovyy-put/289899-perechen-dogovorennostey-i-iniciativ-v-ramkah-formata?ysclid=lmr47e1ouf143657657> (дата обращения: 15.09.2023).
10. Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите "Китай – Центральная Азия" // *Международное информационное агентство "DKNews"*: сайт. URL: <https://dknews.kz/ru/shelkovyy-put/289901-polnyy-tekst-programmnoy-rechi-si-czinpina-na-sammite> (дата обращения: 15.09.2023).
11. Ризоён Ш.Ш. Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан. Душанбе: Дониш, 2020. 320 с.
12. Сианьская декларация саммита "Китай – Центральная Азия" // *News Central Asia*: сайт. URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/05/20/sianskaya-deklaratsiya-sammita-kitay-tsentralnaya-aziya/> (дата обращения: 15.09.2023).
13. Талипов Ф. Геополитическая арифметика "5+1" в Центральной Азии // *Central Asian Bureau for Analytical Reporting (CABAR.asia)*: сайт. URL: <https://cabar.asia/ru/geopoliticheskaya-arifmetika-5-1-v-tsentralnoj-azii> (дата обращения: 15.09.2023).

14. Хакимов Ф. Динамика регионального развития в Центральной Азии и формат многостороннего сотрудничества "5+1" // Strategy of Uzbekistan. 2021. № 02. С. 78–85.

15. Ризоён Ш.Ш. Дурнамои ҳамгирой дар Осиёи Марказӣ [Перспективы интеграции в Центральной Азии] // Государственное управление. 2023. № 4. (63). С. 288–300.

References

1. Alekseenkova E.S. Comparative analysis of the activities of the "5+1" formats created in Central Asia (with the participation of the USA, South Korea, Japan and the EU) // International Analytics 2017. No. 1 (19). P. 29–41. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-1-29-41> (In Russ.).

2. Speech of the President of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon at the Fifth Consultative Meeting of the Heads of Central Asian States // National News Agency of Tajikistan "Khovar": website. URL: <https://khovar.tj/rus/2023/09/vystuplenie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rahmona-na-pyatoj-konsultativnoj-vstreche-glav-gosudarstv-tsentralnoj-azii/> (accessed 21.09.2023). (In Russ.).

3. Garbuzarova E.G. D. Trump's foreign policy priorities in Central Asia // Bulletin of Tomsk State University. 2020. No. 455. P. 97–103. <https://doi.org/10.17223/15617793/455/14> (In Russ.).

4. Ibrahimboda U.H. Chinese format C+C5: a view from Dushanbe // Central Asian Bureau of Analytical Reporting (CABAR.asia): website. URL: <https://cabar.asia/ru/kitajskij-format-s-s5-vzglyad-iz-dushanbe> (accessed 15.09.2023). (In Russ.).

5. Total of the China – Central Asia summits // Euronews: website. URL: <https://ru.euronews.com/2023/05/19/central-asia-summit-concludes> (accessed 15.09.2023). (In Russ.).

6. Karpovich O., Kondakov S. Central Asia: a region of geopolitical competition or partnership? // Scientific and analytical journal Observer – Observer. 2021. № 5. P. 59–70 (In Russ.).

7. Mukhammadzoda P.A. "Central Asia – China" as a new model of practical regional cooperation for joint development // International relations and security. 2023. No. 1 (5). P. 84–90. (In Russ.).

8. Paramonov O.G., Puzanova O.V. Tokyo's Eurasian diplomacy: successes and failures (1997–2017) // Comparative Politics. 2018 Vol.9. No. 3. P. 42–60. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-42-60>

9. List of agreements and initiatives within the framework of the China–Central Asia format // International News Agency "DKNews": website. URL: <https://dknews.kz/ru/shelkovyy-put/289899-perechen-dogovorennostey-i-iniciativ-v-ramkah-formata?ysclid=lmr47e1ouf143657657> (accessed 15.09.2023). (In Russ.).

10. Full text of Siz-Inpin's keynote speech at the China-Central Asia Summit // International News Agency "DKNews": website. URL: <https://dknews.kz/ru/shelkovyy-put/289901-polnyy-tekst-programmnoy-rechi-sizinpina-na-sammite> (accessed 15.09.2023). (In Russ.).

11. Rizoyon, Sh.Sh. National interests in the foreign policy of the Republic of Tajikistan. 2020. Dushanbe: Donish. (In Russ.).

12. The Chinese Declaration of the summits "China – Central Asia" // Central Asian News.: website. URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/05/20/sianskaya-deklaratsiya-sammita-kitay-tsentralnaya-aziya/> (accessed 15.09.2023). (In Russ.).

13. Talipov V. Political statistics "5+1" in Central Asia // Central Asian Bureau of Analytical Reporting (CABAR.asia): website. URL: <https://cabar.asia/ru/geopoliticheskaya-arifmetika-5-1-v-tsentralnoj-azii> (accessed 15.09.2023). (In Russ.).

14. Khakimov F. Dynamics of regional development in Central Asia and the format of multilateral cooperation "5+1" // Strategy of Uzbekistan. 2021. No. 02. P. 78–85. (In Russ.).

15. Rizoyon Sh.Sh. Prospects for Integration in Central Asia // Public Administration. 2023. No. 4 (63). P. 288–300. (In Tajik).

Умеддjon Хайдар ИБРОХИМЗОДА, эксперт Общественной организации "Тахлил", г. Душанбе, Таджикистан, e-mail: Ibrohimzoda.umed98@gmail.com

Марина Олеговна ДМИТРИЕВА, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: dmitrieva.mo@dvvu.ru

Шерали Шукруллозода РИЗОЁН, канд. полит. наук, старший преподаватель Таджикского национального университета, г. Душанбе, Таджикистан, e-mail: sherali.rizoyon@gmail.com

Umedjon H. IBROHIMZODA, Expert of the Public organization "Tahlil", Dushanbe, Tajikistan, e-mail: Ibrohimzoda.umed98@gmail.com

Marina O. DMITRIEVA, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: Dmitrieva.mo@dvvu.ru

Sherali Sh. RIZOYON, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan, e-mail: sherali.rizoyon@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 27.09.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 27.11.2023

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2023

Рецензия
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/140-145>

Динамика развития конфликтного потенциала и трансформация среды безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Иван Николаевич ЗОЛОТУХИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zolivnik@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию "Оценка безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе – 2023. Ключевые события и тенденции". В работе отражены различные сценарии развития событий, связанных с проблемами безопасности, и обозначены их вероятные негативные последствия для мира и процветания в регионе.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, баланс сил, АСЕАН, инициатива "Один пояс – один путь", проблемы безопасности, новая нормальность, военно-морской потенциал

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда ДВФУ и Дальневосточного федерального университета. Проект № 22-08-06-006

Для цитирования: Золотухин И.Н. Динамика развития конфликтного потенциала и трансформация среды безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 140–145. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/140-145>

Review
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/140-145>

The dynamics of the development of conflict potential and the transformation of the security environment in the Asia-Pacific

Ivan N. ZOLOTUKHIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zolivnik@mail.ru

Abstract. The article reviews the book "Asia-Pacific regional security assessment 2023. Key developments and trends". The work reflects various scenarios for the development of the events related to the security issues and outlines their probable negative consequences for peace and prosperity in the region.

Keywords: Asia-Pacific, balance of power, ASEAN, China's Belt and Road initiative, security issues, new normal, naval and maritime capabilities

The study was carried out with financial support from the FEFU Foundation and the Far Eastern Federal University. Project No. 22-08-06-006

For citation: Zolotukhin I.N. The dynamics of the development of conflict potential and the transformation of the security environment in the Asia-Pacific // Oriental Institute Journal. 2023. No. 4. P. 140–145. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/140-145>

Вопросы международной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в силу значимости происходящих на его пространстве событий и процессов для мирового порядка находятся в фокусе особого внимания экспертного и научного сообщества. Нарастание кризисных явлений в региональной подсистеме подрывает сформировавшуюся десятилетиями парадигму международного экономического сотрудничества, ставит под сомнение эффективность многосторонних структур, ориентированных на противодействие традиционным и нетрадиционным угрозам безопасности. Непрерывающееся соперничество мировых держав влияет на развитие конфликтного потенциала в АТР, ещё больше усиливая глобальную геополитическую турбулентность.

Вызовам безопасности, которые влекут трансформацию международной среды, посвящен выпущенный в этом году сборник аналитических материалов, подготовленный при содействии Международного института стратегических исследований (IISS). Коллективная монография под названием "Оценка безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе – 2023. Ключевые события и тенденции" [4] содержит экспертизу международных проблем, которые за последний год неоднократно становились инфоповодами и широко освещались в медиапространстве. Авторы сборника осветили военный конфликт на Украине и его влияние на безопасность в АТР, перипетии вокруг тайваньской проблемы, военно-морской потенциал региональных держав. К юбилею инициативы "Пояса и пути" был подготовлен анализ развития проекта и его нынешнего состояния. Особое внимание эксперты уделили политическим, транспортно-инфраструктурным и финансово-техническим препятствиям в реализации масштабной стратегии продвижения "мягкой силы" Китая. Отдельно были рассмотрены сюжеты касательно укрепления оборонного потенциала Японии и ситуации в Мьянме после февраля 2021 г.

Среди перечисленных проблем украинский конфликт заслуживает отдельного внимания, поскольку он подкрепил широко распространенное на Западе убеждение о взаимосвязанности европейской безопасности и безопасности в АТР. В вводной главе "Война на Украине и баланс сил в АТР" Джеймс Крэбтри и Юан Грэм предлагают предварительный анализ оперативных и стратегических уроков вооруженного конфликта, длящегося с февраля 2022 г. Авторы считают, что его эскалация может ускорить тенденции к увеличению военных расходов, модернизации вооруженных сил и развитию национального оборонного потенциала в АТР.

Через призму российско-украинского противостояния авторы проводят аналогии с ситуацией вокруг Тайваня, демонстрируя возможные сценарии развития конфликта между Китаем и США. Украинский кризис рассматривается ими как серьезный вызов способностям США и их европейских партнеров распределить ограниченные оборонные ресурсы между Евроатлантикой и Пацификой. Тем самым возникает необходимость переосмысления Вашингтоном методов сдерживания Китая.

Крэбтри и Грэм предполагают, что ядерный шантаж со стороны России, делающий невозможным прямое военное вмешательство третьих сил на стороне Украины, мог усилить сомнения в эффективности гарантий безопасности США в АТР. В то же время, по их мнению, Украину можно рассматривать как один из самых успешных примеров наращивания военного потенциала перед полномасштабными боевыми действиями с превосходящими силами противника в новейшей истории, что может стать уроком для Тайваня. С другой стороны, необходимость европейских союзников США сосредоточиться на Украине делает маловероятным то, что они смогут разработать более решительные подходы к АТР в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Упомянув о том, что война на Украине представляет собой крупный межгосударственный конфликт, который, вероятно, будет иметь долгосрочные глобальные последствия, авторы между тем не указывают причин его возникновения. Также обойдена вниманием роль США в нагнетании украинского кризиса (лишь вскользь упоминается, что расширение НАТО на восток представляет собой стратегическую провокацию для Москвы [5], и не рассмотрено значение Украины для интересов безопасности России, что делает анализ односторонним).

С точки зрения авторов, успех США на украинском направлении укрепит существующий международный порядок как в Европе, так и в АТР. Вместе с тем возможный триумф Запада может иметь и обратные последствия, вынуждая Китай пойти на более изощренные действия в отношении Тайваня. Большинство же государств АТР, опасаясь открыто критиковать Москву, увидят в победе Запада не только торжество демократии, но и гегемонизма.

Хотя война на Украине остаётся в центре внимания всего мира, в последующих четырех главах главным долгосрочным вызовом существующему международному порядку представляются действия Китая. В главе Найджела Инкстера "На-

пряженные американо-китайские отношения и растущая угроза Тайваню" отмечается, что политика Пекина и Вашингтона в направлении друг друга основана на убежденности в намерениях каждой из сторон подорвать позиции своего конкурента на международной арене, примером чего стали торговые и технологические войны, а также серьезные разногласия вокруг Тайваня. После начала вооруженного конфликта на Украине возникли спекуляции о форсированном решении тайваньского вопроса со стороны Китая, но, несмотря на модернизацию и существенное усиление китайских вооруженных сил, автор не находит этому доказательств.

По мнению Инкстера, решение Пекина по тайваньскому вопросу будет основываться на анализе действий США и их союзников, особенно с точки зрения налагаемых ими против Китая экономических и технологических санкций. Таким образом, США должны соблюдать осторожность, принимая меры по снижению риска тайваньского конфликта, избегая при этом действий, которые могут спровоцировать Пекин к силовому варианту его решения. Поэтому Вашингтон продолжает придерживаться нарратива "стратегической неопределенности" вместо четких обязательств помочь Тайбэю в случае китайской интервенции. В то же время американская сторона согласилась на серию крупных продаж оборонного оборудования на остров, параллельно активизировав контакты официальных лиц США и Тайваня.

Это привело к военно-морским и воздушным учениям НОАК вокруг Тайваня. Все более частными и масштабными стали вторжения китайских военных самолетов в опознавательную зону ПВО Тайваня. Тем самым попытки Китая запугать Тайвань стали "новой нормальностью"¹ по обе стороны пролива, однако Пекин явно не готов пойти на крайние шаги в преодолении стратегии сдерживания, поскольку это чревато катастрофическими последствиями не только для него самого, но и для всего мира.

Хотя заявления Китая о "воссоединении с Тайванем" остаются важной темой в международном политическом дискурсе, именно растущая военно-морская мощь КНР создаёт стратегический вызов региональной безопасности. В своей главе "Азиатско-Тихоокеанский военно-морской потенциал: новая оперативная динамика" Ник Чайлдс говорит о том, что США и их союзники координируют совместные усилия для того, чтобы не допустить стратегического дисбаланса в пользу Китая в водах Тихого и Индийского океанов. Вместе с тем автор призывает остерегаться не только недооценки китайских вооруженных сил, но и вероятности усиления сотрудничества между Китаем, Ираном и Россией в военно-морской сфере. Для Чайлдса именно Россию, для которой Тихий океан является одним из стратегических приоритетов [3], не следует сбрасывать со счетов как наиболее значимого для Китая партнера в АТР, обладающего ведомым военно-морским потенциалом.

В условиях отсутствия прямых военно-морских столкновений сложно оценить боевую эффективность ВМС НОАК, также как возможности США с их союзников оперативно сдерживать китайские амбиции в рамках океанской стратегии. В то же время наращивание боевых ресурсов как со стороны Китая, так и со стороны его стратегических противников повышает градус напряженности в АТР.

Морская стратегия Китая является важным инструментом реализации инициативы "Один пояс – один путь" (ОПОП), которая подразумевала расширение диапазона всеобъемлющего и взаимовыгодного партнерства Поднебесной со странами Евразии и Африки, благодаря созданию инфраструктуры, способствующей взаимосвязи глобальных торговых маршрутов. Однако прогнозы в отношении ОПОП как нового мощного образования на мировой арене (прежде всего в АТР), опирающиеся во многом на растущую силу и возможности Китая, оказались, по мнению некоторых экспертов, слишком оптимистичны. Так, Мейя Нувенс в своей главе "Китайская инициатива "Один пояс – один путь" десять лет спустя" отмеча-

¹ Новая нормальность или новая реальность (new normal) – быстрое возникновение новых явлений, которые становятся нормой для общества. Однако развитие новых явлений трудно прогнозировать, что ведёт к снижению их предсказуемости и влечёт рост неопределенности [1]. Подробнее о новой нормальности в ЮВА см., например [2].

ет, что на пути реализации проекта китайское руководство столкнулось с серьезными политическими и экономическими трудностями, которые привели к смещению Пекином акцентов с проектов транспортно-промышленной инфраструктуры к так называемым "глобальным цифровым инвестициям" через инновационную модель ОПОП – Цифровой шёлковый путь. Данная инициатива, направленная на "глобальный Юг", по мнению автора, призвана продвигать нарративы китайской мягкой силы.

Пекин стремится задействовать гибкие способы продвижения своего влияния, прежде всего китайские информационные платформы, способствуя цифровой трансформации в странах по маршруту ОПОП. Автор отмечает, что спрос на китайские IT-продукты в АТР значительно выше, чем среди западных стран, которые из соображений безопасности пошли на ограничение цифровой экспансии Китая.

Состояние внутренней экономики Китая может усложнить его кредитование стран с высокой степенью политических рисков. В этом отношении, по мнению Нувенса, использование Китаем дипломатии "долговой ловушки" с целью строительства объектов двойного назначения, которые можно было бы использовать для поддержки его программы расширения военно-морских сил, экономически нецелесообразно и больше основано на предположениях некоторых западных стран [8].

Несмотря на то, что Пекину будет нелегко изменить траекторию военно-морского баланса в АТР, стратегические вызовы, исходящие от военных и экономических возможностей Китая не могут не вызывать озабоченность региональных игроков. Роберт Уорд и Юка Кишино в главе "Япония делает шаг вперед: политика безопасности и обороны при Кисиде" затрагивают изменение позиции Токио в сфере обороны и национальной безопасности вследствие ухудшения внешнеполитической обстановки вокруг Страны восходящего солнца, отмечая возросшее влияние угроз со стороны Китая, России и Северной Кореи.

Изменения в характере угроз международной безопасности подвигли Токио на разрыв с нормами оборонной политики, являвшейся катехизисом японской внешнеполитической парадигмы с 1945 г. Новая стратегия национальной безопасности Японии [7] предполагает обязательства правительства укрепить оборонный потенциал страны до беспрецедентного уровня. Япония идёт на увеличение военных расходов до 2% ВВП в год. Согласно новой Стратегии национальной обороны, Япония сможет наносить контрудары по целям на территории потенциального противника, а Силы самообороны будут поэтапно модернизированы для ведения дальнего боя, осуществления комплексной противовоздушной и противоракетной обороны, мобильного развертывания, разведывательной деятельности и т.д. [6]

Важной сферой укрепления боеготовности Японии является её сотрудничество в области безопасности с партнёрами-единомышленниками. Помимо активизации взаимодействия в рамках военно-политического альянса с Вашингтоном, Токио имеет соглашения о передаче оборонного оборудования и технологий с 12 странами, а также приводит с некоторыми из них совместные учения (Австралия, Индия, Филиппины). Тем самым Япония играет роль осевого партнера США в стратегии сдерживания Китая и построения многоуровневой сети между региональными альянсами США и странами-единомышленниками.

Между тем Японии вероятнее всего предстоит столкнуться с рядом проблем при реализации программы реформ в области обороны и безопасности, таких как недостаток финансирования, рабочей силы и оборонно-технологического потенциала. Кроме того, авторы не дают ответа, как отреагируют Китай, Россия и страны АСЕАН на рост обороноспособности Японии и превращение её в реальный "непотопляемый авианосец". Наконец, остаются сомнения в том, способна ли Япония в альянсе с США создать общерегиональную среду безопасности в условиях нарастания американо-китайской конфронтации, когда многие государства АТР не готовы прямо поддержать какую-либо из сторон.

В заключительной главе сборника несколько особняком стоит проблема, степень важности которой по сравнению с предыдущими на первый взгляд кажется не столь значительной. Однако события в Мьянме вызвали широкой резонанс на международной арене, создав проблемы не только для военного правительства страны, но и для АСЕАН, которая позиционирует себя как главный инструмент регионального сотрудничества. Аарон Коннелли и доктор Шона Лунг в работе "Конфликт в Мьянме и международная реакция" разбирают предпосылки, которые привели к смене власти в стране в феврале 2021 г., описывая сложную палитру межэтнических столкновений и рассматривая нынешнюю ситуацию как часть внутривосточного противостояния, продолжающегося с 1948 г., когда возник Бирманский союз. Авторы отмечают, что эскалация вооруженного насилия в Мьянме привела к крупнейшему гуманитарному кризису в ЮВА со времен окончания холодной войны.

Попытки решения конфликта дипломатическим путём потерпели неудачу, хотя согласованный лидерами девяти участников АСЕАН "Консенсус из пяти пунктов", призывающий к прекращению огня и диалогу под эгидой АСЕАН с целью мирного урегулирования, показал согласованность их позиций в отношении нормализации ситуации в Мьянме. В целом же среди стран АТР к нынешнему мьянманскому правительству наблюдается скорее нейтрально-настороженное отношение, что свидетельствуя о нежелании международного сообщества идти на повышение ставок в решении конфликта. Обострение ситуации в Мьянме в случае вмешательства в конфликт третьих сил чревато деструктивными последствиями для безопасности в АТР.

Анализируя конфликтный потенциал АТР, авторы сборника подчёркивают необходимость согласованных действий между региональными игроками в решении проблем безопасности, призывая политическое руководство региональных держав трезво оценивать свои ресурсы и возможности, а также избегать опрометчивых внешнеполитических решений. В силу масштабности регионального противоречия речь идет о недопущении военного противостояния, способного привести к глобальной катастрофе. В такой ситуации исследователи выступают за сохранение открытых каналов связи между политиками и экспертами, дабы правительственные структуры могли оценить предложения по борьбе с угрозами существующему региональному порядку. Результаты проделанной аналитической работы будут интересны сотрудникам внешнеполитических ведомств, представителям академического сообщества и читателям, интересующимся проблемами международной безопасности.

Литература

1. Булатов А.С. Новая нормальность// Мировое и национальное хозяйство. 2020. Вып. 3 (52). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost> (дата обращения: 16.01.2023).
2. Золотухин И.Н. Столкновение с новыми вызовами: влияние COVID-19 на восприятие нетрадиционных аспектов безопасности в Юго-Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 164–169.
3. Морская доктрина Российской Федерации 31 июля 2022 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/xBBH7DL0RicfdtdWP0l32UekiLMTAycW.pdf> (дата обращения: 26.07.2023).
4. Asia-Pacific regional security assessment 2023. Key developments and trends. Edited by John Chipman, Tim Huxley, Dr Lynn Kuok. – The International Institute for Strategic Studies. London, 2023. 164 p.
5. Mahubani Kishore. Ukraine war: Where are the peacemakers?//The Straits Times. March 19 2022. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/where-are-the-peacemakers> (дата обращения: 19.07.2023).
6. National Defense Strategy 2022. URL: https://www.mod.go.jp/j/policy/agenda/guideline/strategy/pdf/strategy_en.pdf (дата обращения: 29.08.2023).
7. National Security Strategy of Japan 2022. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryoku/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 29.06.2023).
8. US Dept. of Defense, Military and Security Developments Involving the People's Republic of China, 29 November 2022. URL: <https://china.usc.edu/us-dept-defense-military-and-security-developments-involving-peoples-republic-china-2022-november-29> (дата обращения: 17.08.2023).

References

1. Bulatov A.S. New normal// World and national economy. 2020. Issue. 3 (52). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost> (accessed 16.01.2023). (In Russ).
2. Zolotukhin I.N. Facing New Challenges: The Impact of COVID-19 on Non-Traditional Security Issues in Southeast Asia// Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 164–169. (In Russ).
3. Maritime Doctrine of the Russian Federation. July 31 2022. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/xBBH7DL0RicfddtWPoL32UekiLMTAycW.pdf> (accessed 26.07.2023). (In Russ).
4. Asia-Pacific regional security assessment 2023. Key developments and trends. Edited by John Chipman, Tim Huxley, Dr Lynn Kuok. – The International Institute for Strategic Studies. London, 2023. 164 p.
5. Mahbubani Kishore. Ukraine war: Where are the peacemakers?//The Straits Times. March 19 2022. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/where-are-the-peacemakers> (accessed 19.07.2023).
6. National Defense Strategy 2022. URL: https://www.mod.go.jp/j/policy/agenda/guideline/strategy/pdf/strategy_en.pdf (accessed 19.07.2023).
7. National Security Strategy of Japan 2022. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed 19.07.2023).
8. US Dept. of Defense, Military and Security Developments Involving the People's Republic of China, 29 November 2022. URL: <https://china.usc.edu/us-dept-defense-military-and-security-developments-involving-peoples-republic-china-2022-november-29> (accessed 17.08.2023).

Иван Николаевич ЗОЛОТУХИН, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: zolotukhin.in@dvfu.ru

Ivan N. ZOLOTUKHIN, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zolotukhin.in@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 08.09.2023

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2023

Сообщение
УДК 323.1
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/146-149>

"Духовное наследие Хо Ши Мина: 100 лет спустя": о международной научной конференции

Александр Якубович СОКОЛОВСКИЙ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, yalishanda@mail.ru

Аннотация. В сообщении содержится обзор основных докладов, представленных на международной научной конференции "Духовное наследие Хо Ши Мина: 100 лет спустя". Главная цель международной научной конференции состояла в привлечении внимания к богатейшему идейному наследию Хо Ши Мина – выдающегося политического и культурного деятеля мирового масштаба, освободителя вьетнамского народа от колониального гнета, первого президента свободного Вьетнама, – которое сформировалось в годы его пребывания в Советской России, начиная с первого дня его приезда в СССР 30 июня 1923 года и в дальнейшем, на протяжении последующих шести лет учебы в Коммунистическом университете трудящихся Востока и работы в Исполкоме Коминтерна, а также к тому, что его духовное наследие остается актуальным и в наши дни.

Ключевые слова: духовное (идейное) наследие, национально-освободительное движение, Августовская революция, единство страны и всенародная солидарность

Для цитирования: Соколовский А.Я. "Духовное наследие Хо Ши Мина: 100 лет спустя": о международной научной конференции // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 146–149. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/146-149>

Message

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/146-149>

"The Ideological heritage of Ho Chi Minh: 100 years later": about the international scientific conference

Alexander Ya. SOKOLOVSKY

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, yalishanda@mail.ru

Abstract. The message contains an overview of the main reports presented at the international scientific conference "The Ideological heritage of Ho Chi Minh: 100 years later." The main goal of the international scientific conference was to draw attention to the rich ideological heritage of Ho Chi Minh – an outstanding political and cultural figure on a world scale, the liberator of the Vietnamese people from colonial oppression, the first president of free Vietnam, which was formed during his stay in Soviet Russia, starting from the first the day of his arrival in the USSR on June 30, 1923, and over the next six years of study at the Communist University of the Workers of the East and work in the Executive Committee of the Comintern, and also to the fact that it remains very relevant to this day.

Keywords: ideological heritage, national liberation movement, August Revolution, unity of the country and nationwide solidarity, national and class interests

For citation: Sokolovsky A.Ya. "The Ideological heritage of Ho Chi Minh: 100 years later": about the international scientific conference // Oriental Institute Journal. 2023. № 4. P. 146–149. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/146-149>

30 июня 2023 года исполнилось ровно 100 лет со дня первого приезда Хо Ши Мина в Советскую Россию. Этой знаменательной дате была посвящена международная научная конференция "Духовное наследие Хо Ши Мина: 100 лет спустя", которая проходила в этот день в Институте Хо Ши Мина при Санкт-Петербургском государственном университете. Ее организаторами выступили Институт Хо Ши Мина СПбГУ и Центр изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии РАН (прежнее название ИДВ РАН).

В конференции приняли участие ведущие вьетнамоведы из Москвы, Санкт-Петербурга и Владивостока, а также вьетнамские эксперты из Мемориального комплекса Хо Ши Мина в Президентской резиденции и Государственной полити-

ческой академии Хо Ши Мина (Ханой). Научная конференция проходила в смешанном режиме (on line и off line) на русском и вьетнамском языках.

С приветственным словом к участникам конференции обратился руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии (ИКСА) РАН доктор экономических наук, профессор В.М. Мазырин. Он подчеркнул, что Хо Ши Мин является фигурой мирового значения. Для Вьетнама – это вождь освободительной Августовской революции, начинатель всех свершений, которых добился вьетнамский народ сегодня. А для России – ее большой друг. Поэтому вполне естественно, что научное сообщество в лице Института Хо Ши Мина при СПбГУ и Института Китая и современной Азии РАН уделяют этому событию большое внимание и проводят международную научную конференцию. Профессор В.М. Мазырин также сделал научное сообщение, в котором подробно рассказал о взглядах Хо Ши Мина на колониализм и национально-освободительное движение, развитие российско-вьетнамских отношений. Он, в частности, отметил, что марксистская идеология, которой будущий президент Хо Ши Мин проникся за более чем 10 лет своего пребывания в Европе, включая советский период, способствовала успеху Августовской революции 1945 года, изгнанию французских колонизаторов из страны и построению независимого демократического Вьетнама (ДРВ), а позже – освобождению Южного Вьетнама от проамериканского марионеточного режима (1975 г.) и объединению страны в 1976 году в рамках социалистической Республики (СРВ).

На конференции с приветственным словом выступил Второй секретарь Посольства Социалистической Республики Вьетнам в Российской Федерации Нгуен Ань Туан. Он сказал, что с момента обретения Вьетнамом независимости прошло 78 лет. Все это время Вьетнам и бывший Советский Союз, как и сегодняшняя Россия, всегда стояли плечом к плечу и добились многих успехов в развитии традиционных дружественных отношений и всеобъемлющего стратегического партнерства между двумя странами. Вьетнамский дипломат пожелал организаторам и участникам конференции конструктивного диалога и эффективного научного взаимодействия.

Ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН Е.В. Кобелев рассказал о тесных связях всенародно избранного президента независимого Вьетнама с Советской Россией и о его вкладе в укрепление российско-вьетнамской дружбы и всеобъемлющего стратегического партнерства.

В работе конференции приняли активное участие и выступили с докладами вьетнамские исследователи и сотрудники Мемориального комплекса Хо Ши Мина в Президентской резиденции (Ханой) и Государственной политической академии Хо Ши Мина (Вьетнам).

Заместитель директора Мемориального комплекса Хо Ши Мина и Президентской резиденции в Ханое До Хоанг Линь в своем докладе проанализировал ранее засекреченные документы, касающиеся контактов между лидером вьетнамских коммунистов Хо Ши Мином, И.В. Сталиным и ответственными сотрудниками аппарата ЦК ВКП(б) в 1950–1951 гг. Он акцентировал внимание на личных контактах Хо Ши Мина и Иосифа Сталина в этот период. Эта тема долго оставалась малоизученной и потому не потеряла своей актуальности до сих пор. Докладчик отметил, что Хо Ши Мину удалось установить прямые контакты со Сталиным, воспользовавшись помощью китайских коммунистов и присутствием советских военных советников в освобожденных от чанкайшистов районах Китая.

Вскоре, 30 января 1950 года, СССР признал ДРВ и заключил с первой в Юго-Восточной Азии молодой народно-демократической Республикой дипломатические отношения.

Нгуен Ван Зьонг – зам. директора Мемориального комплекса Хо Ши Мина в Ханое в своем совместном обширном докладе с Динь Куанг Тхань – зам. главного редактора журнала "Изучение наследия Хо Ши Мина" Института Хо Ши Мина и руководителей партии Государственной политической академии Хо Ши Мина – сообщил множество интересных фактов о роли советских специалистов в развитии

народного хозяйства Вьетнама и их встречах с Президентом Хо Ши Мином. Докладчик напомнил, что в июле 1955 года во время очередного визита Хо Ши Мина в Москву состоялось подписание советско-вьетнамского соглашения, согласно которому советское правительство выделяло финансирование на восстановление и строительство 25 промышленных и коммунальных предприятий, в том числе оловокомбината в провинции Каобанг, механического завода в Ханое, теплоэлектростанции в Уонг Би, гидроэлектростанции в Тхак Ба, рыбконсервного завода в Хайфоне, завода по производству чая в Фу Тхо, суперфосфатного завода в Лам Тхао, Политехнического и Сельскохозяйственного институтов в Ханое и др.

Нгуен Ван Зыонг особо отметил тот факт, что Хо Ши Мин никогда не упускал возможности лично встречаться с советскими специалистами, чтобы поблагодарить их за оказываемую ими помощь вьетнамскому народу в борьбе с интервентами и в восстановлении разрушенной войной экономики.

Сотрудник Мемориального комплекса Хо Ши Мина в Ханое Нгуен Тхи Тху Ханг посвятила свой доклад жизни и деятельности духовного лидера и руководителя партии и государства. Она отметила огромный вклад Хо Ши Мина в победу национально-освободительной революции и образование первой в Юго-Восточной Азии народно-демократической республики (ДРВ), а также большой его вклад в культуру Вьетнама и борьбу за мир, дружбу и сотрудничество между народами. Особенно между народами Вьетнама и России.

Магистрант Лыонг Тхи Лан выступила с докладом о Мемориальном комплексе Хо Ши Мина в Ханое, центром которого является мавзолей, в котором покоится тело вождя. Помимо мавзолея в архитектурный комплекс входит Дом вождя (дом на сваях), Президентский дворец, Пагода на одном столбе и Музей Хо Ши Мина.

Темой доклада доцента Дипломатической академии МИД РФ П.Ю. Цветова стал классовый анализ общественных отношений в работах Хо Ши Мина 20-х годов XX в. По мнению докладчика, Хо Ши Мин глубоко и уникально проследил тесную связь между национальными и классовыми интересами в патриотической борьбе за освобождение от колониального ига, обретение свободы и образование ДРВ.

Старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН А.А. Соколов познакомил слушателей с портретами Хо Ши Мина, написанными русскими и советскими художниками в разное время. Особое внимание он уделил члену союза художников СССР А.П. Кузнецову (1916–1993 гг.), который, будучи профессором Ханойской Академии художеств, в начале 60-х годов написал прижизненный портрет Хо Ши Мина, считающийся до сих пор одним из лучших.

Об увековечении во Владивостоке памяти духовного лидера вьетнамского народа и первого президента свободного Вьетнама рассказал профессор ДВФУ А.Я. Соколовский. Он напомнил участникам международной конференции, что Хо Ши Мин в 20-е и 30-е годы прошлого века, будучи членом Исполкома Коминтерна, несколько раз по его заданию отправлялся на поезде из Москвы в революционный Китай через Владивосток и возвращался оттуда обратно тоже через Владивосток по его словам, город, который он любил. О приезде Хо Ши Мина во Владивосток напоминают мемориальная доска на здании железнодорожного вокзала, памятная табличка в кафе гостиницы "Версаль", где часто обедал будущий президент, останавливаясь всякий раз здесь, а также его памятник, установленный в одном из живописных скверов города.

Магистрант Санкт-Петербургского государственного университета Н.В. Колотова рассказала об искусстве дипломатии, которым обладал Хо Ши Мин. Она отметила гибкость и эффективность его внешней политики, принципы которой претворяет в жизнь и нынешнее руководство СРВ.

Завершил конференцию доклад профессора В.Н. Колотова – директора Института Хо Ши Мина СПбГУ – "Влияние советской политической доктрины на Вьетнам в середине XX века в сфере политической теории". В докладе было показано, какое влияние на Хо Ши Мина оказали идеи марксизма–ленинизма и как он творчески их переработал, отбирая то, что подходит к конкретным условиям Вьетнама. По мнению докладчика, Хо Ши Мин соединил эти идеи с принципами, разработанными

ми знаменитым древнекитайским военным стратегом Сунь Цзы, и на этой основе выработал стратегию борьбы за освобождение своего народа, которая остается актуальной и сейчас для народов, борющихся против неокOLONиализма.

В заключении участники конференции отметили высокий научный уровень представленных докладов, актуальность духовного наследия Хо Ши Мина и необходимость обращения к нему в современных условиях.

Александр Якубович СОКОЛОВСКИЙ, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: yalishanda@mail.ru

Alexander Ya. SOKOLOVSKY, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: yalishanda@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 21.07.2023

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2023

Информация для авторов

К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходившие в русскоязычных изданиях. Предоставление автором/авторами рукописи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде. Принятие рукописи к публикации предполагает бесплатную бессрочную передачу автором/авторами текста неисключительных авторских прав редакции.

Предоставляя рукописи в редакцию журнала, авторы тем самым подтверждают согласие с принципами публикационной этики издания и процедурами обработки рукописей (см. детали на сайте издания).

В работе с рукописями редакция исходит из существования нескольких жанров научных текстов: 1) научная статья, 2) отчёт о работе круглого стола/научного семинара, 3) научная рецензия, 4) публикация исторического источника и научный комментарий к нему, 5) сообщение о научном событии. Разделение на жанры преследует цель совершенствования научной экспертизы рукописей и дифференцированного подхода к текстам разного назначения. Обобщённо редакция выделяет жанр статьи и жанр материалов (с поджанрами; см. ниже).

Стремясь к совершенствованию исследовательской практики научного сообщества, редакция понимает под научной статьёй отчёт о логически завершённом исследовании познавательной проблемы, осуществлённом посредством применения научного метода. Соответственно, характерной чертой научной статьи является её методолого-методическая насыщенность, признаками которой являются а) чёткое описание объекта, предмета, цели и задач исследования, б) обсуждение и оценка фактологической и методолого-методической основы исследования, в) обобщение и выводы. Именно эти четыре признака лежат в основе различения "статей" и "материалов" в практике редакционной работы.

Материалы включают следующие поджанры:

- материалы круглого стола/семинара – стенограмма или авторские материалы научного обсуждения актуальной познавательной проблемы;
- научная рецензия – критический отзыв на публикацию, раскрывающий её содержание и дающий оценку её познавательного значения;
- научный комментарий к историческому источнику – текст, сопровождающий публикацию документа, задающий его исторический контекст, разъясняющий необходимые детали (упоминаемые в нём события и персоналии и т. п.), дающий оценку документа как источника по указываемым в комментарии познавательным проблемам;
- сообщение о научном событии – краткий обзор одного или нескольких научных событий (конференций, семинаров и т. п.), включающий содержательное мнение автора о значении этих событий для развития области знаний.

Рукописи статей подлежат научному рецензированию. Рукописи иных материалов проходят редакционную экспертизу на предмет соответствия тематическому профилю журнала и научно-познавательной актуальности.

Рукописи проходят редакционный отбор. Рукописи, не соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала, редакционным требованиям к оформлению и комплектности, не рассматриваются.

Рукописи статей публикуются в порядке их поступления в редакцию. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и редактировать рукописи статей, а также переносить их публикацию в один из ближайших номеров. Право на первоочередную публикацию имеют статьи членов редколлегии журнала, а затем статьи аспирантов и докторантов.

Один автор (индивидуально и в соавторстве) не может опубликовать в журнале в течение календарного года более двух статей.

Доля заимствований из предыдущих публикаций автора в рукописи, направляемой им в журнал, не может превышать 25%.

Плата за публикацию статей не взимается, гонорар не выплачивается. Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

Требования к оформлению направляемых в редакцию материалов

1. Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
2. Файл не должен содержать встроенных стилей и специального форматирования.
3. Формат страницы А4. Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
4. В заголовках не применять ЗАГЛАВНЫЕ символы без необходимости, пропунктуация буквы "ё" в тексте рукописи обязательна.
5. Шрифт Times New Roman, размер знака 14 пт, межстрочный интервал 1,5.
6. Объём основного текста присылаемых рукописей (без учета аннотаций и списка литературы):
  - статей – от 0,5 до 1,0 авторского листа (20–40 тыс. знаков с пробелами);
  - материалов в рубрику "Научная жизнь" – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков);
  - комментариев к историческому источнику (в рубрику "Архив") – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), текст исторического источника не должен превышать 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков);
  - материалов в рубрику "Рецензии" – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков).
7. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, список сокращений (если есть), подписи к рисункам и диаграммам (если есть), информация об авторе (авторах) на русском и английском языках.
8. Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объём аннотации на русском языке – 500 (±100) знаков, на английском языке – 1000 (±100) знаков.
9. Количество ключевых слов и фраз 5–7, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 15. Ключевые слова должны быть упорядочены – от общих, соответствующих проблеме, к частным, отражающим детали исследования, методику.
10. Текст рукописи может включать не более двух уровней заголовков.
11. Ссылки в тексте статьи являются внутритекстовыми и оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты или упомянутого факта. В случае одновременной ссылки на несколько работ, сами ссылки помещаются внутрь одной пары скобок и отделяются друг от друга точкой с запятой.
12. Ссылка на неопубликованный архивный или иной документ внутритекстовая, она не помещается в список литературы. Такая ссылка оформляется круглыми скобками.
13. В случае, если рукопись включает таблицы, иллюстрации, диаграммы, в тексте должны быть ссылки на эти объекты.
14. Таблицы, иллюстрации, диаграммы должны снабжаться поясняющей подписью, в которой даются название/заголовок и указывается авторство или источник происхождения: ссылка на элемент списка литературы, неопубликованный источник, иная ссылка.
15. В силу того, что изображения в текстовый файл не вставляются, поясняющие подписи к иллюстрациям помещаются после списка литературы особым списком (даже если иллюстрация одна). Все подписи к иллюстрациям необходимо сопровождать переводом на английский язык.
16. Рисунки, карты и т. п. принимаются в наиболее распространённых графических форматах (eps, ai, jpeg, bmp, tif) отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi; вставлять графический файл в текстовый не следует!
17. Имя графического файла с иллюстрацией – порядковый номер иллюстрации в рукописи.
18. Диаграммы должны быть представлены в исходном виде, а не как рисунок, т. е. сопровождаться таблицей данных. Для этого диаграммы необходимо выполнять и предоставлять в формате электронных таблиц Microsoft Excel. Каждая диаграмма должна быть расположена на отдельном листе файла электронной таблицы.
19. Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
20. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых, ГОСТ Р 7.0.12-2011) обязательна и даётся в конце текста рукописи после списка литературы.
21. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
22. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на кириллице, далее на латинице, и после на других системах письма.
23. В одном пункте списка литературы не может быть больше одной ссылки на один том издания.
24. Библиографическое описание элементов списка литературы выполняется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 "Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления" (см. образец оформления рукописи).
25. При включении в список литературы газет, также необходимо исходить из принципа: одна газета – один пункт в списке литературы (это касается всех изданий, в том числе и многотомных). Обязательно указывается год выхода газеты, месяц и число. При наличии – номер газеты и номер страницы.
26. Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
27. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (doi), его необходимо указывать.

28. Русскоязычный список литературы должен сопровождаться его англоязычной версией ("References"). В "References" после полного перевода описания неанглоязычной публикации на английский должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.). Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution).
29. Сведения об авторе (авторах) рукописи должны включать: фамилию, имя, отчество, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты, ORCID (при наличии).
30. Присылаемому файлу (файлам) следует присваивать только фамилию автора (первого автора). В случае, если рукопись имеет нескольких авторов, редакция ведёт переписку с первым автором.
31. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации в виде набора файлов. Адрес электронной почты: izvestyavi@yandex.ru

**Обращаем внимание авторов,
что рукописи статей, подготовленные с нарушением вышеуказанных требований,
редакцией к рассмотрению не принимаются.**

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 4 (60) • 2023

Ответственный редактор А. А. Киреев
Корректор О. А. Золотухина
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет", 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Цена свободная

Дата выхода в свет
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 12,90. Уч.-изд. л. 15,08.
Тираж 100 экз.
Заказ

Отпечатано в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета, 690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

ISSN 2542-1611

9 772542 161006